

Вестник Донецкого национального университета



НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

1/2022

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +7(949) 36-707-35, +7(949)36-707-35 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 1 от 28.01.2022 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 1/2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дербишева О. А.</i> Проблемы доказывания компенсации морального вреда за неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны в гражданском судопроизводстве	3
<i>Дербишева О. А.</i> Институт доказывания в гражданском процессе Донецкой Народной Республики	12
<i>Дербишева О. А.</i> Усовершенствование процедуры ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции в Донецкой Народной Республике	19
<i>Карло А. Г.</i> О перспективах создания специального государственного алиментного фонда	25
<i>Ковалёв И. П.</i> Актуальные проблемы института судебного извещения в гражданском судопроизводстве Донецкой Народной Республики	32
<i>Липинский В. В.</i> Личные неимущественные и иные права авторов в цивилистике РФ и ДНР	39
<i>Манивлец Э. Е., Махортов С. П.</i> Проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации	46
<i>Подляскин А. А.</i> Современное состояние административно-правового регулирования огнестрельного оружия и боеприпасов	53
<i>Семыкина Л. А., Левина Н. А.</i> Противодействие проявлениям экстремизма по законодательству Донецкой Народной Республики	64
<i>Семыкина Л. А., Ломакина Ю. А.</i> К вопросу об определении терроризма	72
<i>Соловьёва Ю. А.</i> Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с коррупцией	78
<i>Соловьёва Ю. А., Лозовой Я. Э.</i> Коллективные механизмы обеспечения международной безопасности в рамках Организации Объединённых Наций	86
<i>Степанова Ю. С., Слизовский В. А.</i> Характеристика процессов, оказывающих влияние на трансформацию форм государственного устройства на современном этапе государственогенеза	96
<i>Тимошенко Н. А., Кулик И. С.</i> К вопросу об объективной стороне служебного подлога	111
<i>Фартушинова А.</i> Информационная безопасность в гражданском праве	117
Правила для авторов	125

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 1/2022

CONTENTS

<i>Derbisheva O.</i> Problems of proving compensation for non-pecuniary damage for privacy, personal and family secrets in civil proceedings	3
<i>Derbisheva O.</i> Institute of evidence in civil proceedings of the Donetsk People's Republic	12
<i>Derbisheva O.</i> Improving the procedure for familiarizing persons with the case materials in the court of first instance in the Donetsk People's Republic	19
<i>Karlo A.</i> On the prospects of establishing a special state alimentary fund	25
<i>Kovalev I.</i> Actual problems of the institution of judicial notification in civil proceedings of the Donetsk People's Republic	32
<i>Lipinsky V.</i> Personal non-property and other rights of authors in modern civil law of the Russian Federation and the DPR	39
<i>Manivlets E., Makhortov S.</i> Ways to solve the problems of countering crimes in the field of computer information.....	46
<i>Podlyaskin A.</i> The current state of administrative and legal regulation of fireware and ammunition	53
<i>Semykina L., Levina N.</i> Countering manifestations of extremism under the legislation of the Donetsk People's Republic	64
<i>Semykina L., Lomakina Ju.</i> To the question about the definition of terrorism	72
<i>Solovyova Ju.</i> International cooperation of states in the field of combating corruption	78
<i>Solovyova Ju., Lozovoy Y.</i> Collective mechanisms for ensuring international security within the United Nations	86
<i>Stepanova Ju., Slizovskiy V.</i> Characteristics of the processes influencing the transformation of the forms of government at the present stage of state genesis	96
<i>Timoshenko N., Kulik I.</i> On the objective side of forgery	111
<i>Fartushnova A.</i> Information security in civil law	117
Guidelines for authors	125

УДК 347.13

Дербишева О. А.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ТАЙНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы доказывания компенсации морального вреда за неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Также рассматриваются основания доказывания для возмещения морального вреда данной категории. Анализируется действующее законодательство Российской Федерации, которое регулирует компенсацию морального вреда. Исследуется вопрос о пределах доказывания. Актуальность статьи обусловлена необходимостью унификации (в определенной степени) процессуальных особенностей и более четкому, внятому и логически обоснованному процессуальному порядку доказывания морального вреда за неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны в делах о его компенсации. Предметом исследования является формирование вывода о том, что судебные решения по таким делам носят субъективный характер, размер компенсации не имеет четких регламентирующих норм, основания возникновения обязательств по компенсации морального вреда имеют весьма размытые границы. Моральный вред – одна из важнейших категорий гражданского права. Однако доказывание морального вреда с точки зрения гражданского процесса является сложной, неоднозначной многочисленностью действий, имеющей множество разночтений.

Ключевые слова: возмещение, компенсация, моральный вред, частная жизнь, ущерб, доказывание.

На современном этапе в гражданском законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) указаны различные способы защиты гражданских прав, одним из которых выделяют возмещение морального вреда.

Стоит начать с того, что в советский период преобладало мнение, что ущерб, который был нанесен человеку, не может быть возмещен непосредственно денежными средствами, т.к. он не имеет экономического содержания. Право человека на возмещение морального вреда не было закреплено в гражданском праве в советский период. Лишь в 1992 году понятие морального вреда было впервые зафиксировано в гражданском праве. Моральный вред тогда был фундирован как причинение физических, а также нравственных страданий.

Некоторые аспекты проблематики статьи рассматривались российскими и зарубежными учеными, такими как: А. А. Власов, Н. С. Малейн, С. И. Ожегова, С. П. Гришаев, И. В. Решетникова и другие.

Цель статьи состоит в определении правовой природы морального вреда; уточнении порядка возмещения морального вреда за неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны в гражданском судопроизводстве. Основные результаты исследования состоят в проведении глубокого анализа нормативных актов, определяющих понятие, особенности и основания компенсации морального вреда, а также ознакомление с практикой рассмотрения судебных споров, связанных с его возмещением, о чем свидетельствует отсутствие точного определения морального вреда, сложность его доказывания и неоднозначность судебной практики.

В настоящее время определения морального вреда закрепляется в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) в главе 8, которая посвящается нематериальным благам, а также их защите [1]. В ст. 151 ГК РФ закреплено понятие морального вреда, под которым необходимо понимать физические и нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, которые нарушают его личные неимущественные права, либо непосредственно посягают на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Однако само определение физических и нравственных страданий в ГК РФ отсутствует.

По поводу определения термина «моральный вред» в юридической науке не существует единого мнения. А. А. Власов рассматривает моральный вред как нравственный ущерб, который причинен физическому лицу и не зависит от умысла причинителя вреда. Цивилисты указывают именно на некорректность самого термина «моральный вред» и предлагают варианты его замены. Рассмотрим дефиницию морального вреда с точки зрения лингвистики [2, с. 60].

Понятие «моральный вред» взаимосвязано со словом «мораль». В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова «мораль» понимается как нравственные нормы поведения. А понятие мораль отождествляется непосредственно с понятием нравственность [3, с. 148]. Нравственность – это правила поведения, духовные и душевные качества, которые необходимы человеку для жизни в обществе. На основании лексического анализа определения таких слов как «мораль» и «нравственность» можно сделать вывод, что такое законодательное закрепление термина «моральный вред», содержащееся в ст. 151 ГК РФ, вполне обосновано.

Необходимо отметить то, что само словосочетание «моральный вред», опираясь на его толкование, не включает в себя физические страдания. Словарь русского языка С. И. Ожегова дает свое определение термину «страдание», которое означает физическую боль.

М. Н. Малеин предлагает в гражданском законодательстве Российской Федерации заменить термин «моральный вред» на термин «неимущественный вред», объясняя это тем, что данные термины являются тождественными. Также ученый предлагает понимать под «неимущественным вредом» нравственные и физические страдания в совокупности, а не рассматривать их по отдельности [4, с. 61]. В ст. 151 ГК РФ определяется моральный вред непосредственно как физические или же нравственные страдания. Таким образом, на основе законодательного закрепления физические и нравственные страдания являются лишь альтернативой и не могут быть причинены вместе.

По нашему мнению, такая дефиниция «моральный вред», исходя из буквального толкования, является не совсем правильной. В то же время автор считает нецелесообразным обозначать юридические категории, такие как «физический вред» или «моральный вред», как независимые, поскольку принципы возмещения душевных переживаний и страданий физические такие же. Следует отметить, что в случае причинения ущерба имуществу моральный ущерб в таком случае не возмещается. Именно это положение способствовало возникновению споров о замене понятия «моральный ущерб» понятием «нематериальный ущерб». На наш взгляд, в изменении понятий нет необходимости, поскольку именно в выражение «моральный ущерб» входит как общее правило компенсации, так и особые случаи, в которых возмещается моральный ущерб, независимо от возмещения материального ущерба.

Таким образом, моральный вред – это нравственные и физические страдания, причиненные действиями или же бездействием, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага. Такие страдания могут выражаться в переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья, либо в связи с заболеванием, которое было перенесено в результате причиненных нравственных страданий [5, с. 11].

Основания возмещения морального вреда закреплены непосредственно в статье 1100 ГК РФ. Однако, в данной статье перечислены лишь те основания возмещения морального вреда, при которых вред компенсируется независимо от вины причинителя вреда. А именно, когда вред причинен жизни и здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или

исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Требования о возмещении морального вреда могут быть заявлены как наряду с требованиями об опровержении распространенных сведений, так и при отсутствии таких требований. В случае, когда распространенные сведения соответствуют действительности, право на опровержение таких сведений, в порядке ст. 152 ГК РФ отсутствует. Стоит иметь в виду, если сведения были выражены в оскорбительной форме, то за потерпевшей стороной сохраняется право на компенсацию морального вреда в соответствии со ст. 151 ГК РФ. В данных случаях в состав условий данного вида ответственности не будет входить вина причинителя вреда, так как ст. 1100 ГК РФ применима к распространению сведений, порочащих честь и достоинство личности независимо от того, что именно умаляет эти неимущественные блага – содержание сведений или их оскорбительная форма [6, с. 9].

Статья 152 ГК РФ применима только к той информации, которая содержит непосредственно факты. В данном случае мнение другого гражданина может быть выражено в оскорбительной форме. Если распространяемая информация содержит сообщения о клеветнических фактах, потерпевший имеет право потребовать опровержения информации, возмещения ущерба и компенсации морального вреда, причиненного ее распространением. Если права или интересы гражданина нарушаются путем выражения мнения, он имеет право потребовать публикации опровержения, но только с помощью тех же средств связи на основании п. 3 ст. 152 ГК РФ. В случае оскорбительной формы выражения мнения потерпевший имеет право требовать возмещения морального вреда.

Вопрос о различии дискредитирующей информации и выражения мнения тесно связан с конституционными правами и свободами человека и гражданина. К ним относятся: свобода иметь и распространять свои убеждения и действовать в соответствии с ними, свободу мысли и слова, свободную передачу и распространение информации любым законным способом. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на свободу мысли и слова, а также свободу СМИ [7].

Статья 152 ГК РФ устанавливает способы защиты чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц в случаях, если вред этим неимущественным благам был причинен путем распространения не соответствующих действительности порочащих сведений. Эти методы можно использовать, если у человека есть сочетание нескольких условий. Данная информация должна быть доказана. Распространение этой информации следует понимать как публикацию такой информации в прессе, трансляцию по радио или телевидению, демонстрацию

в программах и других средствах связи, распространение в Интернете, а также с помощью других средств связи. Передача данной информации лицу, к которому она относится, не может быть признана ее разглашением, если лицо, которое ее раскрыло, приняло достаточные меры по обеспечению конфиденциальности. Информация должна быть дискредитирующей. Ими, в частности является информация, которая содержит утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом гражданского законодательства, совершения нечестного поступка, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственной, хозяйственной или предпринимательской деятельности. И наконец, порочащая информация не должны соответствовать реальности [8, с. 105]. Это утверждения о фактах, событиях, которые фактически не имели места в то время, к которым относится оспариваемая информация. Информация в материалах суда, процессуальных или официальных документах, обжалование или оспаривание которых подано иным образом, предусмотренным законом, не может считаться недостоверной.

Институт возмещения морального вреда, который причинен посягательством на честь, достоинство, деловую репутацию и частную жизнь гражданина, относительно молодой в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации. Честь, достоинство, деловая репутация, относящиеся к нематериальным благам, подлежат защите на основании ст. 152 ГК РФ.

На современном этапе жизни общества под честью принято понимать социально-этическую оценку общества, по которой определяется уровень духовных и социальных качеств человека. Достоинство – это самооценка собственных качеств, мировоззрения, возможностей, а также социальной значимости, основанная на оценке общества. Термины «честь» и «достоинство» используются в самых разных областях. Таким образом, этика видит в них категории морали, а закон подразумевает под ними нематериальные блага, охраняемые законом. Следует отметить, что эти понятия являются оценочными категориями в гражданском праве. Например, термин «честь» иллюстрирует вывод общества о соответствии или несоответствии человеческого поведения моральным, этическим и правовым стандартам, принятым в этом обществе.

Некоторые цивилисты в категории «честь» выделяют два аспекта: объективный и субъективный. Здесь следует сразу отметить, что защите подлежит только внешняя сторона чести, поскольку вмешательство с ее субъективной стороны априори недостижимо и воздействие на нее невозможно. Если говорить о защите нематериального актива, например, достоинства, то эта защита должна быть направлена именно на

предотвращение незаконного обесценивания стоимости человека в глазах окружающих и, если это произойдет, на восстановление утраченной стоимости [9, с. 88].

Что касается защиты достоинства, следует также отметить, что это возможно только в отношении объективной стороны. Честь и достоинство не дарованы человеку от рождения, а постепенно накапливаются в течение жизни, а именно социальной активности человека и не только самих действий, но и целей, мотивации и убеждений. Несколько более проблематичной является такая категория, как «деловая репутация», которую большинство ученых относят к обязательному участию собственника в предпринимательской деятельности.

Разница лишь в том, что в данном случае под деловой репутацией понимается прямая оценка обществом именно профессиональных качеств исключительно конкретного гражданина. Таким образом, «деловая репутация» – это категория, относимая не только к индивидуальному предпринимателю, но и к любому гражданину, занимающемуся определённой профессиональной деятельностью. Это тот комплекс качеств (оценок), с которыми гражданин ассоциируется у своих коллег по работе, клиентов, контрагентов и т. д. [10, с. 104].

Рассмотрев различные аспекты таких правовых категорий, как «честь», «достоинство» и «деловая репутация», следует отметить, что их четкое определение важно не только с научной точки зрения, но также необходимо для правильного определения подсудности спора о защите.

Достаточно подробно институт неприкосновенности частной жизни указан в статьях 23, 24, 25 Конституции РФ, согласно которым каждый человек имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки и телефонных переговоров, а также телеграфных и иных сообщений. На законодательном уровне установлен запрет на несанкционированный сбор, использование и распространение информации о частной жизни без согласия на то лица.

Заявитель должен доказать, что материальный ущерб был причинен в результате именно этого нарушения, для этого он должен предоставить соответствующие документы, которые подтверждают, насколько это возможно, не только наличие, но и размер или стоимость причиненного ущерба. Как правило, решение суда отражает полную расчетную сумму ущерба. Однако если фактический ущерб не может быть точно рассчитан, суд сделает самостоятельную оценку, основанную на имеющихся в его распоряжении фактах. Решение суда в отношении нематериального ущерба направлено на предоставление финансовой компенсации за нематериальный вред, например за психические или физические страдания. Именно по своей природе моральный ущерб не поддается точному расчету [11, с. 84].

Ограничение соответствующих прав возможно только в суде. В этом контексте представляется важным обратиться к проблеме неизбежности раскрытия информации о частной жизни гражданина в контексте судебного разбирательства. Конституцией Российской Федерации установлена в ст. 123 «открытость» судопроизводства. Исключения составляют случаи, когда защита государственной тайны может быть нарушена. Обобщая сказанное, следует отметить, что такие блага, как честь, достоинство, деловая репутация и неприкосновенность частной жизни, присущи каждому человеку в условиях современного верховенства права.

Каждому человеку и гражданину Конституцией РФ гарантируется свобода мысли, слова, а также свобода массовой информации. В связи с этим, защищать честь, достоинство и деловую репутацию, в соответствии со ст. 152 ГК РФ можно лишь только в том случае, когда данная информация не соответствует реальности. Таким образом, невозможно требовать опровержения тех сведений, которые не предоставляется возможным проверить. Гражданское законодательство Российской Федерации предусматривает два способа защиты чести, достоинства и деловой репутации. К таким способам относят опровержение и возмещение морального вреда. Следует отметить тот факт, что на основании п. 1 ст. 208 ГК РФ на требования о возмещении морального вреда не распространяется исковая давность. Это положение основано на том факте, что эти требования возникают в результате нарушения личных моральных и иных нематериальных выгод [12, с. 68].

Следует отметить тот факт, что невозможно точно определить денежный эквивалент нарушения, но это не должно мешать суду принимать решение о возмещении морального вреда. ГК РФ предоставляет потерпевшей стороне охраняемое право на независимую оценку причиненного ему морального вреда и право на возмещение такого вреда.

Одна из проблем – неизбежность разглашения информации о частной жизни гражданина в ходе судебного разбирательства. Согласно ст. 123 Конституции Российской Федерации производство по делу во всех судах открыто, за исключением случаев, когда это противоречит интересам защиты государственной тайны. Однако действующее гражданское законодательство на территории Российской Федерации разрешает закрытые заседания только по вопросам, связанным с защитой государственной тайны.

Поскольку в действующем законодательстве нет определения «ущерб», предлагается, чтобы «ущерб» на законодательном уровне относили к негативным последствиям для материального благосостояния человека и гражданина, а также узурпации нематериальных личных выгод. Это определение целесообразно ввести в п. 1 ст. 15 ГК РФ и добавить название главы «Возмещение убытков и ущерба».

Множество проблем, существуют в области возмещения морального вреда причиненного средствами массовой информации. Предлагается дополнить п. 8 ст. 152 первой части ГК РФ следующего содержания: «В случае умышленного распространения о гражданине сведений, соответствующих действительности, но порочащих его честь, достоинство, деловую репутацию». Исключениями из этого закона является лишь информация о незаконной деятельности или поступках гражданина.

Таким образом, требует дальнейшего совершенствования институт возмещения морального вреда. Учитывая все вышеперечисленные предложения, определение размера компенсации морального вреда будет, с одной стороны, предельно полным, а с другой стороны, будет иметь реальное практическое применение.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. Закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 8 декабря.
2. Власов, А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право, 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности / А. А. Власов. – М., 2000. – 385 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Библио-Глобус», 2010. – 944 с.
4. Малеин, Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н. С. Малеин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 215 с.
5. Будякова, Т. П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред / Т. П. Будякова. – Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2005. – 249 с.
6. Гришаев, С. П. Понятие и правовое регулирование нематериальных благ / С. П. Гришаев // Библиотечка «Российской газеты». – 2014. – № 9. – 224 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / / Собрание законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. – № 4. – Ст. 445.
8. Решетникова, И. В. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. – 5-е изд., доп. и перераб – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 495 с.
9. Смолина, О. С. Арбитражный процесс: доказывание и доказательства по делам об оспаривании результатов налоговых проверок / О. С. Смолина. – М.: Норма, 2015. – 175 с.
10. Тимешов, Р. П. Понятие морального вреда в гражданском праве России / Р. П. Тимешов // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 18–21.
11. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 304 с.
12. Ярков, В. В. Арбитражный процесс: учебник / В. В. Ярков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2010. – 880 с.

Поступила в редакцию 02.02.2022 г.

PROBLEMS OF PROVING COMPENSATION FOR NON-PECUNIARY DAMAGE FOR PRIVACY, PERSONAL AND FAMILY SECRETS IN CIVIL PROCEEDINGS

The article deals with the problems of proving compensation for moral harm for the inviolability of private life, personal and family secrets in the civil proceedings of the Russian Federation. The grounds of proof for compensation for moral damage in this category are also considered. The current legislation of the Russian Federation, which regulates compensation for moral damage, is analyzed. The question of the limits of proof is being investigated. The relevance of the article is due to the need to unify (to a certain extent) procedural features and a clearer, intelligible and logically grounded procedural procedure for proving moral harm for the inviolability of private life, personal and family secrets in cases of compensation. The subject of the study is the formation of a conclusion that court decisions in such cases are subjective, the amount of compensation does not have clear regulatory norms, the grounds for the emergence of obligations to compensate for moral damage have very blurred boundaries. Moral harm is one of the most important categories of civil law. However, the proof of moral harm from the point of view of civil procedure is a complex, ambiguous plurality of actions, which has many discrepancies.

Keywords: arbitration process, civil procedure, court proceedings, simplified proceedings, problems of application of simplified proceedings.

Дербишева Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса ГОО ВПО
«Донецкая академия внутренних дел МВД
ДНР им. Ф.Э. Дзержинского»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga

Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of Internal
Affairs of the Ministry of Internal Affairs of
the DPR named after. F.E. Dzerzhinsky
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 347.1

Дербишева О. А.

ИНСТИТУТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются доктринальные, законодательные и правоприменительные проблемы доказывания в гражданском процессе Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). Приведены выводы об эффективности и целесообразности внесения изменений в законодательство ДНР по вопросам доказывания. При рассмотрении правовых норм, регулирующих сферу доказывания, выявлены альтернативные пути усовершенствования гражданско-процессуального законодательства в сфере института доказывания.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, законодательство.

Институт доказывания в гражданском процессе является базисом разрешения гражданских споров. Обязанность обеспечить в ходе разбирательства полноту доказательственного материала, которая позволяет установить истину по делу в гражданском судопроизводстве, возлагается на стороны, других заинтересованных в разрешении дела лиц. Анализ норм действующего законодательства, а также правоприменительной практики по вопросам доказывания позволяет выявить ряд проблем.

Вопросами института доказывания интересовались следующие ученые: К. Е. Кузнецова, В. Е. Лакиза, А. Ф. Клейнман, Е. А. Нахова, М. К. Треушников, М. Х. Хутыз, Л. В. Зайцева, Н. В. Сухова, М. А. Лазуков, Е. В. Гагиев и др.

Целью статьи является толкование потребности разработки и принятия концепции законодательного развития ДНР в сфере института доказывания, а также активизация процесса преодоления пробелов в действующих нормах права регулирующих вопросы в сфере института доказывания.

Теоретические знания о доказывании являясь частью гражданского процессуального законодательства и самостоятельным разделом науки гражданского процессуального права, выходят за его рамки, охватывая различные отрасли материального права. В юридической литературе институт доказывания зачастую называют доказательственным правом. Основы доказывания составляют сердцевину процессуального законодательства как система норм, обеспечивающая, заинтересованным лицам возможность

доказывать свои требования или возражения, а суду – устанавливать истину и возлагать ответственность на правонарушителя [1, с. 25].

Рассматривая различные точки зрения, наиболее правильным и полноценным видится мнение А. Ф. Клейнмана, который определяет процесс доказывания, как процессуальную деятельность только сторон, основанную на совокупности соответствующих процессуальных прав и состоящую в утверждениях о фактических обстоятельствах дела, представлении доказательств, опровержении доказательств иной стороны, заявлении ходатайств об истребовании доказательств, участие в исследовании доказательств, дачи объяснений по поводу исследованных доказательств [2, с. 47].

Прежде всего, требуется отметить, что институт доказывания законодательно закреплён в Гражданском Процессуальном Кодексе Донецкой Народной Республики (далее – ГПК ДНР). Рассматривая структуру данного кодекса, выявляется проблема отсутствия основополагающих дефиниций, которые «де-факто» определяют порядок осуществления доказывания, однако «де-юре» не имеет никакой правовой регламентации. В связи с этим следует согласиться с Е. А. Наховой в том, что «...необходимо законодательно закрепить доктринальные конструкции в качестве определений понятий доказательственного права, таких как «доказывание», «предмет доказывания», «этапы доказывания» и др.» [3, с. 75].

Также, рассматривая процесс доказывания через призму его субъектного состава, считаем целесообразным исходить из определения термина «доказывания», который в настоящее время не регламентируется действующим гражданско-процессуальным законодательством. Хотя в названии статьи ГПК ДНР используется понятие «доказывания», однако точного толкования не существует. Законодатель лишь подразумевает то, что каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основании своих требований и возражений [4].

Опираясь на вышеуказанное мнение А. Ф. Клеймана и мнение М. К. Треушникова, который считает, что «доказывание» состоит из совокупности процессуальных действий по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств, при этом выделяет субъектов данной деятельности – это суд, лица, участвующие в деле, представители [5, с. 16]. Поэтому считаем целесообразным на законодательном уровне закрепить понятие «субъектов доказывания» с целью исключения различных подходов в понимании при разрешении гражданских дел и определении прав и обязанностей субъектов, что позволит сократить время гражданского судопроизводства, так как будет налажена определенная четкая система действий каждого субъекта.

В процессе интеграции ДНР в РФ, несомненно, требуется обратить на процесс развития российского гражданско-процессуального законодательства и в сравнении проанализировать по данной теме исследования с целью выявления альтернатив законодательного развития ДНР.

В процессе доказывания, лица их осуществляющие, несомненно, будут прибегать к предоставлению доказательств. Толкование дефиниции «доказательств» в контексте процесса доказывания в комментарии действующего ГПК довольно таки дискуссионное, что создает благоприятную платформу для научно-практических исследований. Итак, ГПК ДНР определяет понятие доказательств как фактические данные. Считаем невозможно признать допустимым данное положение, так как под фактическими данными понимается отражение объектов реальной действительности, что исключает привлечение к судебному разбирательству показаний свидетеля. Примечательно, что в качестве родового понятия в ГПК РФ выбрано понятие «сведения о фактах», а не «фактические данные», ранее употребляемое в ст. 49 ГПК РСФСР 1964 г., что указывает на изменение подхода в определении понятия «доказательство». Следовательно, стоит отметить необходимость иного толкования действующей нормы и рассмотрения предложенного подхода толкования законодателем с целью устранения дискуссионных споров в отношении данного понятия и полноценного разъяснения предложенной дефиниции [6].

Допустимость – одно из требований предъявляемым законом определяется тем, что во всех делах, независимо от их категории, необходимо следовать требованию получения информации из определенных законом средств доказывания с соблюдением порядка сбора, представления и исследования доказательств, т. е. допустимость доказательств обуславливается соблюдением процессуальной формы доказывания [7, с. 25].

Так на современном этапе развития требуется отметить, что перечень доказательств с развитием научно-технического процесса, а также процессом цифровизации всего современного общества несомненно растет и остро стоит вопрос о привлечении новой формы доказательства, такой как электронный документ. Много научных дискуссий стоит о его классификации, способах хранения, предоставления. Так, понятие электронного документа законодательно закреплено в ч. 1 п. 15 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики «Об информации, информационных технологиях». Согласно данному НПА «электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [8].

В настоящее время в ДНР отсутствуют электронные доказательства, однако допустимым можно считать факт того, что в будущем времени возникнут случаи на практике, когда их потребность использования в процессе доказывания просто необходима. Также возможна ситуация при которой стороны участвующие в производстве по делу в силу своих личных обстоятельств (болезни, нахождении на рабочем месте и другие ситуации, перечень не является исчерпывающим), следовательно требуется сказать о возможности предоставления данного вида доказательств в упрощенной форме, т.е. через соответствующие конкретному суду интернет-сайты, что несомненно оказалось бы положительным фактором при экономии средств и времени гражданского судопроизводства.

Считаем целесообразным создать возможность предоставления процессуальных документов, доказательств в электронной форме. Так, например, в РФ в 2017 году введен в эксплуатацию модуль «Электронное правосудие», которая позволяет через Интернет посредством браузера выполнять большинство задач, связанных с подачей документов в суд, обработкой и движением документов в суде, опубликованием судебных решений и информации о ходе рассмотрения дела, информированием участников судебного процесса обо всех событиях по делу и многие другие задачи. Также при этом требуется принять недопустимым положением то, что перечень средств доказывания будет являться неисчерпывающим, так как может произойти «размывание» видов доказательств, что может привести к отсутствию единого подхода в оценки достоверности доказательств [9, с. 189–204].

Например, в РФ в связи с использованием электронного документа возникают множество проблем, остро требующих регламентации критериев допустимости данного вида доказательства в силу следующих обстоятельств:

- достоверность способа, с помощью которого данные были получены;
- достоверность способа, с помощью которого были приняты меры по доставлению подлинного образца без каких-либо изменений;
- достоверность способа, с помощью которого был установлен автор или же источник информации;
- правильность способа записи информации.

Следовательно, можно утвердить, что использование электронных документов, данных требует в первую очередь, внедрения в общий список доказательств, используемых по делу, а в последствии углубленного подхода законодателя вопросов об их использовании с целью повышения качества деятельности суда при разрешении гражданских дел.

Рассматривая вопрос производства судебных экспертиз как средства доказывания, позволяет выявить ряд существующих проблем, обусловленных ненадлежащей и неполноценной правовой регламентацией

норм, регулирующих назначение, порядок и производство судебной экспертизы [10, с. 58–60].

При анализе ряда юридических ситуаций стоит обратить внимание на ошибки при назначении экспертизы. Очевидно, что процесс развития возможностей судебной экспертизы является непрерывным и постояннодвигающимся вперед, следовательно это усложняет деятельность судей по изучению методик проведения исследования, тем более их особенности тонкости, так как это требует достаточного времени, что является нецелесообразным и затратным процессом [11, с. 31–34].

Однако стоит отметить тот факт, что исследование вопроса научной и практической возможности ответить на искомые вопросы до назначения судебной экспертизы важно для обеспечения своевременного рассмотрения дел и процессуальной экономии, а также невозможностью дать заключение в данной конкретной ситуации. В процессе становления ДНР как полноценного правового государства, допустимым положением можно считать, что наиболее частыми причинами такой проблемы являются отсутствие в конкретной экспертной организации необходимых специалистов, оборудования, аппаратуры, а также стоит отметить тот факт, что объекты переданные на исследование чаще всего имеют недостатки, выраженные в низком качестве и малом количестве. Следовательно, считаем важным аспектом определить обязанность участия специалиста при назначении экспертизы с целью процессуальной экономии времени.

В правоприменительной деятельности суда существуют случаи, когда эксперту задаются вопросы, имеющие сугубо правовой характер, что естественным образом в определенных ситуациях исключает возможность проведения дополнительной или же повторной экспертизы в силу уничтожения либо невозможности восстановления объекта исследования [10, с. 60]. Считаем целесообразным внедрить понятие «экспертная инициатива» в действующее законодательство, при этом четко толковать данную дефиницию как возможность предоставления данных, не касающихся заданных вопросов, однако имеющих важное значение для разрешения дела с целью исключения ситуаций при которых проведение судебной экспертизы окажется невозможным.

Считаем, что положение института доказывания находится в состоянии постоянного развития, что приводит к правовой неурегулированности, где несомненно требуется оперативное вмешательство законодателя и модернизирование его в скором времени. Подводя итоги, по вышеуказанным проблемам, считаем целесообразным выделить следующие альтернативные пути законодательного развития института доказывания: законодательно закрепить основополагающие дефиниции такие как: «доказывание», «предмет доказывания», «этапы доказывания», «субъекты доказывания»;

сменить подход в понимании доказательств как «сведения о данных», а не «фактические данные»; привлечение специалиста с целью уменьшения практических ошибок при назначении экспертизы; внедрение в действующее законодательство понятие «экспертная инициатива» с целью уменьшения количества ошибок при производстве судебной экспертизы, приводящих к потере объекта исследования.

Итак, перспективы развития института доказывания с процессом интегрирования в РФ, а также непрерывным процессом развития и расширения перечня предъявляемых доказательств требуют глубокого изучения и осмысления с целью создания полноценных и корректных норм, регулирующих вопросы в сфере института доказывания в гражданском процессе.

Список источников

1. Кузнецова, К. Е. Доказывание в гражданском процессе / К. Е. Кузнецова, Е. В. Лакиза // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции; под общ. ред. А. И. Вострецова. – Нефтекамск, 2020. – С. 486–490.
2. Клейнман, А. Ф. Новейшие течения в советской науке процессуального права / А. Ф. Клейнман. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.
3. Нахова, Е. А. К вопросу об актуальных проблемах доказательственного права в гражданском процессе / Е. А. Нахова // Ленингр. юрид. журн. – 2016. – № 3. – С. 255–264.
4. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета ДНР 30 апреля 2021 г. / Электронно-информационное издание «Главбух» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/9550/> (дата обращения: 06.10.2021). – Загл. с экрана.
5. Треушников, М. К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе / М. К. Треушников. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.
6. Гражданский процессуальный Кодекс РФ с комментариями, действующая редакция от 08.04.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gpkodeksrf.ru/rzd-1/gl-6/st-55-gpk-rf> (дата обращения: 20.04.2021). – Загл. с экрана.
7. Хутиз, М. Х. Общие положения гражданского процесса: (Ист.-правовое исслед.) / М. Х. Хутиз. – М.: Юрид. лит., 1979. – 111 с.
8. Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» Принят Постановлением Народного Совета 7 августа 2015 года (с изм., внесенными Законами от 12.03.2020 № 108-ПНС, от 11.09.2020 № 187-ПНС) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 20.02.2022). – Загл. с экрана.
9. Зайцева, Л. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве / Л. В. Зайцева, Н. В. Сухова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 189–204.
10. Лазукова, М. А. Проблемы развития института судебной экспертизы в России / М. А. Лазуков // Студенческий. – 2020. – № 16-4. – С. 58–60.

11. Основные современные проблемы развития судебной экспертизы / Виноградова Е. В., Гагиева З. И., Денисенко Ю. С., Шанхоев М. Б., Гагиев А. К. // В сб.: Современная научная мысль. материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 31–34.

Поступила в редакцию 01.02.2022 г.

INSTITUTE OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article deals with doctrinal, legislative and law enforcement problems of proof in the civil process of the Donetsk People's Republic (hereinafter referred to as the DPR). Conclusions are given on the effectiveness and expediency of introducing changes to the legislation of the DPR on issues of proof. When considering the legal norms regulating the sphere of proof, alternative ways of improving the civil procedural legislation in the field of the institution of proof were identified.

Keywords: evidence, proof, legislation,

Дербишева Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса ГОО ВПО
«Донецкая академия внутренних дел МВД
ДНР им. Ф.Э. Дзержинского»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga
Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of Internal
Affairs of the Ministry of Internal Affairs of
the DPR named after. F.E. Dzerzhinsky
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 347.1

Дербишева О. А.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ЛИЦ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Процедура ознакомления с материалами дела в суде имеет важное функциональное значение, так как обеспечивает процессуальные права участников арбитражного процесса. Как в интересах суда, так и в интересах участников судопроизводства данная процедура должна быть эффективно и корректно налажена. Ознакомление с материалами дела в суде первой инстанции вызывает наибольшую заинтересованность в виду того что такое ознакомление традиционно разделяют на две стадии: досудебную – ознакомление с материалами дела на стадии подачи заявления в арбитражный суд, и стадию, возникающую после принятия такого заявления к производству и возбуждению арбитражного дела.

Ключевые слова: участники процесса, материалы дела, процедура ознакомления, стадии, исковое заявление.

В статье исследуются и анализируются современные проблемы ознакомления лиц с материалами дела в арбитражном суде первой инстанции, предлагаются и рассматриваются предложения по усовершенствованию соответствующей процедуры ознакомления.

Ученые-процессуалисты С. С. Кузьмин, К. И. Шафоростова и другие уделяют ведущее внимание проблеме процедуре ознакомления с материалами дела в апелляционном производстве.

Целью настоящего исследования является определение реальных возможностей усовершенствования процедуры ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции в Донецкой Народной Республике.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– исследовать и проанализировать современные проблемы процедуры ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции при подаче искового заявления и составить соответствующие предложения по ее усовершенствованию;

– исследовать и проанализировать современные проблемы процедуры ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции после принятия искового заявления и открытия производства по арбитражному

делу и составить соответствующие предложения по ее усовершенствованию;

– рассмотреть Приказ Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 218-од от 3 декабря 2015 года «Об утверждении Порядка ознакомления лиц с материалами судебных дел, которые находятся в производстве Верховного Суда Донецкой Народной Республики».

– составить выводы по проведенному исследованию.

Согласно арбитражному процессуальному законодательству, действовавшему до вступления нынешнего АПК ДНР, предъявление иска лицом в наименьшей степени обременяло его обязанностями по ознакомлению других лиц с материалами дела. Такие обязанности возлагались на суд, а заявитель, в свою очередь, должен был лишь приложить к исковому заявлению его копии и копии всех документов, которые прилагаются к нему, в соответствии с количеством ответчиков и третьих лиц [6].

Но в действующем законодательстве такая обязанность перешла на истца. Который при подаче искового заявления в суд обязан приложить к иску уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют [1].

Не смотря на то, что на первый взгляд такая модернизация законодательства направлена на снижение нагрузки с судов Республики для обеспечения «быстрого правосудия», она может наоборот иметь отрицательный эффект и значительно затормаживать судебную деятельность, а также приносить некоторые неудобства непосредственно истцу или ответчику.

В первую очередь стоит отметить, что в отличие от того, когда уведомление лиц об участии в деле контролируется судом и выполняется непосредственно им, уведомление об участии в деле осуществляемое стороной арбитражного процесса является слабо урегулированной процедурой, так как лицо может пользоваться недобросовестными приемами и способами в процессе такого уведомления. Исходя из смысла действующих ныне правовых норм факт извещения второй стороны должно подтвердить третье, не заинтересованное лицо. Очень часто таким лицом выступает почта, так как уведомление осуществляется путем направления заказного письма с уведомлением о вручении. Почта выполняет удостоверительную функцию в прямом смысле слова – на уведомлении о вручении не предполагается подпись лица, которому вручено почтовое отправление, есть только его наименование, написанное почтальоном. Сам факт вручения удостоверяет начальник почтового отделения своей подписью на уведомлении [3, с. 112].

Такая процедура вызывает некоторые пробелы, которыми пользуются корыстные граждане. Предоставленное уведомление о вручении в суд никак

не подтверждает содержания, которое было направлено противоположной стороне. В суд может быть направлен один иск, а ответчику совершенно другой, или вообще иные документы, не относящиеся к делу. При этом такие казусы могут затем всплывать в судебном процессе и создавать объективную необходимость проверки кто прав, а кто виноват. Шафоростова К. И. предлагают решить данную проблему путем внесения в законодательство положения об обязательной описи содержимого, направляемого другой стороне с составлением акта. Однако, как справедливо отмечает этот же автор, опись не всегда гарантирует соблюдение прав участников дела, по идее, сотрудник почты должен проверять, совпадает ли опись письма с его содержанием, но на практике этого никто не делает [7, с. 2].

Помимо корыстного умысла, объективно, направленное уведомление почтой может очень долго идти или вовсе не доходить до нужного лица. И такое явление в судебной практике также достаточно часто встречаются. Можно привести один из таких примеров. Так, в процессе судопроизводства по делу № 5-КГ17-201 Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было выявлено подобное нарушение норм процессуального права предыдущими инстанциями, а именно, дело было рассмотрено без участия ответчика, не смотря на то, что суд первой инстанции не смог надлежащим образом уведомить ответчика. Ненадлежащее извещение стороны о рассмотрении дела повлекло невозможность реализации имеющегося у него в силу закона права на представление доказательств в обоснование возражений против иска. Допущенные судом первой инстанции существенные нарушения норм процессуального права не были устранены судом апелляционной инстанции. В результате чего Верховный суд РФ отменил определение предыдущих инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [4]. Только из этого примера мы можем видеть насколько затянулось судопроизводство, сколько на него было потрачено материальных и временных ресурсов.

На основании вышеизложенного хотелось бы отметить, что в идеальном гражданском обществе такое нововведение, в каком виде оно сейчас есть, безусловно оправдывало бы себя, но в современных реалиях оно часто способствует затягиванию судебного процесса.

По нашему мнению, такой порядок ознакомления с материалами делами при подаче искового заявления продуктивно может работать лишь если уведомителя обязать проводить опись непосредственно через нотариат с опечатыванием содержимого письма. Но, опять же, такая процедура существенно увеличит нагрузку на нотариат. А что касается проблем с не входящим письменным уведомлением, предлагается внести в законодательство поправки, разрешающие в крайнем случае уведомление направлять близким родственникам ответчика.

Во второй стадии ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции процедура в самых общих чертах представляет следующее: необходимо обратиться в суд с письменным заявлением об ознакомлении, а затем позвонить помощнику рассматривающего дело судьи и уточнить возможность ознакомления с материалами в конкретное время. Однако дозвониться до помощника не всегда представляется реальностью. Поэтому чаще всего, чтобы узнать о каких-либо «новостях» по заявленному требованию приходится лично являться в суд, что тоже создает некоторые сложности. Особенно это проявляется в Арбитражном суде ДНР, так как в своей компетенции он является единственным судом первой инстанции, тем самым забирает на себя большую нагрузку.

Разрешить указанный недостаток процедуры ознакомления лиц с материалами дела в суде первой инстанции после принятия искового заявления и открытия производства по делу возможно путем создания горячей линии: в сети «Интернет» или по телефону. А лучше всего, конечно же, создание нескольких горячих линий в разных средствах информационной связи.

Части 4-5 статьи 2 Закона Донецкой Народной Республики «О Верховном Суде Донецкой Народной Республики» регламентируют полномочия Верховного Суда ДНР в качестве суда первой инстанции, где устанавливается, что если одной из сторон спора является арбитражный суд, то дело рассматривает Верховный Суд ДНР [2].

Приказом Верховного Суда Республики № 218-од от 3 декабря 2015 года утвержден Порядок ознакомления лиц с материалами судебных дел, которые находятся в производстве Верховного Суда Республики, согласно которому регламентировано место, время и условия ознакомления с материалами дела, основания для ознакомления, разрешения и запреты и др. [5].

По нашему мнению, утверждение такого документа является «образцом для подражания», так как четко регулирует отношения процедуры ознакомления лиц с материалами дела. Для адекватного правового регулирования исследуемых отношений процедура ознакомления с материалами дела должна так же закрепляться аналогичным документом и в Арбитражном суде ДНР.

В заключение проведенного исследования хотелось бы отметить, что современные проблемы процедуры ознакомления лиц с материалами дела в арбитражном суде, как при подаче заявления, так и после возбуждения арбитражного дела и открытия производства по делу являются показателем того, что данная процедура далеко несовершенно урегулирована. Если современные проблемы процедуры ознакомления лиц с материалами дела после возбуждения арбитражного дела и открытия производства по делу являются малозначительными и при желании подлежат простому и эффективному устранению, то проблемы возникающие на стадии подачи

искового заявления наиболее глобальные и нуждаются в полноценном исследовании, разработке совершенно новой концепции порядка ознакомления лиц с материалами дела при подаче заявления в суд.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 30 апреля 2021 года № 277-ПНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 16.01.2022 г.). – Загл. с экрана.
2. Закон Донецкой Народной Республики «О Верховном Суде Донецкой Народной Республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-verhovnom-sude-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Кузьмин, С. С. Процессуально-правовая основа информирования участников процесса в цифровой форме / С. С. Кузьмин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 1. – С. 109–121.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации №5-КГ17-201 от 09.01.2018 / Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012018-n-5-kg17-201/> (дата обращения: 03.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
5. Приказ Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 218-од от 03.12.2015 «Об утверждении Порядка ознакомления лиц с материалами судебных дел, которые находятся в производстве Верховного Суда Донецкой Народной Республики / Официальный сайт Верховного Суда ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/prikaz/ob-utverzhdanii-poryadka-oznakomleniya-lic-s-materialami-sudebnyh-del-kotorye> (дата обращения: 03.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
6. Хозяйственный процессуальный Кодекс Украины (Арбитражно-процессуальный) от 6 ноября 1991 года № 1798-ХІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418667&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 03.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
7. Шафоростова, К. И. Ознакомление с материалами дела: необходимость повышения доступности процедуры / К. И. Шафоростова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 10(октябрь). – С. 1–7.

Поступила в редакцию 28.01.2022 г.

IMPROVING THE PROCEDURE FOR FAMILIARIZING PERSONS WITH THE CASE MATERIALS IN THE COURT OF FIRST INSTANCE IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The procedure for familiarizing yourself with the case file in court has important functional significance, as it ensures the procedural rights of participants in the arbitration process. Both in the interests of the court and in the interests of participants in the proceedings, this procedure should be effective and correctly established. Familiarization with the materials

of the case in the court of first instance causes the greatest interest in the view that such familiarization is traditionally divided into two stages: pre-trial - familiarization with the case materials at the stage of submitting an application to the arbitration court, and the stage arising after the adoption of such a statement to the production and arbitration of the arbitration affairs.

Keywords: participants in the process, case file, familiarization procedure, stage, claim.

Дербишева Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса ГОО ВПО
«Донецкая академия внутренних дел МВД
ДНР им. Ф.Э. Дзержинского»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga

Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of Internal
Affairs of the Ministry of Internal Affairs of
the DPR named after. F.E. Dzerzhinsky
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 343.5.176.316.36

Карло А. Г.

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АЛИМЕНТНОГО ФОНДА

Из общего числа преступлений в сфере семейных отношений, особую опасность представляет преступление, предусмотренное ст. 163 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики – неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Вопросы, касающиеся неуплаты алиментов, вызывают повышенный интерес общественности и всегда находятся в зоне пристального внимания органов судебной власти. Общественная опасность данного вида преступлений состоит в том, что в результате отсутствия должного денежного содержания со стороны родителей, ребенок не получает необходимых средств для полноценного физического, умственного, нравственного, эстетического и трудового развития.

Ключевые слова: взыскание алиментов, содержание ребенка, али-ментные обязательства, алиментные выплаты, алиментобязанные лица, алиментный фонд.

Наиболее подверженной криминальному воздействию группой, традиционно являются несовершеннолетние. Особое место среди преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, занимают преступления, предусмотренные Главой 20 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), в которых интересы ребенка, формирование его личностных качеств, признаются законодателем основным объектом посягательства.

В ряду преступных посягательств на формирование и развитие личности несовершеннолетнего, его законные интересы, самым распространенным является преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 163 УК ДНР «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Неисполнение алиментобязанных лиц, возложенных на них обязательств по выплате алиментов приводит к ухудшению материальных условий существования тех, кто в силу своего возраста или физического состояния не способен обеспечить себя самостоятельно, что напрямую способствует ухудшению благосостояния не только отдельных лиц, но общества в целом.

Уклонение родителями от исполнения своих прямых обязанностей по содержанию несовершеннолетних детей, является грубым нарушением норм Конвенции Организации Объединенных Наций «О правах ребенка»,

Конституции Донецкой Народной Республики, Семейного Кодекса Донецкой Народной Республики. Такое поведение угрожает несовершеннолетнему целым комплексом неблагоприятных для него социально-экономических и -психологических последствий, создает прямую угрозу безопасному и гармоничному развитию ребенка как личности.

В сфере защиты имущественных интересов детей, наиболее действенными и весомыми остаются нормы семейного, административного и уголовного права. В случае угрозы причинения вреда благополучию ребенка (физическому, нравственному, эмоциональному, материальному) противоправным поведением, выражающимся в неисполнении судебного решения об уплате алиментов, законодателем предусмотрены уголовно-правовые средства регулирования имущественных отношений между детьми и родителями.

Защита имущественных интересов ребенка должна оставаться предметом особой, исключительной заботы со стороны государства и общества. Однако для осуществления данной защиты необходим целый комплекс соответствующих организационно-правовых средств, а также соответствующее законодательство, которое стало бы действенным инструментом охраны интересов несовершеннолетнего. Но стоит отметить, что в современных жизненных условиях данные направления совершенствования действующего государственного регулирования в области защиты имущественных интересов ребенка находятся на стадии проработки.

Так, статья 31 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – Конституция ДНР) гарантирует государственную защиту интересам семьи. Воспитание детей, забота о них – равное право и обязанность родителей. Однако, несмотря на усилия государства в осуществлении внутренней политики в данном направлении, не единичны случаи преступного посягательства на конституционные права детей.

Проблема безответственного отношения к собственным детям со стороны «алиментобязанных родителей», которые вспоминают о своих обязанностях в оказании им помощи только в результате неоднократных «напоминаний» со стороны государственных органов радикального решения в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) не имеет.

Общий анализ состояния правоприменительной практики по данному вопросу с одной стороны указывает на латентность характера преступлений против семьи и детей, а с другой – свидетельствует о многократности фактов прекращения либо приостановления производств по данной категории уголовных дел.

Стоит отметить, что преступления, предусмотренные ст. 163 УК ДНР, имеют особое значение по ряду причин, одна из которых заключается в их

количестве, превышающее количество иных преступлений, совершаемых в отношении детей, вторая – их социальная значимость. Однако, несмотря на предпринимаемые в данном направлении шаги, законодательство, охраняющее имущественные интересы детей, находится на стадии разработки.

В настоящее время законодателем не выработан единый механизм взыскания алиментов с должников. Попытками реформирования законодательства в данном направлении стало установление административной ответственности за неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей, а также внесения изменений в ст. 163 УК ДНР [1], в соответствии с которыми из указанной нормы было исключено понятие «злостность» и способ совершения преступного деяния – уклонение [2].

Говоря об эффективности взыскания алиментов в ДНР, стоит обратиться к утверждению О. В. Исаенковой, которая указывает на то, что «трудности практического характера, связанные с задержкой их исполнения, обусловлены среди прочего и тем, что сама отрасль исполнительного права, как и составляющее её основу исполнительное законодательство, в настоящее время недостаточно разработаны» [3, с. 16]. Так, Исаенкова, выделяя исполнительное производство в самостоятельную отрасль законодательства, считает, что «...имея собственный кодифицированный источник только в виде проекта, исполнительное право в действующем его варианте содержит значительные пробелы, в т. ч. в отношении регулирования исполнительного производства по так называемым «семейным делам» [3, с. 17].

Стоит сказать, что обязанность по содержанию ребенка законом возложена на каждого из родителей, однако при этом не определено, в какой мере каждый родитель должен содержать ребенка. В действующем законодательстве однозначный ответ по данному вопросу отсутствует. Родитель, с которым проживает ребенок, при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об алиментах обращается в суд в порядке искового производства. Суд назначает осуществление выплат алиментов по общему правилу, с момента обращения и до достижения ребенком совершеннолетия.

Взыскание алиментов в ДНР осуществляется органами Государственной исполнительной службы Министерства юстиции ДНР в соответствии с Временным порядком об исполнительном производстве ДНР № 7-37. Размер задолженности по уплате алиментов определяется государственным исполнителем по месту исполнения решения (по месту жительства или работы должника) [4].

При уклонении алиментобязанного родителя от уплаты алиментов, ребенок становится «заложником» его преступного поведения, что в свою очередь отражается на уровне социализации ребенка и может привести к

негативным последствиям. Обязанность родителей и государства по обеспечению детей содержится не только во внутренних законодательных актах государства, но и в международных правовых актах.

В связи со сложной социально-экономической и политической обстановкой в ДНР, важность состоит в обсуждении и принятии решений по вопросам, касающимся алиментных обязательств в целом. К таким вопросам можно отнести: минимальный, гарантированный государством, размер алиментных выплат, а также вопрос создания и финансирования специального государственного алиментного фонда. Такой подход к обеспечению материального достатка детей необходим в связи с тем, что человек его жизнь и личное достоинство является наивысшей ценностью каждого государства, а дети – гарантия его дальнейшего развития и процветания.

На данный момент, в соответствии с Указом Главы Донецкой Народной Республики № 414 от 28.12.2021 г. «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты» осуществляется оказание временной государственной помощи детям, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, не имеют возможности содержать ребенка или место жительства их неизвестно, в размере 3000 рублей. Однако на наш взгляд этого не достаточно.

Интересным является практика решения данных проблем в таких зарубежных странах, как Польша и Испания. Так, в данных государствах создан Гарантйный фонд выплаты алиментов, который наделен специальным правом – правом обращения с заявлением о факте уклонения от уплаты алиментных обязательств. Исходя из этого в качестве предмета преступления в данных государствах, связанного с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, выступают не только алименты, но и денежные средства, потраченные государством из гарантированного алиментного фонда в случаях, когда потерпевшие остались без должного материального содержания со стороны своих родителей [5]. Таким образом, стоит обратить внимание на данную практику зарубежных стран при создании специального государственного алиментного фонда под патронатом Главы Донецкой Народной Республики, что будет весьма целесообразным в настоящее время.

Из средств такого фонда предлагается производить авансовые выплаты на содержание детей, с дальнейшим взысканием данных выплат с алиментнообязанных лиц. Необходимо отметить, что для разрешения данного вопроса необходимо проведение экспертных консультаций государственными органами, а также принятие государством соответствующих решений.

Минимальный гарантированный государством размер алиментных выплат, в настоящее время необходимо рассчитывать в соответствии с

минимальным размером оплаты труда (далее – МРОТ). Например, на содержание детей в возрасте до 6 лет – из расчета 50 % установленного МРОТ, а на детей от 6 до 18 лет – 75 % установленного МРОТ. В будущем, при установлении минимального, гарантированного государством, уровня алиментных выплат на содержание детей, следует ориентироваться на установленный государством прожиточный минимум, который не должен быть ниже минимального размера оплаты труда.

Также необходимо учитывать проблему, связанную с осуществлением ликвидации задолженности по алиментам. При обеспечении минимальных государственных алиментных выплат, предназначенных для содержания ребенка, возникает необходимость в контроле их целевого использования, в связи с чем, возникает необходимость установить порядок предоставления отчетов о расходовании алиментных средств.

Для начисления алиментных сумм открывается специальный карточный (алиментный) счет. С его помощью производятся все расчеты в безналичном порядке, что обеспечит контроль за целевым расходованием средств.

Алиментные фонды успешно реализуют свою политику в Великобритании, США, скандинавских странах. Из государственного алиментного фонда производятся выплаты денежных средства на содержание детей лицам, участвующим в судебных процессах по взысканию алиментов [6].

В Российской Федерации (далее – РФ) Комиссия по социальным вопросам и демографической политике Общественной палаты РФ уже выступала с предложениями по созданию государственного Алиментного фонда в соответствии с которым, в случае уклонения одного из родителей от уплаты алиментов своим несовершеннолетним детям эту обязанность принимает на себя государство. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [7] предусмотрена разработка мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей, в том числе посредством создания государственного Алиментного фонда.

Исходя из этого, считаем целесообразным:

- инициировать создание специального государственного алиментного фонда, для обеспечения необходимых материальных выплат детям, в интересах которых назначены алиментные выплаты;
- определить источники финансирования такого фонда, механизмы выплат и контроля за расходованием фондовых средств;
- внести соответствующие изменения в действующее законодательства, в частности п. 3 ст. 80 Семейного кодекса ДНР изложить в следующей редакции: «Обязывающие орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям (либо

одному из них), при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов и при непредоставлении содержания несовершеннолетним детям».

Исходя из этого создание специального государственного алиментного фонда под патронатом Главы Донецкой Народной Республики будет выступать в качестве действенного правового механизма соблюдения прав и законных интересов ребёнка, а также предусмотренных государством таких гарантий, как ежемесячные выплаты сумм на содержание ребенка и государственной поддержки в воспитании детей за счет государственного бюджета на период отсутствия помощи алиментобязанного родителя.

Таким образом, государство примет на себя обязанность по выплате алиментов из специального (алиментного) фонда с последующим взысканием с должников выплаченной суммы с учетом индексации, что в свою очередь будет способствовать не только защите имущественных прав детей, но и станет действенным методом оптимизации взаимосвязи уголовно-правовых и семейно-правовых средств воздействия, регулирующих сферу исполнения алиментных обязательств.

Список источников

1. О внесении изменений в ст. 163 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики: закон Донецкой Народной Республики от 24.09.2020 № 201-ПНС действующая редакция по состоянию на 01.01.2021 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-163-ugolovnogo-kodeksa-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 13.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Об административной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: закон Донецкой Народной Республики от 24.09.2020 № 200-ПНС / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-administrativnoj-otvetstvennosti-za-neuplatu-sredstv-na-soderzhanie-detej-ili-netrudospobnyh-roditelej/> (дата обращения: 13.05.2021). – Загл. с экрана.
3. Исаенкова, О. В. Особенности исполнения некоторых видов исполнительных документов по делам из семейных правоотношений / О. В. Исаенкова // Исполнительное право. – 2012. – № 1. – С. 16–18.
4. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики в новой редакции», от 31.05.2016 № 7-37 / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-7-37-20160531/> (дата обращения: 13.05.2021). – Загл. с экрана.
5. Корниенкова, М. Р. К вопросу образования алиментного фонда в РФ как возможности защиты имущественных интересов детей / М. Р. Корниенкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-obrazovaniya-alimentnogo-fonda-v-rf-kak-vozmozhnosti-zaschity-imuschestvennyh-interesov-detej> (дата обращения: 13.05.2021). – Загл. с экрана.

6. Сычева, О. А. Регламентация и реализация права несовершеннолетних детей на получение содержания от родителей в России и за рубежом (опыт и проблемы) / О. А. Сычева // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – №5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-i-realizatsiya-prava-nesovershennoletnih-detey-na-poluchenie-soderzhaniya-ot-roditeley-v-rossii-i-zarubezhom-opyt-i> (дата обращения: 13.05.2021). – Загл. с экрана.
7. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. – 2012. – № 23.

Поступила в редакцию 07.02.2022 г.

ON THE PROSPECTS OF ESTABLISHING A SPECIAL STATE ALIMENTARY FUND

Of the total number of crimes in the field of family relations, a crime under Art. 163 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic - non -payment of funds for the maintenance of children or disabled parents. Questions regarding non -payment of alimony cause increased interest in the public and are always in the zone of close attention of the judiciary. The public danger of this type of crimes is that as a result of the lack of proper monetary content by the parents, the child does not receive the necessary means for a full physical, mental, moral, aesthetic and labor development.

Keywords: recovery of alimony, maintenance of a child, ali-mercenary obligations, maintenance payments, alimony liable persons, and a maintenance fund.

Карло Андрей Георгиевич
адъюнкт ГОУ ВПО «Донецкая академия
внутренних дел Министерства
внутренних дел Донецкой Народной
Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: andrey-barmaley@inbox.ru

Karlo Andrey
adjunct of Donetsk Academy of Internal
Affairs of the Ministry Internal Affairs of the
Donetsk People's Republic
DPR, Donetsk
E-mail: andrey-barmaley@inbox.ru

УДК 347.9

Ковалёв И. П.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В рамках настоящей работы был проведён правовой анализ отдельных аспектов практической реализации правового механизма обеспечения судебного извещения в гражданском судопроизводстве Донецкой Народной Республики. Также рассмотрен вопрос о признании института судебного извещения в качестве принципа гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский процесс, извещение, стороны, суд.

Основной проблематикой исследования выступает рассмотрение практической реализации правового механизма обеспечения судебного извещения в гражданском судопроизводстве Донецкой Народной Республики.

Развитие современной науки и техники не может не оказывать влияние на правоприменение как в целом, так и на процессуальные особенности реализации гражданского судопроизводства, в частности. Особенно актуальной проблематика обеспечения судебного извещения сторон проявилась в период распространения коронавирусной инфекции 2020–2022 гг. и связанными с этим ограничениями, а также миграционными процессами на фоне усиления боевых действий и начала Специальной военной операции Российской Федерации (далее – РФ) после 24.02.2022 г.

Работы, посвященные исследованию правового механизма обеспечения судебного извещения в гражданском судопроизводстве, и, соответственно, которые были использованы в ходе изучения темы настоящей работы, принадлежат следующим авторам: Коршакова К. В., Лошкарев А. В., Круглова В. С., Гаймалеева А. Т., Кучерова Д. А.

Для достижения поставленных перед настоящим исследованием целей видим целесообразным рассмотреть теоретическую составляющую отдельных аспектов и особенностей гражданского процесса, а именно в части судебного извещения в гражданском судопроизводстве, закреплённых в Гражданском процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики.

Цель работы состоит в проведении правового анализа судебного извещения в гражданском судопроизводстве, закреплённого в Гражданском процессуальном

© Ковалёв И. П., 2022

кодексе ДНР, а также анализа места судебного извещения в гражданском процессе ДНР, выделении основных проблемных аспектов практической реализации данного института и определение путей их разрешения, исходя из чего – предложение рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства ДНР в исследуемой сфере.

В связи с продолжающимся активным формированием и становлением законодательной базы Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), в том числе в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства, важным и необходимым является проведение научных изысканий относительно практических проблем, а также правовых коллизий, связанных с вступлением в законную силу с 01 июля 2021 года Гражданского процессуального кодекса ДНР.

Особенно актуальной проблематика обеспечения судебного извещения сторон проявилась в период распространения коронавирусной инфекции 2020–2022 гг. и связанными с этим ограничения, а также миграционными процессами на фоне усиления боевых действий и начала Специальной военной операцией Российской Федерации (далее – РФ) после 24.02.2022 г.

Соответственно, необходимость осуществления гражданского судопроизводства в различных обстоятельствах исторического формирования ДНР, обуславливает актуальность проведения данного исследования и поиска современных способов и технологий своевременного судебного извещения сторон в гражданском судопроизводстве.

Роль судебного извещения в гражданском судопроизводстве нельзя переоценить, поскольку данный институт гражданского процесса в определённой степени влияет на всё судебное разбирательство в целом, а также обращает нас к самой сути гражданского процесса, так как факт извещения участника судопроизводства предполагает и обеспечивает наличие равенства и состязательности в процессе.

Первым актуальным аспектом, требующим рассмотрения в рамках темы настоящего исследования, является вопрос о «признании» института судебного извещения в качестве принципа гражданского судопроизводства. Для наиболее полного и объективного рассмотрения представленного аспекта необходимо рассмотреть существенные признаки принципа гражданского судопроизводства как явления, а также определить степень соотношения данных признаков со свойствами института судебного извещения лиц, участвующих в деле. В целом принцип гражданского процесса – это основополагающие начала, определяющие направления развития и действительности процесса, а также устанавливающие его характер. В данном понимании для принципа гражданского судопроизводства характерны следующие признаки: общий характер; обеспечение реализации процесса; динамичность; обеспечение реализации задач и целей процесса;

приспосабливаемость; фундаментальность [1]. Извещение, в свою очередь, в общем понимании – это передача информации либо сведений, при которой предполагается, что извещаемый субъект не обладает информацией касательно передаваемых ему сведений.

Гражданский процесс, а именно – исковое производство, по сути своей требует наличие субъекта, которому адресовано требование [1]. Это объясняется необходимостью отношений «истец–суд–ответчик», в которых непосредственное удовлетворение искового требования лица является не столь обязательным, сколько наличие в деле самого ответчика, так как без него процесс не состоится, поскольку истцу некому адресовать своё требование. Вся вышеперечисленная цепочка действий обуславливает ценность, значимость, фундаментальность и влияние аспекта судебного извещения ответчика и, как результат, признания его как такового. Итогом рассмотренного вопроса можно отметить, что институт судебного извещения занимает ключевую роль в гражданском процессе, раскрывая его сущность, занимая базовые позиции, в связи с чем можно сделать вывод о том, что в случае более полной регламентации и раскрытия данного аспекта как принципа гражданского процесса, а также закрепления его в ГПК ДНР, его можно будет признать таковым.

Перечень форм судебных извещений предусмотрен ст. 112 ГПК ДНР [2]. Указанная норма устанавливает, что лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом, судебной повесткой, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату. Помимо этого, ст. 112 ГПК ДНР предусмотрена ещё одна форма извещения, такая как размещение соответствующей информации на официальном сайте Верховного Суда ДНР в сети Интернет. Как показывает практика, далеко не все из перечисленных в данной статье способов являются эффективными, помимо этого, реализуются судами они также не в полной мере. При этом, судебное извещение, не доставленное адресату помимо наступления правовых последствий, установленных ГПК ДНР, несет определённые финансовые нагрузки на деятельность судов ДНР.

Первым, что требует внимания в исследуемом аспекте, является факт надлежащего извещения лица, участвующего в процессе. Так, исходя из мнений многих ученых-процессуалистов, надлежащим извещение можно считать при наличии двух условий: во-первых, фиксирование факта отправки судебного извещения; во-вторых, фиксирование факта вручения такого извещения адресату [3]. Так или иначе, с первым указанным аспектом, как правило, у суда трудностей не возникает. Второе же условие надлежащего

извещения в своем выполнении намного сложнее и является сутью проблемы исследуемой темы. В первую очередь встаёт вопрос о том, не извещён ли был участник процесса надлежащим образом по объективным причинам, или же он намеренно уклонялся от адресуемого ему извещения. В любом случае, вне зависимости от причины неявки лица в суд, по объективным обстоятельствам, либо вследствие уклонения, данный факт значительно затягивает срок рассмотрения дела.

Ввиду приведённых фактов, а также руководствуясь нормами ГПК ДНР, устанавливающими не исчерпывающий список возможных способов судебного извещения участников процесса, видим целесообразным рассмотреть некоторые из них с целью дальнейшей доработки института судебных извещений конкретно в этих направлениях для наиболее точной регламентации конкретно приведённых форм извещений, а также достижения наибольшей эффективности данного института гражданского судопроизводства. Такие средства извещений, как почтовые отправления и извещения телеграммой рассматривать видим не целесообразным ввиду возможности использования более современных и эффективных средств извещения. Одним из таких является передача извещения через истца [3].

При этом, ряд ученых, в частности А. В. Лошкарев, указывает, что данный способ является более эффективным, чем приведённые выше примеры, поскольку сам истец заинтересован в наиболее быстром рассмотрении дела [3]. Однако при практической реализации вручении судебного извещения через истца возникает ряд проблемных вопросов, в частности, ответчик может не принять данную повестку в связи с конфликтом между ним и истцом; или же у истца отсутствует физическая возможность розыска ответчика и вручения ему судебного извещения.

Другим действенным способом, по мнению Круглова В. С. [4], является извещение лица судом по месту его работы. Суд, таким образом, извещает руководителя предприятия о том, что его подчиненный привлечен к участию в судопроизводстве, соответственно, возлагает на данного руководителя обязанность по передаче информации о времени и месте судебного заседания. Минусом данного способа является то, что лицо, подлежащее извещению, может не иметь постоянного места работы.

СМС-извещения, как форма доведения информации до участника процесса, могут быть использованы только с согласия лица на такое уведомление, которое подтверждается распиской [4]. Основной недостаток в том, что номер телефона, указанный в вышеупомянутой расписке, может быть указан неверно ввиду случайных или умышленных намерений участника. Ещё одной формой судебного извещения можно назвать извещение субъектов через курьера путём доставления повестки [3]. Данный способ производится за счёт истца, поскольку именно он заинтересован в наиболее быстром исходе дела.

В случае, если участник препятствует получению извещения, отказывается расписываться или получать повестку, но выслушает информацию и фактически является уведомленным, то нештатные курьеры могут допрашиваться судом в качестве свидетеля. Данные лица, в таком случае, должны быть предупреждены заранее об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний.

Актуальной, по нашему мнению, формой извещения участников процесса, учитывая современный уровень технологического развития, является внедренный в Российской Федерации портал «Госуслуги», на базе которого предлагается направлять судебные извещения в электронном виде в личный кабинет в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Возможность использования подобной системы судебных извещений, по мнению Гаймалеевой А. Т., позволило бы сэкономить материальные затраты как со стороны суда (для обеспечения печати необходимых документов), так и со стороны участников производства, а также появилась бы возможность существенно сократить сроки рассмотрения дела в суде [6].

Помимо этого, использование онлайн-технологий в современных реалиях, конкретно – в период пандемии, является немаловажным условием обеспечения безопасности граждан, что также обуславливает необходимость развития подобных онлайн-площадок на государственном уровне и в нашем государстве. Однако, для развития такого частного аспекта, как судебное извещение, необходимо для начала внедрить подобную систему государственных и муниципальных услуг в Донецкой Народной Республике, для чего, безусловно, понадобятся немалые бюджетные средства.

Изучение зарубежного опыта развития института судебных извещений показывает, что большинство стран Европы, а также Америка, ещё с конца 2000-х взяли курс на развитие извещений путём использования мобильных и онлайн-технологий. Так, начиная с марта 2005 г., в судах Восточного округа штата Луизиана (США) действует система извещения участников процесса по электронной почте [7]. Путем регистрации в системе пользователь выражает согласие получать судебные извещения и иные процессуальные документы по электронной почте и соответственно отказывается от получения извещений по обычной почте или по факсу.

Так, например, в декабре 2005 г. в отдельных судах Италии начался эксперимент по тестированию «электронной системы гражданского судопроизводства», так называемая ЭГС, который продлился вплоть до 2008 года. Результатом данного эксперимента стал тот факт, что на сегодняшний день каждый судебный район может запустить электронную систему гражданского судопроизводства и извещения участников процесса, но только

лишь в качестве дополнения к традиционному судопроизводству. Это означает, что у сторон есть право выбора между электронной и традиционной процедурой документооборота. Однако в том случае, если субъект судопроизводства выбирает ЭГС, то все уведомления и процессуальные документы будут представлены исключительно в электронном виде. Преимущества итальянской модели электронного гражданского судопроизводства очевидны: экономия рабочего времени сотрудников судов и канцелярии, снижение расходов на печать документов. Подобному опыту следует и судебная система Германии [7].

Принимая во внимание изложенный материал, проанализированный опыт зарубежных государств в аспекте извещения участников судопроизводства, стоит таким образом отметить, что, по нашему мнению, наиболее эффективными, как с материальной, так и с временной точки зрения, являются способы извещения, проводимые путём использования онлайн-технологий. В частности, необходимо отметить, что опыт Российской Федерации во внедрении портала «Госуслуги», а также возможность использования на его базе системы электронного документооборота, является наиболее эффективным способом извещения участников, нацеленным, в то же время, на упрощение и повышение оперативности судопроизводства.

Таким образом, в ходе проведённого исследования в первую очередь были рассмотрены существующие в рамках норм ГПК ДНР способы осуществления судебного извещения сторон в гражданском судопроизводстве. При этом, с учетом развития уровня современных технологий, а также учитывая опыт зарубежных государств в аспекте извещения участников судопроизводства, стоит таким образом отметить, что, по нашему мнению, наиболее эффективными, как с материальной, так и с временной точки зрения, являются способы извещения, проводимые путём использования онлайн-технологий. В частности, необходимо отметить, что опыт Российской Федерации во внедрении портала «Госуслуги», а также возможность использования на его базе системы электронного документооборота, является наиболее эффективным способом извещения участников, нацеленным, в то же время, на упрощение и повышение оперативности судопроизводства, что означает необходимость разработки аналога интернет-портала «Госуслуги» на базе Министерства Юстиции ДНР.

Список источников

1. Коршакова, К. В. Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле как принцип гражданского процессуального права / К. В. Коршакова, С. В. Иванченко // Журнал «Право и практика». – 2019. – С. 215–219 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nadlezhashee-izveschenie-lits-uchastvuyuschih-v-dele-kak-printsip-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava/viewer> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.

2. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 года // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.
3. Лошкарев, А. В. Проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве / А. В. Лошкарев, А. В. Фадеев, А. Г. Федякина / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – С. 190–193 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izvescheniya-lits-uchastvuyuschih-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.
4. Круглова, В. С. СМС-извещение в гражданском процессе / В. С. Круглова, Е. Г. Белова / Евразийский научный журнал. – 2016. – С. 213–215 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sms-izveschenie-v-grazhdanskom-protseste/viewer> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.
5. Гаймалеева, А. Т. Цифровизация судебной системы: анализ тенденций развития процессуального законодательства / А. Т. Гаймалеева / Правовое государство: теория и практика. – 2020. – С. 28–39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sudebnoy-sistemy-analiz-tendentsiy-razvitiya-protsessualnogo-zakonodatelstva-na-primere-proekta-izmeneniy-v/viewer> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.
6. Кучерова, Д. А. Проблема извещения участников гражданского судопроизводства / Д. А. Кучерова, В. Е. Левченко / Евразийский союз ученых. – 2014. – С. 1–3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izvescheniya-uchastnikov-grazhdanskogo-sudoproizvodstva/viewer> (дата обращения: 08.06.2022). – Загл. с экрана.

Поступила в реакцию 28.06.2022 г.

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF JUDICIAL NOTIFICATION IN CIVIL PROCEEDINGS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Within the framework of this work, a legal analysis of certain aspects of the practical implementation of the legal mechanism for providing judicial notice in civil proceedings of the Donetsk People's Republic was carried out. The issue of recognizing the institution of judicial notification as a principle of civil proceedings is also considered.

Keywords: civil procedure, notification, parties, court.

Ковалёв Игорь Павлович

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

Kovalev Igor Pavlovich

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law and
Procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: i.kovalev@donnu.ru

УДК 347.78.01

Липинский В. В.

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ И ИНЫЕ ПРАВА АВТОРОВ В ЦИВИЛИСТИКЕ РФ И ДНР

В статье рассмотрена правовая природа исключительного права на произведение. Проанализирован состав исключительных прав, как личных, так и имущественных прав. Установлено, что указанные права по своей сути являются разнородными, в силу этого их принято разделять на личные неимущественные (неотчуждаемые) и исключительные (имущественные и отчуждаемые). Доказано, что к признакам личных неимущественных прав авторов относят нематериальный характер, в котором отсутствует экономическое содержание, необходимость индивидуализации личности и наличие особого объекта личных неимущественных прав, которым выступают нематериальные блага и результаты интеллектуальной деятельности. Показано, что к двум традиционно выделяемым группам субъективных прав авторов добавлена третья – так называемые «иные права», не отнесенные ни к имущественным, ни к личным неимущественным. Подтверждено, что отсутствие четких и не противоречивых норм в ГК РФ и ГК ДНР, которые бы разграничивали личные неимущественные и «иные» права автора сегодня в значительной степени затрудняет классификацию этих прав.

Ключевые слова: субъективные права авторов, неимущественные, исключительные, иные права авторов, классификация прав авторов.

Правовая природа исключительного права на произведение нашла широкое обсуждение в юридической науке. И сегодня эта проблема является актуальной и порождает множество споров. Среди российских цивилистов в настоящее время образовались две группы ученых, которые в данном вопросе придерживаются диаметральных взглядов. Если А. П. Сергеев относит к исключительным правам как личные, так и имущественные права [1, с. 19], то большинство ученых к исключительным правам относит только имущественные [2, с. 65]. Так в своих работах В. И. Дозорцев [3, с. 47] и В. А. Белов [4, с. 57] считают, что исключительные права являются имущественными по своей природе.

Поскольку указанные права по своей сути являются разнородными, в силу этого их принято разделять на личные неимущественные (неотчуждаемые) и исключительные (имущественные и отчуждаемые). В современной цивилистике принято выделять и так называемые «иные права», к которым относят «право следования», «право доступа», «право на отзыв» имеющее как личные, так и имущественные элементы.

Цель статьи заключается в изучении правовой природы исключительного права на произведение, и в анализе состава исключительных прав, как личных, так и имущественных прав.

Согласно ст. 150 ГК РФ к признакам личных неимущественных прав авторов российские ученые относят нижеследующие.

Важнейшим признаком выступает нематериальный характер личных неимущественных прав авторов, в котором отсутствует экономическое содержание, а также отсутствие возможности дать этим правам имущественную (денежную) оценку.

Другим признаком является необходимость индивидуализации личности. Неимущественные права призваны обеспечить индивидуализацию личности, уникальность его творческого потенциала и морально-нравственных этических ценностей, что дает объективные основания осуществлять дифференциацию различных субъектов права.

Третий признак устанавливает наличие особого объекта личных неимущественных прав, которым выступают нематериальные блага и результаты интеллектуальной деятельности. В отличие от исключительных прав личные неимущественные права автора возникают только в отношении гражданина, творческим трудом которого создано произведение литературы, науки или искусства [5, с. 105].

Одним из главных неимущественных прав, возникающих у автора в связи с созданием произведения науки, литературы и искусства, является право авторства. Ст. 1347 ГК ДНР устанавливает, что право авторства – это право признаваться автором произведения [6]. Признание права на авторство выступает важнейшим неимущественным правом создателя произведения.

Право авторства следует рассматривать, как обеспеченную законом возможность субъекта признаваться автором произведения, а также иметь возможность требовать признания данного факта от других лиц. Предоставление автору данного субъективного права вытекает из необходимости индивидуализации результатов его творческого труда и установления взаимосвязи этих результатов с деятельностью конкретных авторов. Только при наличии данной связи, которая обеспечена законом, состоит особый интерес автора произведения, что наделяет создателя произведения правом авторства.

Право авторства является неотчуждаемым и не может передаваться по договору, по наследству либо по другому основанию. Данное право неотделимо от личности создателя произведения и от данного права нельзя отказаться. Для признания лица автором произведения не требуется выполнения каких-либо формальностей или чьего-либо согласия.

Необходимо отметить, что право авторства следует отнести к абсолютному праву. Поэтому законодатель устанавливает случаи нарушения

авторского права. Это присвоение чужого авторства и отрицание авторства того лица, которым создано произведение. К числу грубых нарушений данного права относят как полное, так и частичное присвоение авторства.

Что касается формы присвоения авторских прав, законодатель устанавливает две следующие формы: это присвоение авторства идей и присвоение конкретных произведений. Незаконное присвоение авторства идей, как правило, высказанных в ранее опубликованных научных работах других ученых, сегодня не влечет юридической ответственности. В то же время одним из важнейших условий, которые предъявляются к научным работам, является наличие научной новизны исследования. В свою очередь отсутствие новизны в научной работе и ее недоказанность в научном исследовании влечет за собой признание работы недиссертательной.

Относительно присвоения конкретных произведений, когда присваивают авторство на зафиксированные в материальной форме произведения, законодатель в этом случае предусматривает как гражданско-правовую, так и уголовную ответственность.

Рассматривая способы присвоения авторства, юридическая практика выделяет случаи, когда автор дает согласие другому лицу на присвоение своего произведения полностью или частично. Но наиболее известным способом присвоения авторства является незаконное присвоение вопреки волеизъявления автора произведения.

Другим важным неимущественным правом автора является право на авторское имя. Это право тесно связано с правом авторства и вытекает из него. В соответствии со ст. 150 ГК РФ «авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом» [7]. Законодатель предоставляет автору право выступать под псевдонимом либо инкогнито. Но, в то же время, автор произведения не имеет права отказаться от личных неимущественных прав на произведение. Следует обратить особое внимание на тот факт, что личные неимущественные права выступают, как самостоятельные права и никоим образом независимы от имущественных прав. Данная норма права установлена в соответствии статье 6 bis Бернской конвенции и нормами международного права [8, с. 125].

Согласно закону, гражданин имеет право приобретать и осуществлять права и нести обязанности под своим именем. В случае использования произведения, наиболее известным способ указания имени является указание подлинного имени автора. Тогда произведение подписывается фамилией, именем и отчеством автора или только фамилией и инициалами.

Второй способ применяется при наличии распоряжения автора указывать вымышленное им имя (псевдоним). Впоследствии псевдоним (т. е. ложное имя автора) становится его вторым именем. Так писатель-юморист

А. П. Чехов пользовался десятками всевозможных псевдонимов, и сегодня они раскрыты далеко не все. Наиболее известным, среди использованных им псевдонимов является Антоша Чехонте. Функция псевдонима состояла не столько в сокрытии подлинного авторства, сколько в желании заинтриговать читателя.

Юридическая практика знает ряд примеров, когда право на имя может ограничиваться. Например, право на имя может ограничиваться в случае заключения соглашения между автором и издателем произведения, либо другим лицом. Наряду с этим юридическая практика подтверждает возможность заключения соглашения, если автор обязуется в определенный срок не указывать свое настоящее имя и публиковать свои произведения под псевдонимом [9, с. 22].

Следует отдельно выделить произведения, которые были созданы в соавторстве. В этом случае при использовании произведения необходимо заключения соглашения между ними, в котором определяется порядок указания имен соавторов.

Так законодательство РФ и ДНР не устанавливает каких-либо ограничений при выборе псевдонима. Однако следует отметить, что определенные ограничения этого права возможны, если речь идет о нарушении прав и законных интересов другого лица, что необходимо рассматривать как злоупотребление правом [1, с. 32]. Речь идет об использовании в качестве псевдонима имени другого известного человека. Данный псевдоним может ввести читателя в заблуждение относительно авторства данного произведения.

Осуществление права на авторское имя предусматривает и третий способ, когда произведение используется анонимно без указания имени автора. Данный способ, обязывает лиц, которым известно подлинное авторское имя, воздержаться от его раскрытия, без разрешения на то самого автора.

Реализация права на авторское имя, как в авторском праве, так и в патентном праве синхронизированы. Создателям изобретений и авторам произведений предоставлено право обнародовать свой интеллектуальный продукт без раскрытия своего имени. В то же время в отличие от авторов произведений авторам изобретений законодательство не предоставляет право выступать под вымышленным именем.

Авторское право наделяет субъекта права не только правами, но и предъявляет к нему ряд обязанностей, важнейшие из которых является обязанность указать в договоре свое подлинное имя. Одним из существенных условий самого договора является способ указания имени автора. Кроме этого, в случае использования анонимности, должны быть прописаны условия ее соблюдения.

К числу проблемных вопросов в реализации авторских прав является право автора потребовать в любой момент установления своего авторства, либо изменения авторского имени. Например, если в договоре заказа установлено, что автор произведения обязуется создать аудиовизуальное произведение под вымышленным псевдонимом, то в этом договоре должно быть также оговорено и условие указания имени автора произведения и время разрешения на использование произведения анонимно [9, с. 23].

Одним из важнейших неимущественных прав автора является право на неприкосновенность произведения, которое в ГК РФ и ГК ДНР рассматривается как самостоятельное право. Здесь следует обратиться к содержанию права на неприкосновенность произведения и сопоставить его с правом на защиту репутации автора. По объему предоставляемых прав право на неприкосновенность произведения является более широким, чем право на защиту репутации автора.

Законодательство запрещает снабжение произведения комментариями, критическими материалами, иллюстрациями и т.п. без согласия автора. В то же время все указанное возможно отдельно от самого объекта критики или комментирования и в этически допустимой форме [10, с. 10].

Среди предоставленных в законодательстве неимущественных прав особое место занимает право на обнародование произведения. Поскольку произведение неотделимо от личности автора, только автор может оценить как полноту готовности своего произведения, так и уровень завершенности творческого замысла для предоставления труда широкой аудитории. В связи с этим, только автор может дать согласие на его обнародование.

Статья 1360 ГК ДНР устанавливает порядок, согласно которому автор дает согласие и делает произведение доступным для доступа к произведению широкого круга лиц. Важнейшим условием доступа к произведению широкого круга лиц, является то, что он осуществляется с согласия самого автора и по его воле [6].

Наличие воли автора необходимо и при передаче прав на использование произведения третьим лицам. Передача права на обнародование произведения другому лицу осуществляется по договору, в котором зафиксировано согласие автора.

К числу традиционно выделяемых двух групп субъективных прав авторов сегодня добавлена третья – так называемые «иные права». Целесообразность такого нововведения далеко не бесспорна, если бы само по себе оно не создавало существенных проблем. Проблема состоит в том, что в части четвертой ГК РФ отсутствуют четкие и не противоречивые нормы, разграничивающие личные неимущественные и «иные» права автора, что в значительной степени затрудняет классификацию этих прав [7]. Если в п. 2 ст. 1228 ГК РФ право на авторство и право на авторское имя определено

отнесены к личным неимущественным правам, то в ст. 1226 ГК РФ конкретизация «иных» прав автора остается открытой [11, с. 118].

В частности к числу «иных» прав ст. 1226 ГК РФ и ст. 1317 ГК ДНР относит право следования, право доступа и другие права [7; 6]. Поэтому сегодня закономерно возникают противоречивые суждения по поводу отнесения к числу «иных прав» таких прав как: право на вознаграждение за использование служебного произведения, право на отзыв, право доступа к произведениям изобразительного искусства и других прав.

К числу «иных» прав законодатель относит право на отзыв. Этим правом автор может воспользоваться после обнародования своего произведения как путем отказа заключать новые договоры, направленные на отчуждение исключительного права, так и использовать право на «отзыв», что является более решительной и радикальной мерой [12, с. 38].

В ст. 1361 ГК ДНР право на «отзыв» зафиксировано как самостоятельное право, которое не ограничивается какими-либо временными рамками. Поэтому автор может реализовать это право в любое время после того как он дал разрешение, либо обнародовал свое произведение.

Таким образом, можно констатировать, что в законодательстве РФ и ДНР личные неимущественные и «иные» права автора определенно не установлены, что вызывает разногласия в классификации и наполнении содержания этих прав. Основной причиной этого, на наш взгляд, является то, что «иные» права авторов содержат как личные, так и имущественные элементы.

Список источников

1. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник / А.П. Сергеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2014. – 752 с.
2. Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. – Том I. – М.: ВолтерсКлувер, 2014. – 365 с.
3. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сб. ст. / Исслед. центр частного права / В. А. Дозорцев. – М.: Статут, 2013. – 347 с.
4. Белов, В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник / В. А. Белов. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2019. – 257 с.
5. Луткова, О. В. Классификация неисключительных прав в ГК РФ в контексте статуса иностранного автора / О. В. Луткова // Журнал высшей школы экономики. – 2015. – № 4. – С. 103–116.
6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от № 81-ПНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 08.02.2022). – Загл. с экрана.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М., 2015. – 608 с.

8. «Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений» от 9 сентября 1886 г. // «Бюллетень международных договоров». – 2003. – № 9. – С. 125–137.
9. Пилипенко, С. В. Личные имущественные права авторов аудиовизуальных произведений / С. В. Пилипенко // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 21–25.
10. Маковский, А. Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности / А. Л. Маковский // Закон. – 2017. – Вып. 7. – С. 9–17.
11. Ковалев, М. Б. Личные имущественные права авторов / М. Б. Ковалев // Вестник Саратовского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 116–119.
12. Авдеев, В. В. Автор произведения и авторские права / В. В. Авдеев // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. – 2009. – № 3. – С. 36–40.

Поступила в редакцию 13.03.2022 г.

PERSONAL NON-PROPERTY AND OTHER RIGHTS OF AUTHORS IN MODERN CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DPR

The article considers the legal nature of the exclusive right to a work. The composition of exclusive rights, both personal and property rights, is analyzed. It has been established that these rights are inherently heterogeneous; therefore, they are usually divided into personal non-property (inalienable) and exclusive (property and alienable). It is proved that the features of the personal non-property rights of the authors include intangible nature, in which there is no economic content, the need for individualization of the individual and the presence of a special object of personal non-property rights, which are intangible benefits and the results of intellectual activity. It is shown that a third group has been added to the two traditionally distinguished groups of authors' subjective rights – the so-called «other rights» that are not classified as either property or personal non-property. It is confirmed that the absence of clear and consistent norms in the Civil Code of the Russian Federation that would distinguish between the personal non-property and «other» rights of the author today greatly complicates the classification of these rights.

Keywords: subjective rights of authors, non-property, exclusive, other rights of authors, classification of authors' rights.

Липинский Виталий Владимирович
доктор исторических наук, профессор
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Lipinskiyvv@mail.ru

Lipinsky Vitaly
Doctor of Historical Sciences, Professor of
the Department of Civil Law and Process of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: Lipinskiyvv@mail.ru

УДК 343.34

Манивлец Э. Е.
Махортов С. П.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, а также эффективные пути законодательного решения указанных проблем. Кроме того, на основании изучения нормативного материала, регулирующего квалификацию преступлений в сфере компьютерной информации в Донецкой Народной Республике, предлагается введение в уголовный кодекс дополнений, и изменений для противодействия преступности в указанной сфере, а также в сфере преступлений с использованием цифровых финансовых активов, криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровые активы; законодательство; уголовная ответственность; цифровая валюта; компьютерная информация; копирование; блокирование; киберпреступность; критическая информационная инфраструктура; противодействие.

Жизнедеятельность современного человека невозможно представить без компьютера. Технологии повышают результативность деятельности людей практически во всех сферах жизни общества: экономике, образовании, науке, здравоохранении, культуре и во многих других. Однако не только положительные моменты характеризуют развитие компьютерных технологий, вместе с тем существует также и огромное количество рисков и опасностей, ведь именно преступники одними из первых начинают использовать последние достижения научно-технического прогресса, проявляя недюжинную изобретательность в организации различного рода противозаконной деятельности. А значит, проблема противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации на сегодняшний день является достаточно актуальной.

Актуальность выбора данной темы обусловлена возможностью постановки и решения проблем противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, что позитивно скажется как на деятельности правоохранительных органов, борющихся с названными преступлениями, но и положительно повлияет на жизнь всего общества.

Согласно статье 2 закона Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), «Об информации и информационных технологиях» информация представляет

собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [1, с. 2].

Компьютерной же информацией, в соответствии с примечанием к ст. 317 Уголовного кодекса ДНР, являются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [2, с. 217].

В указанной сфере активно разрабатывали проблематику преступлений с применением компьютерных технологий такие авторы как Вехов В. Б., Волевод А. Г., Ефремова М. А., Евдокимов К. Н., Мазуров В. А., Номоконов В. А., а также множество других.

Цель научной работы – на основе научного и фактического материала определить содержание понятия компьютерной информации, проанализировать проблемы в сфере противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, и разработать определенные пути решения поставленных проблем.

Важно отметить, что преступлениями в сфере компьютерной информации причиняется огромный ущерб, как крупным организациям, так и обычным гражданам. Как отмечает Евдокимов К. Н., действия киберпреступников на сегодняшний день ведут к убыткам крупных организаций в среднем на сумму 20 млн. рублей, предприятий среднего и малого бизнеса – 781 тыс. рублей. В указанную сумму ущерба входит как упущенная прибыль, так и расходы на дополнительные услуги специалистов, и вынужденный простой организации. Достаточно существенные траты влечёт ликвидация последствий преступлений в сфере компьютерной информации, а также профилактика будущих атак [3, с. 65]. Крупные организации выделяют миллионы рублей на предупреждение преступлений с использованием компьютерных технологий [3, с. 72]. В банковской сфере ежегодный объем хищений с использованием компьютерных технологий достигает 2 млрд рублей, тем не менее, многие ученые указанные показатели расценивают как заниженные, а их подсчеты составляют цифру в 3,3 млрд. рублей [4, с. 36].

Следовательно, данное явление представляется достаточно опасным для жизнедеятельности всего общества, так как оказывает влияние практически на все сферы жизни социума, а также причиняет вред не только предприятиям малого и среднего бизнеса, но и наиболее крупным, государственным компаниям.

Кроме того, с появлением новых видов преступлений, например, с использованием цифровых технологий и криптовалюты, процесс противодействий растущей компьютерной преступности лишь многократно усложняется. Данный факт подкрепляется тем, что на сегодняшний день вопрос о цифровых активах (криптовалюте) на рынке ни в коей мере не

урегулирован законодательством ДНР, а Уголовный кодекс ДНР не содержит статьи, которая конкретизировала бы преступления с использованием цифровых активов (криптовалюты). В связи с тем, что с развитием технологического прогресса, развиваются также и преступные средства мошенничества с использованием, как электронных средств платежа, так и компьютерных технологий в целом; важным является урегулирование оборота цифровых финансовых активов на территории ДНР посредством введения уголовной ответственности за нарушение правил использования цифровых финансовых активов, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб.

Вопрос противодействия компьютерной преступности включает в себя множество мер организационного, технического, политического, научного и иного характера. Тем не менее, указанные меры не могут быть эффективно реализованы в связи с отсутствием должного законодательного регулирования, и в первую очередь, со стороны уголовного права. Следовательно, на сегодняшний день вопрос постановки и решения проблем противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации является особо существенным.

Исследование судебной практики согласно рассматриваемой темы позволил отметить одну важную особенность преступлений в сфере компьютерной информации. Рассматриваемые преступления довольно часто выступают способ совершения другого рода преступлений, перечень которых является очень разнообразным [5, с. 8]. Следовательно, важно отразить указанную особенность в уголовном кодексе.

Мы считаем, что данный факт является пробелом в законодательстве, ведь в уголовном законе отсутствует прямое упоминание на обязательность анализа мотивов и целей совершения компьютерных преступлений.

На сегодняшний день составы преступлений, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК ДНР, не содержат в качестве квалифицирующего признака цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Хотя, как показывает практика Российской Федерации, преступления в сфере компьютерной информации, в 9 % случаев являются преступлениями, которые способствуют реализации объективной стороны и извлечения прибыли по отношению к нарушению авторских и смежных прав (ст. 152 УК ДНР). Полученная информация в дальнейшем используется при совершении краж электронных средств (4,5 % случаев), а также различного рода мошенничеств в сфере компьютерной информации (в 6,7 % случаев) [6, с. 156]. Значит, преступления в сфере компьютерной информации достаточно часто выступают способом совершения целого ряда преступлений, а, следовательно, закрепление указанного особенности, как

квалифицирующего признака рассматриваемых составов представляется обоснованным.

Важно отметить, что цель скрыть иное преступление или облегчить его совершение для уголовного права не является новшеством. В качестве примера можно привести п. «ж» ч. 1 ст. 62 УК ДНР, как одного из отягчающих обстоятельств, указанных в Уголовном кодексе, а именно совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Также, законодатель определил указанную цель как квалифицирующий признак в определенных преступлениях в отмеченных случаях: при совершении убийства (п. «л», ч. 2 ст. 106 УК ДНР); а также при подделке, изготовлении или сбыте поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков (ч. 2 ст. 386 УК ДНР).

Следовательно, закрепление данной цели в преступлениях в сфере компьютерной информации, а также связанных с ними, является мотивированным.

На основании изучения главы 28 Уголовного кодекса ДНР, следует отметить, что некоторые положения статей нуждаются в конкретизации. Так, понятия «тяжких последствий», фигурируют в квалифицирующих частях статей главы 28, однако что понимать под названными последствиями пока что не ясно. Представляется обоснованным введение в статью 317 УК ДНР примечания, которое конкретизировало бы понятие «тяжких последствий».

Кроме того, обоснованным представляется дополнение главы 28 Уголовного кодекса ДНР статьей 319.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики. Критической информационной инфраструктурой, в соответствии с частью 6 статьи 2 Федерального закона РФ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», являются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, а также сети электросвязи, которые могут быть использованы для организации взаимодействия указанных объектов [7, с. 3].

Такого рода объектами являются следующие информационные системы: здравоохранения; ракетно-космической и горнодобывающей промышленности; топливно-энергетической комплекса; атомной и металлургической, химической промышленности; банковской сферы и иных сфер финансового рынка; телекоммуникационные системы науки, транспорта, связи; автоматизированные системы военно-промышленного комплекса [7, с. 4].

Из вышеперечисленного следует, что объектами критической информационной инфраструктуры являются наиболее значимые и особо важные объекты информационной инфраструктуры государства, которые необходимо защищать законодательно.

В связи со всем вышеизложенным, следует отметить, что внедрение компьютерных технологий практически во все сферы общества имеют не только положительные, но и отрицательные моменты, так как это создает предпосылки для совершения преступлений. С развитием технологий развиваются также и формы преступной деятельности, следовательно, в данной сфере необходимо совершенствовать нормы законодательства ДНР для дальнейшего противодействия развитию преступной деятельности связанной с компьютерной информацией.

Важным в вопросе противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации является внедрение в Уголовный кодекс ДНР статьи 319.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, следующего содержания:

1. Создание, использование или распространение компьютерной информации (программ), заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, в том числе используемых для уничтожения, блокирования, копирования информации содержащейся в ней, либо для нейтрализации средств защиты указанной информации –

наказываются принудительными работами на срок до четырех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет.

2. Неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Донецкой Народной Республики, в том числе с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Донецкой Народной Республики, или иных вредоносных компьютерных программ, если он повлек причинение вреда критической информационной инфраструктуре Донецкой Народной Республики, –

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет, либо исправительными работами на срок от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Кроме того, с учётом вышеизложенного, для противодействия преступности с использованием криптовалюты, как одного из новых видов компьютерных преступлений, следует ввести в Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики, в главу 28 «Преступления против компьютерной информации», статью 320 «Нарушение правил использования цифровых

финансовых активов», которую целесообразно изложить в следующей редакции:

«Нарушение правил использования цифровых финансовых активов, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трёх лет, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок».

Указанная статья устанавливала бы ответственность, если в процессе использования цифровых активов был нанесён существенный ущерб охраняемым законом правам и свободам человека, общества, государства.

Также представляется обоснованным дополнение статьи 317 УК ДНР примечаниями, разъясняющими понятия «тяжкие последствия», которые перечислены в ч. 4 отмеченной статьи. Представленные последствия проявляются в смерти человека или причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, причинении средней тяжести вреда здоровью двух или более потерпевших, в уничтожении, блокировании информации юридических и физических лиц, либо же причинении крупного материального ущерба (свыше 1 млн рублей).

Список источников

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной республики (с изм., внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1) // Сборник законодательных актов ДНР. – № 1. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – 200 с.
2. Закон Донецкой Народной Республики №71-ИНС «Об информации и информационных технологиях» от 07.08.2015 / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-71-ihc-20150807/> (дата обращения: 15.10.2021). – Загл. с экрана.
3. Евдокимов, К. Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями / К. Н. Евдокимов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2(24). – С. 62–66.
4. Литвинов, Д. А. Киберпреступность в банковской сфере России: характер, масштабы, последствия / Д. А. Литвинов. – М.: издательство Норма, 2017. – 87 с.
5. Ястребов, Д. А. Вопросы отграничения неправомерного доступа к компьютерной информации от смежных составов преступлений / Д. А. Ястребов. – М.: издательство РИОР, 2008. – 245 с.
6. Евдокимов, К. Н. Противодействие компьютерной преступности в Российской Федерации: криминологические и уголовно-правовые аспекты / К. Н. Евдокимов. – Иркутск: издательство ИЮИ (ф) УП РФ, 2016. – 267 с.
7. Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 / Правовой Сервер

КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 15.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 13.11.2021 г.

WAYS TO SOLVE THE PROBLEMS OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

The article discusses the problems of countering crimes in the field of computer information, as well as effective ways of legislative solutions to these problems. In addition, based on the study of regulatory material regulating the qualification of crimes in the field of computer information in the Donetsk People's Republic, it is proposed to introduce additions and changes to the Criminal Code to counter crime in this area, as well as in the field of crimes using digital financial assets, cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency; digital assets; legislation; criminal liability; digital currency; computer information; copying; blocking; cybercrime; critical information infrastructure; counteraction.

Манивлец Элина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: manel76@mail.ru

Manivlets Elina Evgenievna

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DRP, Donetsk

E-mail: manel76@mail.ru

Махортов Сергей Павлович

студент юридического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет» DPR, Donetsk

E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

Makhorov Sergey

Student Faculty of Law of Donetsk National
University

DRP, Donetsk

E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

УДК 342.922

Подляскин А. А.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ

В настоящей работе рассмотрены теоретические, нормативно-правовые и практические проблемные аспекты в сфере административно-правового регулирования оборота оружия и боеприпасов на территории Донецкой Народной Республики и Российской Федерации; проведен анализ статистических данных деятельности органов лицензионно-разрешительной системы РФ; рассмотрена сущность административно-правового режима оборота огнестрельного оружия; проведен анализ нормативно-правовой базы России и ДНР, регулирующей исследуемую сферу общественных отношений; рассмотрены проблемные аспекты деятельности правоохранительных органов в сфере регулирования оборота оружия и боеприпасов.

Ключевые слова: оборот огнестрельного оружия; административно-правовое регулирование; правовой режим; огнестрельное оружие; боеприпасы.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена в первую очередь тем, что вопрос государственного регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов на современном этапе развития государственности Донецкой Народной Республики является проблемным ввиду происходящих на территории данного государства активных боевых действий. В Российской Федерации, исходя из данных криминологической статистики, а также ввиду совершения ряда резонансных преступлений в сфере оборота оружия и боеприпасов, данный аспект также требует активного изучения. Помимо этого, показательной является и статистика, данная Министерством внутренних дел РФ касаясь того, что в России в настоящее время зарегистрировано более 5 миллионов владельцев оружия, получивших разрешение на его хранение и ношение, во владении которых находится более 6 миллионов единиц такого оружия [8, с. 223]. Среди них, при этом, выделено приблизительно 500 тысяч человек, являющихся владельцами именно огнестрельного оружия. В Российской Федерации, исходя из данных той же статистики, также зарегистрировано 10,5 тысяч юридических лиц, имеющих разрешение на хранение и использование оружия [8, с. 223].

Принимая во внимание вышеуказанные факты, становится возможным отметить, что оборот огнестрельного оружия и боеприпасов в вышеперечисленных странах требует четкого и отлаженного законодательного закрепления и регулирования, а также непосредственного контроля и участия в нем правоохранительных органов, в чём также усматриваются некоторые проблемные аспекты, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Исследованию вопроса административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия на территории государства посвящено множество работ ученых-административистов, среди которых: Кошелев А. М., Бросалина А. А., Долгополов А. А., Белоконь А. В., Шмидт А. А.

Учитывая тот факт, что все вышеперечисленные работы исследователей в области оборота огнестрельного оружия раскрывают сущность данного вопроса в рамках государства Российская Федерация, видим целесообразным рассмотреть пути совершенствования законодательства и административно-правовых механизмов, регулирующих исследуемую сферу, на территории Донецкой Народной Республики.

Целью работы является сравнительный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей оборот огнестрельного оружия на территории РФ и ДНР, а также определение рекомендаций по улучшению взаимодействия правоохранительных органов, в ведении которых находится регулирование оборота огнестрельного оружия. Помимо этого, применительно к ДНР, целью исследования данной работы является разрешение проблемы отсутствия в Республике субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность по производству, ремонту, торговле огнестрельным оружием и боеприпасов к нему, а также стрелковых тиров и стрельбищ, пунктов изучения материальной части огнестрельного оружия, правил обращения с ним и его применения, магазинов.

Для наиболее полного и детального анализа рассматриваемой темы, по нашему мнению, в первую очередь необходимо рассмотреть теоретический аспект изучаемого вопроса. Сфера регулирования оборота огнестрельного оружия в Российской Федерации имеет довольно объемную законодательную базу, и многими учеными-административистами, по плотности нормативно-правового регулирования, высокой степени упорядоченности административно-правовых отношений посредством установления административных процедур, а также в части установления административного режима, она часто сравнивается со сферой регулирования безопасности дорожного движения [8, с. 224].

Однако сфера безопасности дорожного движения, по своей сути, представляет собой лишь один из способов удовлетворения общественных

потребностей в территориально-пространственном передвижении людей, предметов, средств и так далее. Сфера же регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов, в общем виде, не связана с общественной необходимостью, поскольку основными причинами, побуждающими граждан на обращение в органы лицензионно-разрешительной системы для получения разрешения на ношение и хранение оружия являются психологическая разрядка в виде развлечений (охота, спортивные стрельбы), а также повышение чувства личной безопасности (ношение и хранение оружия с целью самообороны) [9, с. 159].

В особенности, основное отличие административно-правового режима оборота огнестрельного оружия заключается в том, что оружие, в отличие от объектов других общественных отношений, а в частности – огнестрельное, не предназначено для удовлетворения общественных нужд, и, помимо этого, является источником повышенной опасности ввиду его функционального предназначения, направленного на непосредственное причинение вреда здоровью другого лица, либо лишение его жизни. Административно-правовой режим, при этом, в понимании ряда ученых, одним из которых является Д. Н. Бахрах, определяется как сочетание административно-правовых средств регулирования, опосредованное централизованным порядком и императивным методом юридического воздействия, которое выражается в том, что субъекты правоотношений по своему статусу занимают юридически не равные позиции (и, соответственно, один из субъектов занимает властное положение в отношении другого) [8, с. 223].

В зависимости от специфики регулируемых отношений, административно-правовой режим в равной степени может устанавливаться как в отношении деятельности органов государственного управления, так и в отношении прав и обязанностей невластных субъектов административного права, и регламентировать их взаимоотношения между собой. Исходя из общетеоретических положений административного права, административно-правовой режим в целом представляет собой целостную систему регулятивного воздействия на тех участках социальной деятельности, где необходимо обеспечение публичных интересов в рамках предмета административного права. При этом, стоит отметить, что предмет административного права не ограничивается сферами обеспечения безопасности и охраны общественного порядка, обеспечения и поддержания суверенитета и обороны государства, соответственно, указанными рамками нельзя ограничивать и административно-правовые режимы.

В рамках рассматриваемого теоретического аспекта, по нашему мнению, является целесообразным рассмотреть сущность административно-правового режима оборота огнестрельного оружия и боеприпасов как юридической категории на примере Российской Федерации и ДНР. Базовым нормативно-

правовым актом, регулирующим сферу оборота оружия на территории РФ, является Федеральный закон «Об оружии» № 150-ФЗ от 13.12.1996 года. Преамбулой указанного закона четко регламентирована сфера общественных отношений, которую он регулирует, исходя из чего к ним относятся правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации, а действие самого Закона направлено на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия [4].

Исходя из данного положения можно сказать, что Федеральным законом РФ «Об оружии» устанавливается и закрепляется административно-правовой режим оборота оружия на территории данного государства, поскольку в рассмотренной формулировке выделяются два признака, характеризующих правовой режим как юридическую категорию: во-первых, регламентирована совокупность общественных отношений, регулирующих конкретный объект правоотношений – оружие; во-вторых, конкретно обозначено целевое предназначение регулирования – защита жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрана природы и природных ресурсов, и так далее. Обеспечение вышеперечисленных целей находится в сфере публичных интересов государства, что раскрывает публично-правовую направленность рассматриваемого Закона. Специфика предмета правового регулирования оборота огнестрельного оружия, а также его административно-правового режима, обуславливает необходимость решения одновременно социальных и технических вопросов в комплексе, и довольно часто законодателем это закрепляется в одном нормативном акте. Исходя из этого, ключевой особенностью правового регулирования оборота оружия в России является то, что технические нормы хранения, обслуживания, ремонта, производства оружия, в том числе и огнестрельного, входят непосредственно в содержание правовых нормативных актов, регулирующих оборот оружия.

В основе всей правовой системы государства лежит основополагающий законодательный акт – Конституция, которая закрепляет цели и содержание этой системы, виды и соподчиненность правовых актов, принципы деятельности. Кроме этого, права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией, служат юридической базой для прав и свобод, устанавливаемых всеми другими отраслями законодательства. Конституция РФ, в свою очередь, также закрепляет цели и принципы функционирования государственного аппарата в сфере оборота

оружия на территории России. Более того, Конституцией закреплена норма, прямо регламентирующая исследуемые отношения. Так, статья 71 Конституции РФ устанавливает, что порядок продажи и покупки оружия находится в ведении Российской Федерации [2]. Конституция РФ, помимо общего указания на административно-правовой режим оборота оружия на территории государства, в общих чертах также устанавливает ограничения касемо применения и использования огнестрельного оружия [10, с. 130].

В Конституции ДНР же схожая норма отсутствует, однако это не означает, что административно-правовые отношения в сфере оборота оружия на территории Республики не регулируются государством. Помимо этого, по аналогии с Конституцией РФ, ч. 2 ст. 38 Конституции ДНР установлено, что каждое лицо вправе защищать свои права и свободы всеми доступными способами, не запрещенными законом [1]. Огнестрельное оружие же, по сути своей, также является средством защиты прав и свобод человека и гражданина, по факту, используемое в качестве крайней меры для самозащиты гражданина от противоправного посягательства [9, с. 160]. Однако при этом другие основополагающие устои государства, закреплённые в ч. 4 ст. 12 Конституции ДНР, устанавливают, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, что, по итогу, вызывает определённый перечень вопросов касемо безопасности оборота огнестрельного оружия на территории государства в принципе.

Рассмотрев теоретические и нормативно-правовые аспекты исследования, стоит перейти к рассмотрению практической стороны проблемы. В первую очередь, основной проблемой административно-правового регулирования оборота оружия на территории государства, как ДНР, так и РФ, является недоработка правоохранительных органов в рассматриваемой сфере. Данная актуальная проблема представлена следующими характерными признаками: низкая правовая культура владения гражданами оружием; низкая эффективность предпринимаемых органами внутренних дел мер по профилактике и предупреждению действий, связанных с утратой и хищением огнестрельного оружия; недостаточное организационное взаимодействие служб и подразделений органов внутренних дел, в частности – подразделений лицензионно-разрешительной системы [11, с. 123]. Все вышеперечисленные аспекты, по нашему мнению, должны быть рассмотрены по порядку для наиболее полного и глубокого понимания проблемы.

Низкая правовая культура владения гражданами оружием обусловлена тем, что слабые навыки нормативно-правовой, психологической и огневой подготовки владельцев оружия нередко становятся причиной превышения пределов необходимой обороны, либо же причинение вреда их жизни или

здоровью нападающим преступником таким владельцам их же оружием. Ещё одним проявлением «правовой неграмотности» в части исследуемой сферы является тот факт, что в России средства массовой информации, в частности – сеть Интернет, ежедневно публикует множество статей о неправомерном (преступном) применении зарегистрированного в законном порядке оружия, множество из которых являются недостоверными (ввиду того, что многие факты по таким делам ещё не были раскрыты даже следствием), что создаёт в глазах общественности отрицательный образ деятельности органов внутренних дел, что создает низкий уровень доверия граждан к полиции и ухудшает непосредственное взаимодействие последних друг с другом [11, с. 123].

В ДНР данный аспект также является проблемным ввиду того, что перечень документов, предоставляемых для получения разрешения на право хранения боевого огнестрельного оружия, указанный во Временном положении о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия, является, по нашему мнению, далеко не полным [5]. Так, пункт 12.2 Приказа МВД ДНР № 227 для выдачи разрешения на охотничье огнестрельное оружие, помимо всех перечисленных в нем документов, предусматривает получение справки об изучении материальной части оружия, специальных средств, правил обращения с ними и их применения, а также медицинской справки установленного образца (имеется ввиду сертификат психиатра об отсутствии психических заболеваний); справки об отсутствии (наличии) судимости, что также является немаловажным фактором предупреждения преступлений и правонарушений с применением данной категории огнестрельного оружия [7]. Что же касается боевого огнестрельного оружия, то все вышеперечисленные документы, по сути, являющиеся превентивной мерой совершения преступлений и правонарушений с применением огнестрельного оружия, Временным положением о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия проигнорированы, что, по нашему мнению, является большим упущением.

Следующим проблемным аспектом в исследуемом вопросе является низкая эффективность предпринимаемых органами внутренних дел мер по профилактике и предупреждению действий, связанных с утратой и хищением огнестрельного оружия. Данная сфера заключается в проводимой правоохранительными органами деятельности по профилактике правонарушений и преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, которая, в свою очередь, осуществляется в форме проведения специальных операций (на примере РФ – «Арсенал», «Пиротехника» и прочие), а также мероприятий по добровольной сдаче гражданами незаконно хранящихся у них оружия и боеприпасов [11, с. 123]. В ДНР политика

правоохранительных органов в этой сфере отличается тем, что гражданам, у которых хранится огнестрельное боевое оружие и боеприпасы к нему, ввиду боевых действий на территории Республики, была дана возможность зарегистрировать его в органах лицензионно-разрешительной системы МВД ДНР в порядке, предусмотренном Временным положением о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия от 09.04.2015 года [5]. Однако проблема данной сферы общественных отношений заключается в том, что такие операции не имеют систематического характера, а снижение качества их организации негативно влияет на рост правонарушений со стороны владельцев огнестрельного оружия. Помимо этого, видим целесообразным отметить, что на территории ДНР необходимо проводить дополнительную профилактическую работу по предупреждению правонарушений в сфере оборота огнестрельного оружия через средства массовой информации, тем самым повышая уровень правосознания и правового воспитания владельцев такого оружия.

Проблема недостаточного организационного взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел, в частности – подразделений лицензионно-разрешительной системы и участковых инспекторов полиции, заключается в первую очередь в широком объеме задач, возложенных на них. Для подразделений лицензионно-разрешительной системы на настоящем этапе развития государственности ДНР определена первоочередная задача по повышению качества предоставления государственных услуг гражданам и организациям, что, в свою очередь, негативно влияет на осуществление ими контрольно-надзорной функции. Помимо этого, определяющим фактором в данной проблеме является «кадровый голод», который на момент 2020 года всё так же значительно отражается на работе многих подразделений органов внутренних дел. Широкий спектр контрольно-надзорных и юрисдикционных полномочий, возложенных также и на участковых инспекторов полиции, не позволяет последним в полной мере осуществлять профилактическую работу с владельцами огнестрельного оружия. Показателем данной проблемы также является проведенное в подразделениях МВД РФ анкетирование, анализ результатов которого показал, что лишь 33 % из числа опрошенных сотрудников оценивают уровень взаимодействия сектора УИП и органов лицензионно-разрешительной системы как эффективный. 65 % опрошенных сотрудников оценивают организацию взаимодействия с другими службами и подразделениями ОВД как неэффективную и нуждающуюся в значительном преобразовании, а основными причинами нарушения такого взаимодействия называют незаинтересованность других служб и подразделений в осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере оборота оружия в связи с большой загруженностью иными функциональными обязанностями;

недоработка законодательства в части взаимодействия органов и подразделений МВД; отсутствие справедливых критериев оценки качества проверочных мероприятий [11, с. 124]. Исходя из анализа вышеперечисленных проблем, видим целесообразным выделить следующие системы мер по совершенствованию сферы регулирования оборота оружия и боеприпасов, которые будут актуальными как для ДНР, так и для РФ: во-первых, система мер по сокращению незаконного оборота оружия, а также комплекс мер по соблюдению легального оборота оружия и боеприпасов на территории государства; во-вторых, система мер, направленных на повышение правовой культуры владения оружием (обучение владельцев оружия его правомерному использованию, меры по профилактике правонарушений в сфере хранения и ношения огнестрельного оружия и боеприпасов); в-третьих, комплекс мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия.

Актуальной проблемой в сфере регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов для Донецкой Народной Республики является недоработка правовой регламентации данного аспекта в принципе. На данный момент, по нашему мнению, наибольшего внимания заслуживает проблема отсутствия в Республике субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность по производству, ремонту, торговле огнестрельным оружием и боеприпасов к нему, а также стрелковых тиров и стрельбищ, пунктов изучения материальной части огнестрельного оружия, правил обращения с ним и его применения, магазинов, осуществляющих продажу оружия и боевых припасов к нему, устройств и патронов к ним. Нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок создания, процедуру лицензирования таких предприятий и организаций в ДНР, присутствуют, и к ним, соответственно, относятся: Приказ МВД ДНР «Об утверждении лицензионных условий хозяйственной деятельности по производству, ремонту огнестрельного оружия <...>» № 177 от 11.03.2016 года [6], Приказ МВД ДНР «Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного, газового, пневматического, холодного и охолощенного оружия <...>, а также боеприпасов к оружию, основных частей оружия и взрывчатых материалов промышленного назначения на территории Донецкой Народной Республики» № 227 от 06.04.2015 года [7], Закон ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» от 27.02.2015 года [3]. Перечисленные нормативные акты, по нашему мнению, в полной мере регламентируют и устанавливают процедуру получения соответствующих разрешений и лицензий на осуществление субъектом хозяйствования деятельности по производству, ремонту, торговле оружием на территории ДНР, однако, по

факту, на момент 2020 года в Республике не существует ни одного субъекта хозяйствования, осуществляющего рассматриваемый вид деятельности. Ввиду этого возникает множество проблемных аспектов, среди которых: отсутствие возможности граждан в приобретении того или иного вида оружия в целях, например, самообороны; отсутствие возможности у владельцев огнестрельного оружия осуществления соответствующего ремонта и ухода за таким оружием; отсутствие у владельцев огнестрельного оружия возможности познания принципа действия оружия, находящегося у них во владении, его материальной части, порядка правомерного его применения, а также необходимых навыков стрельбы. Все вышеперечисленные факторы в той или иной мере способствуют совершению множества правонарушений в сфере оборота огнестрельного оружия на территории ДНР, соответственно, исполнительным органам власти Республики, по нашему мнению, необходимо пересмотреть подход к созданию соответствующих субъектов хозяйствования на территории Донецкой Народной Республики, в том числе по созданию таких субъектов в форме государственных предприятий, подведомственных соответствующему органу исполнительной власти.

Исходя из вышеизложенного материала, стоит сделать выводы о том, что на современном этапе становления государственности в ДНР существуют проблемы взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия на территории государства, которые должны быть разрешены путем введения комплекса мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия, а также системы мер, направленных на повышение правовой культуры населения в части владения оружием. Помимо этого, стоит сделать вывод о том, что закрепленный в нормативно-правовых актах ДНР порядок создания и лицензирования субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность по производству, ремонту, торговле огнестрельным оружием и боеприпасов к нему, а также стрелковых тиров и стрельбищ, пунктов изучения материальной части огнестрельного оружия, правил обращения с ним и его применения, магазинов, осуществляющих продажу оружия и боевых припасов к нему, устройств и патронов к ним, необходимо воплотить в жизнь и обеспечить создание таких субъектов хозяйствования на территории Республики ввиду их актуальной надобности.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 года / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsouet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 13.01.2022 г.). – Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 25 декабря 1993 г. – № 237.

3. О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности: Закон ДНР от 27.02.2015 года / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-litsenzirovanii/> (дата обращения: 16.01.2022 г.). – Загл. с экрана.
4. Об оружии: Федеральный закон № 150-ФЗ от 13.12.1996 года (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 16.12.1996. – № 51. – Ст. 5681.
5. Временное положение о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия калибром не более 11,43 мм и боеприпасов к нему от 09.04.2015 года / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-5-6-2015-04-09/> (дата обращения: 23.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
6. Об утверждении лицензионных условий хозяйственной деятельности по производству, ремонту огнестрельного оружия <...>: Приказ МВД ДНР № 177 от 11.03.2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.dnronline.su/wpcontent/uploads/2016/07/PrikazMVD_N177_11032016.pdf (дата обращения: 02.02.2022 г.). – Загл. с экрана.
7. Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного, газового, пневматического, холодного и охолощенного оружия, устройств для отстрела патронов, снаряженных резиновыми или аналогичными по своим свойствам метательными снарядами несмертельного действия, и патронов к ним, а также боеприпасов к оружию, основных частей оружия и взрывчатых материалов промышленного назначения на территории Донецкой Народной Республики: Приказ МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 года / Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0011-227-20150406/> (дата обращения: 02.02.2022 г.). – Загл. с экрана.
8. Долгополов, А. А. О некоторых проблемах совершенствования контроля за оборотом оружия / А. А. Долгополов, А. В. Белоконь / Общество и право. – 2013. – № 1(43). – С. 223–228.
9. Кошелев, А. М. Гражданское оружие самообороны как предмет административно-правового регулирования / А. М. Кошелев // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. № 5. – С. 158–161.
10. Кузнецова, И. А. Гражданское оружие как средство реализации конституционного права граждан на защиту / И. А. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 9. – № 2. – 2002. – С. 127–140.
11. Сургутсков, В. И. О совершенствовании правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел (полиции) в сфере оборота оружия / В. И. Сургутсков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 1(4). – С. 122–126.

Поступила в редакцию 28.02.2022 г.

THE CURRENT STATE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF FIREWARE AND AMMUNITION

This work examines the theoretical, regulatory and practical problematic aspects in the field of administrative and legal regulation of the circulation of weapons and ammunition in the territory of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation; the analysis of

statistical data on the activities of the bodies of the licensing and permitting system of the Russian Federation was carried out; the essence of the administrative-legal regime of the turnover of firearms is considered; the analysis of the legal and regulatory framework of Russia and the DPR, which regulates the studied sphere of public relations, has been carried out; the problematic aspects of the activities of law enforcement agencies in the sphere of regulating the circulation of weapons and ammunition are considered.

Keywords: turnover of firearms; administrative and legal regulation; legal regime; firearms; ammunition.

Подляскин Антон Андреевич

Заместитель начальника Отдела
вооружения УМТО МВД ДНР,
адъюнкт 3 года обучения ГОО ВПО
«Донецкая Академия внутренних дел МВД
ДНР им. Ф. Э. Дзержинского»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Admsud19@mail.ru

Podlyaskin Anton

Deputy Head of the Armament Department of
the UMTD of the Ministry of Internal Affairs
of the DPR, Adjunct 3 years of study of the
Donetsk Academy of Internal Affairs of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: Admsud19@mail.ru

УДК 343.34

Семыкина Л. А.
Левина Н. А.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с мерами противодействия экстремистской деятельности на основании законодательства Донецкой Народной Республики, указаны основные принципы и направления осуществления указанной деятельности, определены основные субъекты противодействия экстремистской деятельности, а также предложены рекомендации по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, экстремистская деятельность, взаимодействие, меры борьбы, субъекты противодействия экстремизму.

На сегодняшний день охрана общественных отношений, связанных с обеспечением государственной и общественной безопасности от проявлений экстремизма, приобретает особое значение, так как обстановка в мире свидетельствует об активизации вооруженных формирований, экстремистских сообществ и организаций.

Целью данного исследования является анализ действующего законодательства, регламентирующего противодействие проявлениям экстремизма, выявление и обозначение основных проблем в законодательстве, формирование рекомендаций по внесению изменений в законодательство Донецкой Народной Республики.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: раскрыть понятие и сущность экстремизма; проанализировать меры противодействия проявлениям экстремизма по законодательству Донецкой Народной Республики; определить основных субъектов противодействия экстремистской деятельности на территории Донецкой Народной Республики.

На законодательном уровне в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) понятие «экстремизм» закреплено в Законе ДНР «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Постановлением Народного Совета ДНР 29 мая 2015 года № 51-ІНС.

Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 1 указанного Закона под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимают:

1. Деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Донецкой Народной Республики; подрыв безопасности Донецкой Народной Республики; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; разжигание расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

2. Пропаганда и публичная демонстрация нацистской атрибутики или символов, или атрибутики, или символов, аналогичных нацистской атрибутике или символам, за исключением тех, которые непосредственно воспроизводятся на объектах религиозного культа, объектах народной культуры, орнаментах архитектуры;

3. Массовое распространение и изготовление экстремистской информации, а также публичные призывы к осуществлению указанной деятельности;

4. Финансирование, а также иное содействие в осуществлении или выполнении указанных действий, в том числе предоставление недвижимости, образовательной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и других видов связи, информационных услуг и других материалов и технических средств, финансовых и иных ресурсов [1].

Проанализировав ст. 1 указанного Закона, можно прийти к выводу о том, что в ней говорится не о понятии «экстремистской деятельности (экстремизм)», а о перечне деяний экстремистской направленности, которые являются формами проявления экстремизма.

По мнению М. А. Хадысова, экстремизм – это противоправная деятельность, осуществление которой наносит или может нанести значительный ущерб основам конституционного строя, безопасности

государства, а также жизни и здоровью граждан одного государства, страны или ряд стран. Также он отмечает, что экстремистская деятельность несет не только внутригосударственную угрозу, но и угрозу всему мировому сообществу в целом. И борьба с этим явлением ведется на мировом, региональном и государственном уровне [2, с. 180].

По мнению Хлебушкина А. Г. под экстремизмом следует понимать противоправную, уголовно-наказуемую деятельность, которая наносит или может нанести значительный ущерб основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений [3, с. 6–7].

Р. М. Узденов предлагает вместо перечисления экстремистских действий определять экстремизм как социальное, негативное явление, которое проявляется в совокупности общественно опасных, уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, убеждений, которые возводятся в культ, обеспечиваются этой системой взглядов, с целью достижения определенного результата во всех сферах общественных отношений. Так, согласно данному определению, любое проявление экстремизма считается противоправным, а, следовательно, общественно-опасным и наказуемым в установленном законом порядке, а также определяется мотив и цель указанных деяний [4, с. 16–17].

В настоящее время в Донецкой Народной Республике имеется ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих общественные отношения в сфере осуществления противодействия проявлениям экстремизма, однако ввиду становления законодательства ДНР, на ее территории может применяться законодательство Украины, в части не урегулированной законодательными актами ДНР, а также не противоречащее действующему законодательству.

Правовую основу борьбы с экстремистской деятельностью в ДНР составляют Конституция ДНР, Закон ДНР «О противодействии экстремистской деятельности», определяющий правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также устанавливающий ответственность за ее осуществление, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности ДНР, Уголовный кодекс ДНР, Закон ДНР «О средствах массовой информации», Закон ДНР «О прокуратуре», Закон ДНР «О полиции», Закон ДНР «О Министерстве государственной безопасности», Закон Украины «Об общественных объединениях», Закон ДНР «О свободе совести и религиозных объединениях», Закон ДНР «О безопасности», Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» и др.

В соответствии с анализируемым законодательством ДНР, основной тенденцией противодействия экстремизму и экстремистской деятельности на территории республики является разработка превентивных мер, направленных на предотвращение, выявление, пресечение указанной

деятельности, а также выявление и устранение всех причин и условий, которые способствовали данной деятельности.

В статье 4 анализируемого Закона определены субъекты противодействия экстремистской деятельности, к которым относятся Глава ДНР, Правительство ДНР в пределах своей компетенции.

Однако стоит указать, что согласно ст. 26 Закон ДНР «О прокуратуре» (принят Постановлением Народного Совета ДНР 31.08.2018) и ст. 6 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности», Генеральный прокурор Донецкой Народной Республики или его заместитель либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель, в случае обнаружения готовящихся противоправных деяний, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности, выносит предостережение о недопустимости нарушения закона, тем самым также оказывая сопротивление экстремизму [5].

Также, согласно ст. 7, ст. 8 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривают, что данные субъекты могут письменно уведомлять общественную, религиозную или иную организацию о недопустимости экстремистской деятельности, устанавливать срок для устранения правонарушений, связанных с совершением экстремизма и предотвращать распространение экстремистских материалов данными организациями через средства массовой информации. Так же, в соответствии с п. 20 ст. 12 Закон ДНР «О полиции» (принят Постановлением Народного Совета ДНР 07.08.2015), в обязанности полиции ДНР входит «принимать в соответствии с законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан» [6].

Согласно п. 2 ст. 8 Закона ДНР «О Министерстве государственной безопасности» (принят Постановлением Народного Совета ДНР 03.08.2018), одним из направлений деятельности органов государственной безопасности является противодействие терроризму и экстремизму. Одной из основных обязанностей органов государственной безопасности является добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу экстремизма.

В соответствии со ст. 10 данного Закона противодействие экстремизму – это деятельность, осуществляемая органами государственной безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по противодействию экстремизму посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий. Основаниями для проведения данных мероприятий являются: необходимость пресечения экстремистской деятельности, необходимость выявления лиц, причастных к организации экстремистской деятельности, необходимость добывания

информации о событиях или действиях, создающих угрозу экстремизма, необходимость выявления и пресечения деятельности, направленной на подрыв безопасности Донецкой Народной Республики, создание незаконных вооруженных формирований, разжигание расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [7].

Исходя из вышеуказанного, представляется целесообразным в ст. 4 Закон ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» дополнить перечень субъектов противодействия экстремистской деятельности следующими субъектами: Прокуратура Донецкой Народной Республики, полиция Донецкой Народной Республики, Министерство государственной безопасности Донецкой Народной Республики.

В Донецкой Народной Республике запрещаются издание и распространение материалов, содержащих хотя бы один из признаков экстремизма, к таким могут относиться: официальные документы и материалы экстремистских объединений и организаций, запрещенных на территории Донецкой Народной Республики в соответствии со вступившим в силу решением суда; документы, периодические издания и прочие носители информации, составители которых осуждены за преступления против мира и человечества в соответствии с международно-правовыми актами.

В ходе правоприменительной деятельности Верховным Судом Донецкой Народной Республики были вынесены решения о признании некоторых информационных материалов экстремистскими.

Министерством юстиции ДНР опубликован на официальном сайте республиканский список запрещенных экстремистских материалов – документов, предназначенных для публикации или информации в других СМИ, призывающих к экстремистской деятельности или обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, публикаций, обосновывающих или оправдывающих общенациональные и (или) расовое превосходство или оправдание практики совершения войны или других преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Данный список формируется на основании решения суда о признании информационных материалов экстремистскими и в течение тридцати дней

Республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий государственную регистрацию общественных объединений и религиозных организаций вносит их в республиканский список экстремистских материалов, который подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте указанного органа, а также подлежит опубликованию в средствах массовой информации (далее – СМИ).

Также в соответствии со ст. 11 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» через средства массовой информации запрещается распространение и осуществление экстремистской деятельности. Также ст. 4 Закона ДНР «О средствах массовой информации» гласит, что использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний путем распространения экстремистских материалов не допускается [8].

В случае осуществления экстремистской деятельности или распространения материалов, относящихся к экстремизму, на основании заявления уполномоченного на то государственного органа или должностного лица, деятельность соответствующего средства массовой информации может быть прекращена по решению суда (ст. 11 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности»).

В соответствии со ст. 9 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» на территории Донецкой Народной Республики запрещается создание и функционирование различных объединений, организаций, действия или целью которых является осуществление экстремистских деяний. В случае выявления признаков экстремизма в деятельности такой организации, она может быть ликвидирована и запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Донецкой Народной Республики или подчиненного ему соответствующего прокурора, а также на основании заявления республиканского органа исполнительной власти, осуществляющего государственную регистрацию общественных объединений и религиозных организаций или его соответствующего территориального органа.

В соответствии со ст. 17 Закона ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» Донецкая Народная Республика сотрудничает в борьбе с экстремизмом с иностранными государствами, их правоохрнительными органами и спецслужбами, а также с международными организациями, борющимися с экстремизмом.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что противодействие экстремистской деятельности, является одной из приоритетных задач государственных органов и общественных объединений.

На данный момент законодательство Донецкой Народной Республики содержит некоторые недостатки в сфере противодействия проявлениям

экстремизма. Так, следует обратить внимание на то, что в нормативно-правовых актах следует четко сформировать понятие «экстремизм», определив его как противоправную деятельность, совершаемую в соответствии с определенной системой взглядов, проявляющих нетерпимость к определенным группам с применением насилия, причиняющих существенный вред основам конституционного строя, безопасности государства, а также жизни и здоровью граждан, как одной страны, так и всему мировому сообществу.

Также представляется целесообразным дополнить указанный в законодательстве перечень субъектов противодействия проявлениям экстремизма следующими субъектами: Прокуратура Донецкой Народной Республики, полиция Донецкой Народной Республики, Министерство государственной безопасности Донецкой Народной Республики, так как данные органы осуществляют активную борьбу с проявлениями экстремизма на территории Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. О противодействии экстремистской деятельности: Закон ДНР от 29.05.2015 г. № 51-ИНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 29.05.2015 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-protivodejstvii-ekstremistskoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Хадысов, М. А. Международно-правовое противодействие экстремизму / М. А. Хадысов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 178–181.
3. Хлебушкин, А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич, Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2007. – 27 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003052577> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Узденов, Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Узденов Расул Магомедович; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2008. – 29 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01003165829?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
5. О прокуратуре: Закон ДНР от 31.08.2018г. № 243-ИНС ИНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 31.08.2018 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
6. О полиции: Закон ДНР от 07.08.2015 г. № 85-ИНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 07.08.2015 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-o-politsii-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.

7. О Министерстве государственной безопасности: Закон ДНР от 03.08.2018 г. № 238-ІНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 03.08.2018 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ministerstve-gosudarstvennoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
8. О средствах массовой информации: Закон ДНР от 29.06.2015 № 59-ІНС (с изм. и доп.): Принят Народным Советом ДНР от 29.06.2015 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii/ (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 13.11.2021 г.

COUNTERING MANIFESTATIONS OF EXTREMISM UNDER THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article discusses issues related to countermeasures against extremist activities on the basis of the legislation of the Donetsk People's Republic, indicates the main principles and directions for the implementation of these activities, identifies the main subjects of countering extremist activities, and offers recommendations for improving the legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: extremism, counteraction to extremism, extremist activity, interaction, measures of struggle, subjects of counteraction to extremism.

Семыкина Людмила Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: semikina@donnu.ru

Semykina Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law and the process of Donetsk
National University

DPR, Donetsk

E-mail: semikina@donnu.ru

Левина Наталия Андреевна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: nlyovina@mail.ua

Levina Natalia

Student Faculty of Law of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: nlyovina@mail.ua

УДК 343.34

Семыкина Л. А.
Ломакина Ю. А.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРРОРИЗМА

В статье раскрывается содержание определения терроризма, отмечаются его основные признаки. Проблемой в науке уголовного права является отсутствие единого определения терроризма на международном уровне. Учитывая основные признаки терроризма, основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к его исследованию, предлагается определение терроризма.

Ключевые слова: терроризм, террор, признаки терроризма, этимология терроризма, общественная опасность.

Терроризм – одно из самых опасных явлений нашего времени, приобретающее всё более угрожающие масштабы. Его проявления часто приводят к массовым человеческим жертвам, к разрушению материальных и нематериальных ценностей, а также к ненависти среди национальных и социальных групп.

Целью данной статьи является раскрытие и обобщение имеющихся в науке уголовного права подходов к определению терроризма и на этой основе разработка определения терроризма как общественно опасного деяния. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать и систематизировать существующие определения понятия терроризма;
- проанализировать и обобщить признаки терроризма.

В первую очередь, проблему, связанную с терроризмом должно решать государство. Статья 14 Конституции Донецкой Народной Республики указывает на то, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [1].

Однако в настоящий период люди не могут ощущать себя полностью защищёнными. Так как в любое время каждый может стать жертвой террористов, независимо от социального или материального положения, национальности или вероисповедания, от этого никто не застрахован. Именно терроризм демонстрирует обществу бессилие власти.

Что же такое терроризм и каковы его признаки. Для начала необходимо установить соотношение понятия «терроризм» с другим употребляемым понятием «террор». Данные понятия требуют сущностного разграничения. В обыденной речи, в литературе, в публицистике и весьма часто в официальных документах понятия «террор» и «терроризм» употребляются как синонимы.

Слово «террор» происходит от латинского *terror*, что в переводе означает страх, ужас. Возможные индоевропейские истоки *tre* – дрожать, трепетать, трястись [2, с. 852].

Дословный перевод раскрывает прямое следствие террора на эмоциональном уровне, а не его понятие. Со временем в понятие «террор» стали вкладывать сам процесс, который вызывает страх и ужас.

В словаре русского языка С. И. Ожегова, терроризм – «политика и практика террора», а террор – это «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [3, с. 645].

Таким образом, «террор» и «терроризм» в их первоначальном смысле объединяет то, что «страх» и «ужас» имеют единую основу – насилие, результатом которого они являются. Однако за данным сходством необходимо видеть и различия. «Терроризм» – это хоть и производное от слова «террор», но всё-таки самостоятельное явление и понятие.

Сторонники разграничения рассматриваемых понятий отмечают, что террор как особый метод достижения политических целей известен с давнего времени и является основой терроризма. Поэтому терроризм – политика террора с насильственными приёмами.

Таким образом, следует согласиться с С. Ю. Деевым в том, что «террор – это историческое явление, а терроризм – это политика, нацеленная на реализацию такого явления» [4, с. 27].

Терроризм во всём многообразии его проявлений является одной из наиболее острых глобальных проблем нашего времени. Только в случае точного определения границ негативного социального явления возможна эффективная борьба с ним. Разрабатывая определение какого-либо явления, можно выявить признаки, присущие только этому явлению и позволяющие отличать его от других.

О. А. Колобов отметил, что на сегодняшний день, при наличии множества международных площадок для объединения усилий по борьбе с терроризмом, мировое сообщество так и не смогло установить универсального определения понятий терроризм и его видов – национального и международного. И это, несмотря на то, что исследователями-террологами,

правительственными и неправительственными организациями только в отношении международного было предложено более 120 вариантов определений [5, с. 3].

Страны-члены Организации Объединённых Наций уже 40 лет безуспешно пытаются прийти к единому мнению по вопросу общепризнанного определения терроризма, чтобы на его основе создать документ по типу Женевской конвенции.

Этот факт не препятствует принятию странами-членами Организации Объединённых Наций международно-правовых документов по борьбе с терроризмом. Однако работа над положениями текста Всеобъемлющей конвенции Организации Объединённых Наций о международном терроризме, в которую планируется включение единого определения терроризма, до сих пор продолжается [6, с. 261].

Определение терроризма как социального явления закреплено в Законе Донецкой Народной Республики от 15.05.2015 № 46-ІНС «О противодействии терроризму» в п. 1 ч. 1 ст. 3: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [7].

В этой норме терроризм толкуется как идеология. Но традиционно он рассматривался как система методов, используемых для реализации положений той или иной идеологии. Бесспорно, терроризм имеет отношение к идеологии, но только как средство, способствующее реализации отдельных идей. Несмотря на данное спорное определение, в нём нашла своё закрепление его концептуальная особенность – указание на цель, а именно «воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями».

В научном сообществе нет единого мнения о необходимости выработки универсального определения терроризма. Многие учёные считают, что более разумно не искать такое определение терроризма, а ограничиться лишь отдельными его признаками или сосредоточиться на оценке адекватности вновь появляющихся определений.

Одним из методов определения понятия «терроризм» может быть очищение этого понятия от неспецифических, количественных, не отражающих сущность этого явления характеристик. Другой же метод предполагает его понимание как объёмной категории, которая не поддаётся приемлемому для всех определительному толкованию. В этом случае терроризм определяют, как совокупность более «простых» явлений: например, захват заложников, захват судов гражданской авиации, преступления с использованием ядерного оружия и т. д.

В целях унификации подходов и методов в борьбе с терроризмом, необходимо согласиться с такими исследователями, как А. Г. Володин и В. Н. Коновалов, осознающими важность выработки общепризнанного определения терроризма, т. к. он не может быть сведён к сумме частных проявлений, а представляет собой самостоятельный феномен [6, с. 264].

Существует множество научных мнений, определяющих сущность понятия «терроризм» в современной юриспруденции. Так, например, по мнению Ю. И. Авдеева, терроризм – это особое общественно-политическое явление. В. А. Соснин рассматривает терроризм как крайнее проявление экстремизма в разрешении конфликтов между социальными субъектами, ведущее к уничтожению врага любыми насильственными методами. С точки зрения А. И. Долговой, терроризм как «один из специфических видов насилия, используемых в процессе экстремистской деятельности, нацеленной на подрыв конституционного строя в двух направлениях: против конституционных прав и свобод человека и гражданина и против конституционной власти» [8, с. 137].

М. А. Нагоева считает, что «терроризм – это социальная проблема, порождаемая самим обществом на определенном этапе своего развития. Современный терроризм многолик и многомерен» [9, с. 255].

Невозможна эффективная уголовно-правовая борьба с терроризмом без выявления его сущностных признаков. Проанализировав научные взгляды о природе и характерных чертах терроризма, а также содержание международно-правовых документов и уголовного законодательства, можно согласиться с Ю. В. Гаврилиным, который выделяет следующие признаки терроризма как социально-политического явления: 1) особо острые формы и методы террористической деятельности, в том числе применение насилия и устрашения; уничтожение (повреждение) имущества; создание опасных условий для жизни и здоровья людей; 2) направленность на достижение политических целей, на ослабление политических противников; 3) опосредованный способ достижения политического результата через совершение посягательств на жизнь и здоровье людей; 4) пропагандистский характер террористических акций; 5) повышенная общественная опасность [10, с. 6].

По мнению ряда авторов, отсутствие единого определения терроризма препятствует эффективной борьбе с данным опасным явлением.

На основании вышеизложенного, учитывая сущностные признаки терроризма (цель и средства), основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к его исследованию, мы предлагаем следующее определение:

Терроризм – это методы насильственной противоправной борьбы, представляющие опасность для государства и общества и совершаемые с целью оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными

организациями, сопряжённые с устрашением и посягательствами на жизнь и здоровье лиц, не имеющих отношения к конфликту.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Народным Советом 14.05.2014, с учётом изменений, внесённых Законами ДНР от 27.02.2015 № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 № 92-ИНС, от 29.12.2017 № 205-ИНС, от 30.11.2018 № 01-ИНС, от 06.03.2020 № 106-ИНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Большой энциклопедический словарь / И. К. Лапина [и др.]; под ред. И. К. Лапиной, Е. Н. Маталиной. – Москва: АСТ, Астрель, Харвест, 2008. – 1247 с.
3. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
4. Деев, С. Ю. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций: учебно-методический комплекс / С. Ю. Деев. – Элиста: ИКИАТ, 2018. – 106 с.
5. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: науч.-справ. изд. / авт.-сост. А. А. Варфоломеев, С. И. Грачев, А. О. Колобов и др.; под ред. О. А. Колобова. – Москва: Экслит, 2003. – 479 с.
6. Козодой, Т. С. К вопросу об определении понятия «Терроризм» / Т. С. Козодой // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – № 2(1). – С. 260–265.
7. О противодействии терроризму: Закон Донецкой Народной Республики от 15.05.2015 г. № 46-ИНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-protivodejstviyu-terrorizmu/> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
8. Канунникова, Н. Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия / Н. Г. Канунникова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3(29). – С. 135–141.
9. Нагоева, М. А. Терроризм как глобальная проблема современности / М. А. Нагоева / Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – С. 255–257.
10. Гаврилин, Ю. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: учебное пособие / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Смирнов. – Москва: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2007. – 66 с.

Поступила в редакцию 11.11.2021 г.

TO THE QUESTION ABOUT THE DEFINITION OF TERRORISM

The article reveals the content of the definition of terrorism, its main features are noted. The problem in the science of criminal law is the lack of a single definition of terrorism at the international level. Taking into account the main signs of terrorism, based on the analysis of approaches to its research formulated in the scientific literature, the definition of terrorism is proposed.

Keywords: terrorism, terror, signs of terrorism, etymology of terrorism, public danger.

Семыкина Людмила Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: semikina@donnu.ru

Semykina Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law and the process of Donetsk
National University

DPR, Donetsk

E-mail: semikina@donnu.ru

Ломакина Юлия Андреевна

Студентка юридического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: lomakina_yulia28@mail.ru

Lomakina Julia

Student Faculty of Law of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: lomakina_yulia28@mail.ru

УДК 341.231.4

Соловьёва Ю. А.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В статье обосновано, что международное сотрудничество государств в сфере борьбы с коррупцией являются важнейшим вопросом для современного международного сообщества в целом; проанализировано положения универсальных и региональных международных правовых актов, призванных обеспечить эффективность международно-правовой системы противодействия коррупции; подчеркнуто, что антикоррупционные конвенции требуют от государств-участников принимать законодательные, административные и другие эффективные меры на национальном уровне для содействия искоренению коррупции, а также предусматривают механизмы международного сотрудничества в данной сфере; освещены основные аспекты деятельности Международной организации уголовной полиции в сфере борьбы с обозначенным видом преступления.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; международное сотрудничество; Организация Объединенных Наций; Интерпол; Европейский Союз; Содружество Независимых Государств.

Коррупция представляет собой сложный, социально-экономический и политический феномен, который влечет за собой негативные последствия, как для ключевых прав человека, так и для механизма функционирования государства, поскольку создает реальную угрозу национальной безопасности и демократическому развитию страны. К сожалению, это негативное явление присутствует во всех без исключения странах мира и с каждым годом наблюдается «стагнация» показателей коррупции практически в каждом государстве, что отмечается международной неправительственной организацией Transparency International, которая каждый год публикует отчет «Индекс восприятия коррупции» [1]. Кроме того коррупция является «проблемой», носящей не только внутренний, но и международный (транснациональный) характер. В связи с чем, международным сообществом взято курс на разработку и усовершенствование форм и методов борьбы с этим правонарушением на уровне межгосударственного сотрудничества.

Рассмотрению вопросов борьбы с коррупцией, как на национальном, так и на международном уровне, определенное внимание уделено в работах В. В. Агильдина, Д. П. Алымовой, А. Н. Игнатова, К. В. Смирнова и пр. Однако, неутешительно высокий уровень коррупции во многих государствах

© Соловьёва Ю. А., 2022

мира, в том числе и в Российской Федерации (далее – РФ), а также сложный и комплексный характер проблемы искоренения коррупции обуславливают актуальность дальнейших научных исследований в данном направлении.

В связи с обозначенным целью данного исследования является анализ положений международных правовых актов, призванных обеспечить эффективность международного сотрудничества государств в сфере борьбы с коррупцией. И в этом контексте, прежде всего, необходимо отметить, что в теории международных отношений выделяют такие виды международного сотрудничества: переговоры, предметом которых является распределение выгод государств от их взаимодействия; согласование политики, достигнутое в результате обсуждения (договоры и соглашения); навязанное сотрудничество, при котором «более сильная» сторона заставляет другую корректировать ее политику, но одновременно корректирует и свою собственную; создание специализированных институтов, содействующих развитию сотрудничества [2, с. 107].

Предметом международного сотрудничества государств являются наиболее острые и глобальные проблемы, стоящие перед всем международным сообществом. Естественно, что коррупция является одной из таких проблем, в связи с чем борьба с этим правонарушением является постоянным предметом обсуждения «на полях» международных саммитов и конференций.

Безапелляционно, что в настоящее время стратегические задачи международного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией реализуются в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН), поскольку эта функция закреплена в ст. 1 Устава ООН [3].

Непосредственная реализация функции по совершенствованию международных действий в борьбе с национальной и транснациональной преступностью вообще и коррупцией в частности, возложена на Комиссию по предупреждению преступности и уголовному правосудию ООН, которая входит в состав Экономического и Социального Совета ООН. При этом основной формой такой работы являются конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, которые созываются каждые пять лет (в соответствии с резолюцией 415 (V) Генеральной Ассамблеи ООН [4]).

По этому поводу Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш отметил, что конгресс – это крупнейший в мире форум представителей правительств, гражданского общества, академических кругов и экспертов в области уголовного правосудия. Такие встречи способствуют укреплению международного сотрудничества в борьбе с всемирной угрозой транснациональной организованной преступности [5]. На этих съездах проводится осмысление и анализ проблем предотвращения коррупции, осуществляются разработки соответствующих механизмов противодействия этому деструктивному явлению.

Не имея возможности в рамках данного исследования остановиться на анализе положений всех конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, отдельно хотелось бы отметить итоги восьмого по счету конгресса (г. Гавана в 1990 г.), результатами проведения которого стало принятие 35 резолюций, включая резолюцию «Коррупция в сфере государственного управления», в рамках которой было подготовлено руководство «Практические меры борьбы с коррупцией». Указанным документом рекомендовано каждому государству подвергнуть анализу эффективность материальных и процессуальных норм национальных законодательств в уголовно-правовой сфере на предмет наличия в них «адекватных» критериев определения коррупционных деяний и санкций, установленных за совершение правонарушения «коррупция». Кроме того в рамках данного руководящего положения всем странам рекомендовано провести разработку превентивных мер для предотвращения коррупционных правонарушений. Важно также заметить, что в данном документе содержится регламентация процедуры привлечения к ответственности лиц, совершивших коррупционное деяние, требование закрепить на уровне национального законодательства правил, предполагающих конфискацию имущества, приобретенного в результате коррупционных деяний [6].

Важным событием относительно консолидации сил мирового сообщества в противодействии коррупции в деятельности ООН можно также считать четырнадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному преследованию (г. Киото, 7–12 марта 2021 г.) [7], на котором были рассмотрены вопросы совершенствования стратегии предупреждения коррупции в интересах социально-экономического развития. Так, в рамках данного конгресса повестками «Всеобъемлющие стратегии предупреждения преступности в интересах социально-экономического развития» и «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня на период до 2030 года» были рассмотрены вопросы предупреждения преступности (особенно коррупции) в контексте социально-экономического развития; подчеркивалась необходимость применения комплексных стратегий в сфере профилактики коррупции и важность научно обоснованных подходов в этом направлении; освещались меры, принимаемые государствами – членами ООН с целью предупреждения и уменьшения масштабов преступности (в том числе коррупции).

Продолжая рассмотрение вопросов деятельности международных организаций в сфере противодействия коррупции, некоторое внимание хотелось бы уделить функционированию Международной организации уголовной полиции (далее – Интерпол) в указанной сфере. Так, сегодня сотрудниками Интерпола для противодействия коррупции проводятся такие мероприятия:

1) методическая и практическая помощь в розыске имущества, полученного (приобретенного) в результате совершения преступных деяний (осуществление проверок деклараций государственных служащих, относительно которых есть обоснованные подозрения в совершении коррупции);

2) информационное сопровождение обращений, связанных с расследованием должностных преступлений, включая запросы на проверку лиц, косвенно причастных к коррупции;

3) международный розыск обвиняемых, осужденных лиц за совершение преступлений (в том числе и коррупционной направленности), а также оперативно-розыскные мероприятия по установлению и задержанию лиц, разыскиваемых по каналам Интерпола;

4) проверки по национальным учетам правоохранительных органов государств, сбор дополнительных сведений в отношении подозреваемых, обвиняемых, и осужденных в совершении преступлений (в том числе и коррупционных);

5) совместно Интерполом, ООН и Всемирным банком создано базу данных «Старинициатива», в которой содержатся сведения о физических и юридических лицах, когда-либо попадавших в поле зрения одной из перечисленных организаций (совершающие сомнительные денежные операции, уже подозревавшиеся в коррупции и пр.) [8, с. 120].

Также с целью укрепления международной безопасности по инициативе Интерпола и ООН было создано Международную антикоррупционную академию [9, с. 60], которая в 2011 г. получила статус полноформатной международной организации. При этом перед Академией поставлено цель создания на основе набираемого научно-исследовательского потенциала центра по подготовке профессиональных кадров в сфере борьбы с коррупцией для различных стран и международных организаций, включая структурные подразделения ООН и Европейского Союза (далее – ЕС).

Важно также заметить, что с 1998 г. Национальное центральное бюро Интерпола Министерства внутренних дел РФ является участником проекта Генерального секретариата Интерпола «Миллениум» (борьба с трансевразийской организованной преступностью).

В 2009 г. в рамках указанного проекта «Миллениум» было создано подпроект «Воры в законе», в котором в настоящее время имеются сведения более чем о 462 так называемых «ворах в законе», активно действующих в РФ, государствах ближнего и дальнего зарубежья. Данные сведения передаются в Генеральный секретариат Интерпола для обеспечения доступа к ним другим странам – участникам данного проекта [8, с. 121].

Что касается регламентации вопросов борьбы с коррупцией на региональном уровне, то хотелось бы позитивно отметить активное участие

ЕС в разработке актов в этой сфере правоотношений. Так, Конвенция ЕС о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие Европейских сообществ или служащие государств-членов Европейского Союза от 26 мая 1997 г. [10] стала первым региональным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы борьбы с коррупцией среди должностных лиц и криминализирующим трансграничное взяточничество. В данной конвенции закреплено основные юридические средства и методы, направленные на повышение эффективности в борьбе с данным преступлением. Особенностью акта является положения об уголовной ответственности руководителей корпораций и принципа *nebisinidem* (никто не должен дважды нести наказание за одно и то же преступление) [11, с. 30].

Таким образом, предметной сферой регулирования Конвенции о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие Европейских сообществ или служащие государств-членов Европейского Союза является публичный сектор. В тоже время, осознавая тот факт, что субъектами коррупционных деяний могут также быть, например, иностранные публичные должностные лица, международные гражданские служащие, руководители коммерческих структур и пр., в рамках ЕС было разработано и принято Страсбургскую конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г., предметом регулирования которой являются гражданско-правовые материальные и процессуальные отношения по вопросам возмещения ущерба, причиненного фактом коррупции [12] и Рамочное решение Совета ЕС «О борьбе с коррупцией в частном секторе» (№ 2003/568/ПВД от 22 июля 2003 г.) [13], целью которого является гармонизация и унификация законодательства стран – участниц ЕС.

В контексте исследуемого вопроса интересным представляется также опыт международного сотрудничества государств в сфере борьбы с коррупцией в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Так, в ст. 5 Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 г. непосредственно закреплены определенные формы осуществления такого сотрудничества, а именно:

1) обмен статистической, научно-методической и иной информацией в сфере борьбы с коррупцией, в том числе по таким вопросам: практика законодательного и иного нормативно-правового регулирования вопросов борьбы с коррупцией, практика работы органов прокуратуры в сфере борьбы с коррупцией, совершенные преступления коррупционной направленности (в том числе имеющие транснациональный характер);

2) разработка и принятие согласованных мер в целях повышения эффективности прокурорского реагирования на нарушения законодательства в сфере борьбы с коррупцией;

3) проведение совместных проверок заявлений, сообщений и иной информации о коррупционных деяниях, имеющих транснациональный характер;

4) оказание содействия в проведении проверок заявлений, сообщений и иной информации о коррупционных деяниях;

5) обмен опытом по вопросам противодействия и борьбы с коррупцией, включая подготовку научно-методических рекомендаций, проведение семинаров, научно-практических конференций;

6) подготовка и повышение квалификации сотрудников органов прокуратуры;

7) проведение совместных научных исследований в сфере борьбы с коррупцией [14].

В соответствии с указанным Соглашением сотрудничество может осуществляться как непосредственно, так и через Секретариат Координационного совета генеральных прокуроров государств СНГ.

Важно также отметить, что признавая коррупцию глобальной проблемой мирового сообщества, странами СНГ принимается Модельный закон СНГ «О борьбе с коррупцией» от 3 апреля 1999 г. [15], являющийся по сути первым актом, регулирующим вопросы противодействия коррупции в обозначенном регионе. Его положениями вводится ответственность руководителей государственных органов за непринятие мер по борьбе с коррупцией, которая может быть в виде штрафа, налагаемого судом в административном порядке, а в случае повторного совершения указанного вида правонарушения – в виде дисциплинарных мер (увольнение или иное освобождение от занимаемой должности).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, формирование и развитие международного антикоррупционного законодательства сегодня осуществляется как на глобальном, так и на региональном уровнях. Во-вторых, консолидации усилий государств по борьбе с коррупцией способствует проведение конгрессов ООН, на которых проводится анализ проблем предотвращения коррупции, осуществляются разработки соответствующих механизмов противодействия этому деструктивному явлению, а также разрабатываются модельные законы, содержащие нормативные рекомендации и варианты возможных правовых решений по вопросам противодействия и борьбы с коррупцией. В-третьих, действенными «практическими» формами международного сотрудничества в борьбе с коррупцией можно считать следующие: установление механизмов обмена информацией о готовящихся либо совершенных коррупционных правонарушениях; организация межгосударственных тренингов, направленных на обмен опытом работниками правоохранительных органов по раскрытию и расследованию коррупционных преступлений; оказание правовой помощи по

расследованию коррупционных преступлений (в рамках заключенных двусторонних соглашений о взаимодействии в указанной сфере правоотношений) и пр.

Список источников

1. Рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции / Сайт «Гуманитарный портал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
2. Мунтян, М. А. Основы теории международных отношений: учебное пособие / М. А. Мунтян. – М., 2007. – 270 с.
3. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. / Сайт «Организация Объединенных Наций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
4. Доклад шестого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1980 г. № 35/171 // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123823/> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
5. Глава ООН призвал обеспечить правовую защиту людей в киберпространстве // Сайт «Организация Объединенных Наций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/03/1398122> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
6. Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (г. Гавана, 27 августа–7 сентября 1990 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress//Previous_Congresses/8th_Congress_1990/028_ACONF.144.28.Rev.1_Report_Eighth_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
7. Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Декларация ООН (г. Киото, 1 марта 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress//About/information/65-years-brochure_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
8. Тохтарбаева, С. М. Роль Интерпола в международном противодействии коррупции / С. М. Тохтарбаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2(63). – С. 120–123.
9. Сотников, К. И. Некоторые аспекты антикоррупционного образования и практики противодействия коррупции / К. И. Сотников // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 декабря 2015 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 60–65.
10. Конвенция Совета Европейского Союза от 26 мая 1997 г., принятая на основании Статьи К.3(2)(с) Договора о Европейском Союзе, о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие Европейских сообществ или служащие государств-членов Европейского Союза / Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70558260/> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
11. Алексеева, Е. В. Анализ международного опыта противодействия коррупции в таможенных органах: практика стран Европейского Союза / Е. В. Алексеева // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 5(40). – С. 30–33.

12. О гражданско-правовой ответственности за коррупцию: Конвенция Совета Европы (ETS № 174) заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007f58d> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
13. О борьбе с коррупцией в частном секторе: Рамочное решение Совета Европейского Союза № 2003/568/ПВД от 22 июля 2003 г. // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2568278/> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
14. Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией, вступившее в силу 25 апреля 2007 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552253639> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.
15. О борьбе с коррупцией: Модельный закон Содружества Независимых Государств от 3 апреля 1999 г. // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2568278/> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 24.05.2022 г.

INTERNATIONAL COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION

The article substantiates that the international cooperation of states in the field of combating corruption is the most important issue for the modern international community as a whole; analyzes the provisions of universal and regional international legal acts designed to ensure the effectiveness of the international legal system for combating corruption; it is emphasized that the anti-corruption conventions require the member states to take legislative, administrative or other effective measures at the national level to promote the eradication of corruption, and also provide for mechanisms for international cooperation in this area; highlights the main aspects of the activities of the International Criminal Police Organization in the field of combating the designated type of crime.

Keywords: corruption; anti-corruption; the international cooperation; United Nations; Interpol; European Union; Commonwealth of Independent States.

Соловьёва Юлия Александровна
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: ju.solovyova@donnu.ru

Solovyova Julia
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: ju.solovyova@donnu.ru

УДК 341.1/.8

Соловьёва Ю. А.
Лозовой Я. Э.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В статье проанализировано коллективные механизмы обеспечения международной безопасности в рамках Организации Объединенных Наций, а именно: введение различного рода экономических и политических санкций; превентивная дипломатия; миротворческие операции; операции по поддержанию и укреплению мира. Авторами также поддается критике эффективность таких механизмов в ситуациях, создающих «угрозы мира» и «нарушающих мир».

Ключевые слова: безопасность; международная безопасность; экономические санкции; превентивная дипломатия; миротворчество; поддержание мира; постконфликтное строительство мирового порядка.

Второго февраля 2011 года Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (далее – ООН) Пан Ги Муном в Оксфордском университете было прочитано лекцию памяти Сирила Фостера на тему «Защита людей и Организация Объединенных Наций в XXI веке». Он отметил, что «отцы-основатели ООН понимали, что суверенитет налагает обязательства, а именно обязательства по обеспечению защиты людей от нужды, войны и репрессий. Когда эти обязательства не выполняются, моральный долг международного сообщества состоит в том, чтобы рассмотреть вопрос о выполнении своей обязанности в отношении принятия мер в интересах защиты людей» [1]. По этому поводу Генри Киссинджер отметил, что «предположение о том, что все страны будут применять одни и те же критерии при выявлении нарушений мира и будут готовы действовать сообща в целях их устранения, не подтверждается историческим опытом... Механизмы коллективной безопасности многократно показывали свою неэффективность в ситуациях, создающих наиболее серьезные угрозы международному миру и безопасности» [1].

Рассмотрению вопросов обеспечения международной безопасности, в том числе в рамках ООН, определенное внимание уделено в работах Н. Н. Емельяновой, П. Г. Зверева, И. И. Игнатьевой, С. М. Иншакова,

В. М. Кулагина, И. А. Орловой, Г. И. Тункина и пр. Однако, несмотря на значительное количество научных работы в указанной сфере правоотношений, в настоящее время ощущается нехватка исследований, которые бы учли новые тенденции в развитии международного права.

В связи с обозначенным целью данного исследования является анализ коллективных механизмов обеспечения международной безопасности в рамках ООН, а также установление меры их эффективности.

Так, коллективная безопасность является системой совместных действий государств мира или определенного региона для предотвращения угроз миру, подавления агрессии и пр. Воспринимая систему коллективной безопасности через призму эффективности, следует признать следующее:

- коллективная безопасность повышает возможность того, что агрессор столкнется с коалицией государств, обладающих превосходящей мощью;

- коллективная безопасность создает организации, которые сами по себе будут способствовать созданию условий, благоприятных для сохранения мира: путем предоставления информации, «полезной» для сокращения обеспокоенности по отношению к экспансионистским намерениям других государств, а также путем создания международных форумов по обмену идеями и укреплению общих ценностей;

- коллективная безопасность способствует регламентированию дилемм безопасности (государства нуждаются в меньшем наступательном потенциале в связи с тем, что все участники коллективной безопасности вносят свой наступательный вклад в победу над агрессором) [2, с. 34–35].

Коллективная безопасность является базовым элементом в деятельности ООН, закрепленном в Уставе ООН [3], где в ст. 1 определено, что целью деятельности этой международной организации является поддержание международного мира и безопасности. Для достижения указанной цели ООН должна принимать эффективные коллективные меры для недопущения и устранения угрозы миру, предотвращения и подавления актов агрессии или других нарушений мира и осуществлять мирными средствами в соответствии с основополагающими принципами международного права улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира. В связи с чем, в науке международного права сложилось убеждение, что ООН стала одним из центральных институтов, на которую возложена задача реализации политики безопасности в мире, поскольку система ООН задействована в решении широкого круга вопросов международной политики. Рассмотрение обеспечения коллективной безопасности вызвано тем, что она обеспечивает основу функционирования ООН и международных организаций как стержня современной системы международных отношений, в целом, и многостороннего сотрудничества в том числе.

Устав ООН определяет наличие двух механизмов обеспечения международного мира и безопасности: оба базируются на Совете Безопасности ООН (далее – СБ ООН, Совет) как институциональном механизме решения этих вопросов. Глава VI предусматривает «Мирное разрешение споров» и допускает привлечение СБ ООН к урегулированию любого спора, который рассматривается как угроза миру, так и для расследований, арбитража и решения проблем. Глава VII «Действия как ответ на угрозы мира, нарушение мира и акты агрессии» предоставляет СБ ООН полномочия определять угрозу нарушению мира и определять наказание за его нарушение, принимать ли дипломатические меры или экономические санкции или применение силы для его сохранения [3].

Не акцентируя внимание на механизмах мирного разрешения международных споров, отметим только, что к перечню средств, которыми государства обязаны разрешать международные споры согласно современному международному праву, ст. 33 Устава ООН [3] относит переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям и пр. (по своему выбору). К «иным мирным средствам по своему выбору» (дополняющим вышеперечисленные) доктриной международного права отнесено средства, не противоречащие базисным принципам международного права и которые спорящие стороны выбирают по взаимному согласию. Указанные средства мирного разрешения международных споров можно систематизировать следующим образом: 1) юридические средства (обращение в международные арбитражи и суды); 2) дипломатические средства (все иные) [4, с. 134].

Поднимая вопрос о коллективных механизмах обеспечения международной безопасности в рамках ООН, прежде всего внимание хотелось бы уделить такому механизму как наложение различного рода экономических и политических санкций. Так, экономические санкции могут быть определены как ограничительные меры экономического характера, применяемые страной или группой стран другой стране или группе стран с целью заставить правительства этих стран изменить свою политику. По форме экономические санкции могут быть полными, то есть блокировать всю торговлю с «подсанкционными» странами, отраслевыми – затрагивающими определенные отрасли (секторы) экономики, или целевыми, то есть ограничивающими операции с отдельными лицами или компаниями, включая запрет на передвижение отдельных физических лиц, «заморозку» их активов, ограничение финансовых операций таких лиц и т.д.

В международно-правовых актах нет конкретного и исчерпывающего перечня экономических санкций, поскольку каждый случай их применения является частным и требует индивидуального рассмотрения. Равно как и в

Уставе ООН не закреплено понятий «экономические санкции» или «эмбарго», но в то же время в ст. 41 Устава ООН [2] упоминается «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений», что в целом отвечает распространенным представлением о санкциях.

В своей крайней форме санкции предполагают полный или частичный запрет экономических отношений с государством-правонарушителем. В таком случае принято употреблять понятие «эмбарго». В менее жестком виде экономические санкции могут принимать форму отмены режима наибольшего благоприятствования, торговых преференций, запретов на предоставление кредитов или ухудшения условий кредитования, торговли и т.п.

Например, Резолюцией СБ ООН от 31 июля 2006 г. № 1696 [5] вводились экономические санкции против Исламской Республики Иран, что стало реакцией международного сообщества на ядерные исследования Тегерана, вызвавшие серьезные опасения, и которые должны были ликвидировать возникшую в регионе серьезную угрозу режиму Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. В частности, экономические санкции ограничивали непосредственные поставки материалов и технологий для иранской ядерной программы, касались финансовых активов физических и юридических лиц, которые были связаны с ядерной или ракетной программами Тегерана. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, действия СБ ООН не дали ожидаемого эффекта.

И действительно, последствия применения экономических санкций достаточно разнообразны и непредсказуемы, и предвидеть эффект от их введения заранее весьма сложно. Так, принятие Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН) резолюции от 18 мая 1951 г. о полном эмбарго на торговлю с КНР в связи с войной в Корее заставило Гонконг срочно искать новые рынки сбыта продукции (ими стали страны Юго-Восточной Азии), послужив, таким образом, толчком для развития в Гонконге местного производства и экономического роста.

Хотелось бы также отметить, что соответствии с п. 2-3 ст. 27 Устава ООН [2] решения СБ ООН по процедурным вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета. Решения СБ ООН по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона принимающая участие в споре, должна воздержаться от голосования (правило единогласия). Такое правило единогласия приводит к беспомощности СБ ООН в урегулировании споров, участниками которых являются ее постоянные члены.

К тому же анализ случаев применения СБ ООН санкций против государств показал их слабую эффективность. Так в докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана значилось: «Когда жесткие и всеобъемлющие экономические санкции применяются против авторитарных режимов, возникает другая проблема. В этом случае обычно страдают простые люди, а не политическая элита, поведение которой спровоцировало введение санкций» [6]. Поэтому на сегодняшний день ООН применяются «адресные» санкции, вводимые в отношении конкретных адресатов (должностных лиц, политиков, военнослужащих и т.д.). Кроме того открытым остается вопрос нанесения экономического ущерба третьим государствам в результате выполнения ими санкций СБ ООН.

Таким образом, санкции можно рассматривать как мощный инструмент воздействия на правонарушителя. Их введение влияет на население и особенно субъектов хозяйствования государства, подвергающегося санкциям, и на его отношения с другими странами. Поэтому введение санкций должно быть крайней мерой. В то же время проведенный анализ свидетельствует о неоднозначности экономических последствий введения санкций и заставляет еще раз задуматься о действенности экономических рычагов влияния для решения «неэкономических» по своей природе задач.

Следовательно, экономические санкции СБ ООН являются важным политическим механизмом решения вопросов угрозы миру или безопасности человечества. Санкции СБ ООН имеют три основные цели: изменить поведение государства или конкретного лица, на которое они направлены; ограничить участие целевого государства или лица в запрещенной деятельности; сигнализировать целевому государству или лицу о нарушении международного права. Для эффективного достижения указанных целей санкции должны быть пропорциональны совершенному нарушению и цели. СБ ООН наделен широкими дискреционными полномочиями по определению, что угрожает миру и безопасности человечества, что является актом агрессии. При этом СБ ООН вправе принимать необходимые решения, обязательные не только в отношении членов ООН, но и в отношении государств, не являющихся членами этой международной организации. Это положение Устава ООН подчеркивает особую роль СБ ООН в урегулировании международных отношений. Однако вышеназванные проблемы могут отрицательно влиять на эффективность санкций, поэтому нуждаются в исследовании и решении.

Продолжая рассмотрение вопроса о коллективных механизмах обеспечения международной безопасности в рамках ООН, хотелось бы отметить, что в докладе Генерального секретаря ООН «Повестка дня для мира» 1992 г. была закреплена Концепция международной безопасности [7, с. 78]. Данная Концепция была разработана с учетом изменений, которые

произошли в международных отношениях (после распада СССР и падения «железного занавеса») и накопленного опыта ООН, она «толкует» положения Устава ООН и основывается на главной роли ООН в предотвращении и урегулировании современных конфликтов.

Комплексная роль ООН в сфере поддержания мира и безопасности согласно этой Концепции должна реализовываться с помощью четырех видов деятельности, а именно:

1. Превентивная дипломатия представляет собой действия, направленные на предупреждение возникновения международных споров, недопущение их перерастания в конфликты, а также ограничение масштабов конфликтов (если они возникли).

Заметим, что понятие «превентивная дипломатия» широко вошло в мировую практику именно после опубликования доклада Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали [7, с. 78]. В докладе особо подчеркивалось, что наиболее действенным способом превентивной дипломатии является применение ее методов на ранних стадиях конфликта. Генеральный секретарь ООН отмечал, что споры между государствами должны и дальше решаться с помощью устоявшихся средств, а именно путем переговоров, оказания добрых услуг, посредничества, обследования, арбитража, судебного разбирательства и т.д.

Генеральный секретарь ООН определил также ряд дополнительных инструментов, присущих именно превентивной дипломатии: 1) установление доверия; 2) базирующееся раннее предупреждение на собрании и анализе информации; 3) установление фактов (официальным и неофициальным путем); 4) превентивное развертывание; 5) образование демилитаризованных зон.

2. Миротворчество охватывающие весь спектр действий ООН, направленных на урегулирование ситуаций, угрожающих международному миру и безопасности, главным образом посредством мирных средств, предусмотренных в гл. VI Устава ООН [3].

Важно заметить, что изначально ООН проводились гуманитарные интервенции, первая из которых была уполномочена СБ ООН в Бельгийском Конго в 1960 г. и превратилась в настоящую катастрофу для ООН – политическую и финансовую. Силы ООН провели четыре года в Конго без четкого мандата на деятельность. Более того, ООН оказалась не в состоянии собрать средства, чтобы покрыть расходы на операции. Интервенция оказалась настолько неудачной, что следующие 30 лет СБ ООН не принимал решений о проведении никаких интервенций. Последующая операция была ответом на вступление Иракских войск в Кувейт в 1990 г. Она стала возможной в конце «холодной войны» и отличалась от операции в Конго тем, что существовала четкая и достижимая цель – вывести войска Ирака из

Кувейта, а также были налицо значительные силы и средства для этого. Именно между поражением в Конго и победой в Кувейте, СБ ООН был создан новый механизм обеспечения интернационального мира, а конкретно поддержание мира. Он осуществлялся СБ ООН на протяжении многих лет и стал уже показателем ее действенности.

Операции по поддержанию мира осуществляются вооруженными силами ООН с целью создания буферной зоны между воюющими сторонами для прекращения огня между ними. С помощью этого механизма СБ ООН вносит вклад в обеспечение международного мира и безопасности, не определяя какая сторона была нарушителем мира, что, в свою очередь, нивелирует моральную сторону вопроса. Операция по поддержанию мира как миссия впервые была применена во время Суэцкого кризиса 1956 г. Именно во время этого кризиса был применен механизм, который впервые был предложен канадским министром иностранных дел Лестером Персоном, получившим за это позже Нобелевскую Премию. Его концепция позволила СБ ООН «играть менее амбициозную, но в то же время полезную роль в разрешении международных споров». По состоянию на 2004 г. ООН провела 16 таких операций. В этих миссиях было задействовано примерно 60 тыс. человек, и на них израсходовано 3 миллиарда долларов ежегодно [2, с. 37].

3. Поддержание мира – это обеспечение присутствия ООН в конкретном регионе с согласия всех заинтересованных сторон, как правило, с развертыванием военного и (или) полицейского персонала ООН, а также с привлечением гражданского персонала. Поддержание мира как средство расширяет возможности и в плане предотвращения конфликтов, и в плане миротворчества. Основные условия «успеха» поддержания мира: четкий мандат; сотрудничество сторон при выполнении этого мандата; поддержка со стороны СБ ООН; готовность государств предоставлять необходимый персонал; надлежащая финансовая и материально-техническая поддержка.

Подняв вопрос об «операциях по поддержанию к миру» ООН, хотелось бы отметить, что развертывание таких операций осуществляется на основе мандатов, предоставленных СБ ООН. Каждая операция ООН по поддержанию мира имеет свои особенности, задачи, возлагаемые на миротворцев СБ ООН, но они схожи между собой. В зависимости от мандата операции по поддержанию мира могут решать следующие задачи: развертывание сил для предотвращения конфликта либо минимизации его негативных последствий; решение постконфликтных «проблем»; содействие в реализации положений мирных соглашений; оказание помощи странам (территориям) в преодолении переходного периода для стабилизации политической и экономической ситуации [8].

4. Постконфликтное строительство мирового порядка – это действия по выявлению и поддержанию структур, которые будут способствовать

укреплению мира с целью предотвращения рецидива конфликта. Эта деятельность направлена на предотвращение повторных вспышек насилия и может включать разоружение сторон и восстановление порядка, уничтожение оружия, репатриацию беженцев, консультации для персонала из безопасности, содействие соблюдению прав человека, реформы или укрепления правительственных учреждений [9, с. 138].

Эта новая миссия СБ ООН, которая была внедрена после завершения «холодной войны», когда силы ООН занимаются обустройством пострадавших территорий и местоположений органов самоуправления. Это в основном превентивный механизм, чем силовой. Такие миссии ООН добились значительного успеха в стабилизации ситуации во многих странах мира от Восточного Тимора и Сьерра-Леоне до Гондураса [2, с. 37].

Заметим, что в декабре 2005 года рекомендации, изложенные в докладе «Повестка дня для мира», одновременно приняли СБ ООН (резолюция 1645) и ГА ООН (резолюция 60/180). В итоге были созданы три базирующиеся в Нью-Йорке структуры: Комиссия по миростроительству, Фонд миростроительства и Управление по поддержке миростроительства. Они были призваны заполнить, по словам Генерального секретаря, «зияющую пустоту» в институциональном и структурном потенциале Организации с тем, чтобы помочь странам, которые находятся на этапе перехода от конфликта с применением насилия к устойчивому миру [10]. При этом, выполняя функцию правительственного консультативного органа, основной целью деятельности Комиссии по миростроительству стала выработка рекомендации по восстановлению и дальнейшему развитию стран, которые пережили «затяжной кризис».

В тоже время, анализ эффективности деятельности данных структур показал, что «надежды, порожденные резолюциями, так и не нашли своего практического воплощения». В связи с чем возникла необходимость подготовки практических рекомендаций, целью которых стала разработка механизмов усовершенствования деятельности Комиссии по миростроительству, Фонда миростроительства и Управления по поддержке миростроительства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что коллективные механизмы обеспечения международной безопасности в рамках ООН сегодня реализуются путем введения различного рода экономических и политических санкций; превентивной дипломатии; миротворческих операций; операций по поддержанию и укреплению мира. В тоже время, не опровергая тот факт, что ООН проделано большой массив работы по обеспечению международной безопасности, сегодня актуальным остается вопрос об эффективности механизмов реагирования на «угрозы мира и нарушения мира», в частности: процедура принятия решений в СБ

ООН (право вето); неоднозначность экономических последствий для государства после введения экономических санкций; применение гуманитарных интервенций, «ущемляющих» суверенитет государства; низкая результативность ряда миротворческих миссий и пр.

Список источников

1. Новое международное право в области защиты и безопасности / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21998> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Кучик, О. С. Механізми та форми реалізації колективної безпеки у діяльності міжнародних організацій / О. С. Кучик // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – Вип. 99 (Ч. II). – 2011. – С. 34–39.
3. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
4. Емельянова, Н. Н. Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности / Н. Н. Емельянова // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 130–140.
5. Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на его 5500-м заседании 31 июля 2006 года / Официальный сайт Международного агентства по атомной энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_res1696-2006_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
6. Доклад Генерального Секретаря ООН «Мы народы: роль ООН в XXI веке». Нью-Йорк, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/55/1\(SUPP\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/55/1(SUPP)) (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
7. Бутрос-Гали, Б. Повестка дня для мира / Б. Бутрос-Гали. – 2-е изд. – Нью-Йорк, 1995. – 208 с.
8. Мандаты и правовые основы для миротворческой деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://peacekeeping.un.org/ru/mandates-and-legal-basis-peacekeeping>. (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
9. Повович, Г. Міжнародна безпека як глобальна проблема сучасності / Г. Попович // Міжнародний науковий вісник. – Вип. 2(22). – 2020. – С. 133–141.
10. Трефилова, Ю. Трансформация концепции постконфликтного миростроительства ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2229> (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

COLLECTIVE MECHANISMS FOR ENSURING INTERNATIONAL SECURITY WITHIN THE UNITED NATIONS

The article analyzes the collective mechanisms for ensuring international security within the framework of the United Nations, namely: the introduction of various kinds of economic and political sanctions; preventive diplomacy; peacekeeping operations; peacekeeping and

strengthening operations. The authors also lend themselves to criticism of the effectiveness of such mechanisms in situations that create «threats to peace» and «disturb the peace».

Keywords: safety; international security; economic sanctions; preventive diplomacy; peacekeeping; keeping the peace; post-conflict building of the world order.

Соловьёва Юлия Александровна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: ju.solovyova@donnu.ru

Solovyova Julia

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: ju.solovyova@donnu.ru

Лозовой Ян Эдуардович

Студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: dog2008-2009@mail.ru

Lozovoy Yan

Student Faculty of Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: dog2008-2009@mail.ru

УДК 342.26

Степанова Ю. С.
Слизовский В. А.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗА

В работе проанализированы основные процессы, оказывающие влияние на трансформацию форм государственного устройства современных стран. Были рассмотрены как внутригосударственные, так и внешнегосударственные (межгосударственные) политико-правовые трансформаторы.

Ключевые слова: форма государственного устройства, трансформация, федерализация, регионализм, глобализация, регионализация, ирредентизм, сепаратизм, сецессия, аннексия, оккупация, фузия.

Государственное устройство современных стран довольно динамично, что связано, по нашему мнению, прежде всего, с особенностями протекания процессов государствогенеза. На протяжении всего XX и начала XXI веков (с 1945 г., на момент создания Организации объединенных наций (далее – ООН), количество государств на политической карте мира изменилось с пятидесяти одного до ста девяносто трех, увеличившись, таким образом, за семьдесят семь лет приблизительно в четыре раза) [1]. В прошлом веке наметились устойчивые тенденции трансформации форм государственного устройства, что нашло свое отражение в трудах ученых-государствоведов в виде особых процессов, которые описывают изменения форм государственного устройства в политико-правовом пространстве.

Вопросы характеристики процессов, оказывающих влияние на трансформацию форм государственного устройства, были затронуты в работах таких ученых: Гридин Л. Е., Кириленко В. П., Чиркин В. Е., Спиридонов Л. И., Дергачев В. А., Аброськина Е. В., Ившина И. Н., Васильева Н. И. и в других.

Цель исследования заключается в комплексном анализе процессов, оказывающих влияние на трансформацию форм государственного устройства на современном этапе государствогенеза.

Предметом исследования выступают процессы трансформации форм государственного устройства.

В первую очередь считаем необходимым обозначить, что следует понимать под понятием «процессы трансформации форм государственного устройства». *Процесс трансформации форм государственного устройства* – это политико-правовое явление, которое тем или иным образом влияет на изменение формы государственного устройства (например, трансформация унитарного государства в федеративное или распад федеративного государства на несколько унитарных, объединение нескольких унитарных государств в федеративное или конфедеративное образование и тому подобное). *К подобным политико-правовым процессам на современном этапе государствовождения относятся:* регионализм, федерализация, регионализация, глобализация, ирредентизм (внутригосударственный и межгосударственный), сепаратизм, сецессия, аннексия, оккупация, фузия (рис. 1).



Рис. 1. Процессы трансформации форм государственного устройства

Все вышеуказанные процессы способны привести к изменению формы государственного устройства и их можно классифицировать по различным критериям (признакам, основаниям), например: по значимости процесса на современном этапе государствовождения (основные/первостепенные и

факультативные/второстепенные), по радикальности процесса (радикальные и латентные), по направленности процесса (внутригосударственные / внутринациональные и внешнегосударственные/межгосударственные), по сферам общественного влияния или же воздействия (военно-политические, социально-политические и политико-правовые процессы) и по другим критериям, в зависимости от видения и позиции ученого, рассматривающего проблемы трансформации форм государственного устройства. Перечень процессов-трансформаторов и критериев их классификации не является исчерпывающим, поскольку государственно-правовая реальность не стоит на месте и страны могут менять свое государственное устройство в угоду совершенствования модели управления административно-территориальными единицами в современных условиях или по иным *причинам* (реформы, революции, государственные перевороты, войны, внешняя агрессия и другие военные, социально- и политико-правовые процессы).

Рассмотрим детально каждый процесс в отдельности. Будет иметь смысл последовательный переход в исследовании от рассмотрения внутригосударственных к внешнегосударственным (межгосударственным) процессам, поскольку авторы считают именно эту градацию наиболее значимой в разграничении типов трансформаторов форм государственного устройства.

На *внутригосударственном уровне* необходимо выделять *два основных процесса*, которые влияют на трансформацию форм государственного устройства: *регионализм и федерализация* [2, с. 216]. Вместе с тем существует *ряд иных, менее значимых*, однако также проявляющих себя *процессов*, протекающих в политико-правовом пространстве, которые влияют на трансформацию форм государственного устройства: *внутригосударственный ирредентизм, сепаратизм, сецессия*.

Под *регионализмом* понимают: процессы требования автономии в унитарных государствах; организацию централизованной власти государства на региональном уровне, в том числе и проведение единой государственной политики; политическая децентрализация и региональная автономизация [3, с. 74]. Авторы в данном исследовании используют этот термин, отождествляя его с *политической децентрализацией и региональной автономизацией внутри государства*. Следует отметить, что начиная с конца XX века наметилась устойчивая тенденция роста процессов регионализма в различных государствах. С этим связано появление, так называемой, новой, переходной формы государственного устройства от унитарного к федеративному – *регионалистского государства*. Территория регионалистского государства полностью состоит из автономных территориальных образований, которые по правовому статусу и, соответственно, по объему полномочий органов государственного управления не равны статусу субъекта федерации, поскольку к ведению последнего относят больше полномочий, нежели к

автономии в региональном государстве. Это неравенство в правовом статусе выражается, прежде всего, в объеме политических прав, организации судостроительства, избирательной системы государства – у субъекта федерации таких прав больше, нежели, у автономных территориальных образований, образующих регионалистское государство. На данный момент к *регионалистским государствам* ученые склонны причислять следующие: Италию, Испанию, Шри-Ланку, Папуа-Новую Гвинею и Южно-Африканскую Республику [4, с. 176].

Процесс регионализма следует относить к основным, первостепенным внутригосударственным процессам трансформации форм государственного устройства, поскольку его влияние ощущается во многих современных странах, регионы которых тяготеют к социокультурной, политико-правовой и экономической самоидентификации (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Китайская Народная Республика (далее – КНР), Украина и многие другие государства). Влияние регионализма сконцентрировано прежде всего внутри государства, однако, данный процесс протекает достаточно медленно и латентно, в отличие от иных, более радикальных процессов (внутригосударственный ирредентизм, сепаратизм, сецессия) и относится к политико-правовым процессам, поскольку более ощутимо проявляет себя в правовой сфере (особый статус регионов-автономий всегда отражается в правовом поле в виде специальных актов, которые наделяют эти регионы особыми полномочиями в сфере государственного управления, по сравнению с административно-территориальными единицами в унитарном государстве).

Следующим, одним из основных внутригосударственных процессов трансформации форм государственного устройства, является *федерализация*. *Понятие федерализации* имеет *широкое* и *узкое* значение. В *широком* смысле слова, понятие федерализации включает в себя сложные и противоречивые процессы подготовки, учреждения, развития и оптимизации федеративной государственности, а также процессы возвращения к федерализму после периодов централизации или даже унитаризма в тех государствах, которые ранее провозгласили себя федерациями. В *узком* значении под федерализацией принято понимать процесс исключительно учреждения федеративной формы территориально-государственного устройства в конкретном государстве [5, с. 144]. В контексте данного исследования авторы рассматривают федерализацию в узком значении. Федерализация зародившись в конце XVIII века, с появлением на политической карте мира такого федеративного государства как Соединенные Штаты Америки (далее – США), продолжает развиваться и в XXI веке. Процессы образования федерации отмечаются и на данный момент. Так, федерациями в первом десятилетии нашего столетия стали такие государства как Республика Ирак (в 2005 г.) и Федеративная Демократическая Республика Непал (в 2008 г.).

Процессы федерализации можно наблюдать и в других государствах, например, проект федерализации Республики Маршалловых Островов – независимого, свободно ассоциированного с США государства, находящегося в Тихом океане. Причинами федерализации государств являются ощутимые плюсы такой формы государственного устройства, как федерация, которая дает возможность эффективного управления экономическими, политико-правовыми и социокультурными процессами внутри больших по территории или полинациональных государств, наделяя субъекты федерации значительным кругом самостоятельных и независимых от центральной власти полномочий и очерчивая их предметы/сферы ведения.

Процесс федерализации относится к основным внутригосударственным процессам трансформации форм государственного устройства, еще и потому, что имеет основополагающее значение в преобразовании унитарных государств в федеративные изнутри. В этом случае процесс федерализации обладает латентным характером, поскольку процесс образования федеративного государства из унитарного или ряда унитарных стран занимает достаточно длительный период времени в исторической ретроспективе, то есть не является одномоментным. Федерализация, также как и регионализм, относится к политико-правовым процессам, поскольку наиболее ощутимо проявляет себя в правовой сфере. Это связано с тем, что преобразование унитарного (унитарных) государства в федеративное и особый статус субъектов федерации всегда отражается в правовом поле в виде специальных актов, которые учреждают федеративное государство и наделяют субъекты федерации особыми полномочиями в сфере государственного управления, по сравнению с административно-территориальными единицами в унитарном государстве и регионами-автономиями в регионалистских государствах.

Далее рассмотрим ряд факультативных внутригосударственных процессов трансформации форм государственного устройства современных стран – *внутригосударственный ирредентизм, сепаратизм и сецессию*.

Проанализируем процессы ирредентизма, при этом авторы считают рациональным исследовать внутригосударственный и межгосударственный ирредентизм в совокупности, из-за схожей социально-политической природы этих явлений. *Ирредентизм* (от итал. *irredento* – неукупленный, неосвобожденный) – это политика государства, партии или политического движения по объединению рассеянного народа, нации или этноса в рамках единого государства [6, с. 56]. Проявления ирредентизма видны во многих регионах мира, причем, как внутригосударственного, так и межгосударственного (*внутригосударственный* – Вазиристан, Тибет, Синьцзян (Синьцзян-Уйгурский автономный район в составе КНР), Северный Кавказ, Новороссия (Юго-Восточная Украина), Корсика, Каталония, Баскония, Шотландия, Северная

Ирландия (Ольстер), Африканский Рог (Сомали, которое разделено на несколько непризнанных политий: Сомалиленд, Пунтленд, Джубаленд, Нортленд (Хатумо) и другие образования), Азавад, Северо-Восточная Мьянма (области Шан и Ва) и другие регионы; *межгосударственный* – Курдистан, Азад Джамму и Кашмир, Нагорный Карабах, Балканы (Косово) и другие регионы). Процессы ирредентизма могут носить экстерриториальный характер, затрагивать территорию одного или нескольких регионов государства или же территорию нескольких государств (соответственно, по этому критерию необходимо выделять внутригосударственный и межгосударственный ирредентизм). Причем, важно отметить, что ирредентизм не возникает на пустом месте, он долго зреет под влиянием отделенческих настроений членов того или иного этноса и, как правило, связан с этническими конфликтами внутри государства (например, конфликт этноса-меньшинства с титульным (автохтонным) этносом). Народности стремятся создать свое независимое государство или же воссоединить территорию своего компактного проживания с титульным государством, что может привести к значительным изменениям в государственном устройстве страны, в которой проживает ирредента (этнос-меньшинство) и страны, в состав которой эта ирредента может перейти (титульное государство).

Процесс *внутригосударственного ирредентизма*, на наш взгляд, обладает следующими характерными чертами:

- является факультативным по отношению к процессам основной группы (регионализм и федерализация);
- носит радикальный характер, поскольку развивается достаточно активно и быстро в хронологических рамках государственно-правовой реальности;
- ключевое влияние этого процесса сосредоточено в социально-политической сфере развития общества.

Межгосударственный ирредентизм, как уже упоминалось выше, по своей сущности очень схож с внутригосударственным, он также является факультативным по отношению к основным внешнегосударственным процессам трансформации форм государственного устройства, относится к радикальным процессам из-за своей активности и его влияние также больше всего сосредоточено в социально-политической сфере развития обществ, затронутых государств, однако, ключевым различием является направленность процессов – внутригосударственный ирредентизм развивается, в основном, на территории одного государства, а межгосударственный – на территории двух и более государств.

В данном исследовании необходимо уделить внимание и такому внутригосударственному процессу как *сепаратизм*. *Сепаратизм* – это политика и практика обособления, отделения части территории государства с целью создания нового самостоятельного государства или получения статуса широкой автономии. Сепаратизм ведет к нарушению суверенитета,

единства и территориальной целостности государства, принципа нерушимости границ и, как показывает опыт, может явиться источником острых государственных, межнациональных, конфессиональных и иных конфликтов. Однако, исходя из практики, причины сепаратизма очень часто детерминированы нарушением прав и свобод человека и народов, национальных, расовых и религиозных групп (меньшинств) в государстве. В этом плане сепаратизм может играть положительную роль, как это имело место, например, в борьбе против колониализма, за образование суверенных национальных государств [7, с. 25]. Примеров протекания процессов сепаратизма на современной политической карте мира множество (КНР – Тайвань, Индонезия – Восточный Тимор, Канада – Квебек, Эфиопия – Эритрея, Судан – Южный Судан и ряд других).

Сепаратизм относится к факультативной группе внутригосударственных процессов трансформации форм государственного устройства, проявляется в крайне радикальном течении внутри государства и оказывает наибольшее влияние на две сферы жизнедеятельности общества: социально-политическую и военно-политическую. Это связано с тем, что сепаратизм в обществе зарождается как социально-политическое явление, однако, с развитием процесса он может приобрести военно-политический характер, что отражается в вооруженном конфликте на территории государства (гражданская война, национально-освободительное движение, восстание (мятеж) и тому подобные явления). Сепаратизм может привести к отделению какого-либо региона от государства и образованию нового независимого государства или же передачи этого региона под суверенитет иной державы, что естественно отображается на государственном устройстве страны, в которой находился очаг сепаратизма и государственном устройстве страны, принявшей данный регион в свою систему административно-территориальных единиц.

Последним внутригосударственным процессом, который будет рассмотрен в данном исследовании, является *сецессия* или же *сецессионизм*. *Сецессионизм* – это политическое движение, целью которого является юридически оформленный выход части территории государства из его состава (собственно, *сецессия*, как результат) с последующим образованием нового независимого государства или присоединением к государству уже существующему [8, с. 87]. Примерами юридически оформленных сецессий являются распад Чехословакии, Югославии и Союза Советских Социалистических Республик. Основным отличием сецессионизма от сепаратизма является характер влияния процесса на общественную жизнь. Так, сепаратизм наиболее всего проявляет себя в социально-политическом плане (не исключая проявлений в военно-политическом плане), а сецессия – в политико-правовом, что обусловлено особенностями юридического

оформления сецессии (выход части территории государства из его состава сопровождается соответствующими юридическими документами), а также, как правило, характеризуется добровольностью и признанием отделения, как внутри государства, так и на международной арене.

Сецессия, также как и сепаратизм, принадлежит к факультативной группе внутригосударственных процессов трансформации форм государственного устройства, обладая, как уже было сказано ранее, политико-правовым характером воздействия на общественную жизнь, а также является радикальным явлением, по отношению к процессам из основной группы внутригосударственных процессов (регионализм и федерализация), поскольку протекает, как правило, достаточно быстро в хронологическом плане на просторах политико-правового пространства государства. Влияние сецессии на трансформацию государственного устройства схоже с влиянием сепаратизма (может привести к отделению какого-либо региона от государства и образованию нового независимого государства или же передачи этого региона под суверенитет иной державы).

Приступим к детальному анализу *внешнегосударственных (межгосударственных)* процессов трансформации форм государственного устройства современных стран. К *основным* процессам этой группы необходимо относить: *регионализацию и глобализацию*. Однако, помимо основных процессов, влияние оказывают и *факультативные: межгосударственный ирредентизм, оккупация, аннексия и фузия* [9, с. 36]. Разграничение внешнегосударственных процессов на основные и факультативные происходит исходя из значимости процесса в современном политико-правовом пространстве планеты, основные – оказывают более значительное влияние, нежели факультативные, что связано с особенностями их протекания. Процесс *межгосударственного ирредентизма* был рассмотрен авторами в совокупности с внутригосударственным ирредентизмом и его анализ был представлен выше, в силу чего характеристику данного процесса авторы опустят и сконцентрируют внимание на рассмотрении иных основных и факультативных процессов.

Рассмотрим такой межгосударственный процесс как *регионализацию*. *Регионализация (от лат. regio – страна, область)* – это процесс формирования и развития межгосударственных экономических и других объединений на основе близости социокультурных (морально-этических, религиозных и других факторов). В современном мире регионализация выступает одновременно как этап и ответ на вызовы глобализации (интернационализации). Происходит ускорение модернизации через территориальную концентрацию, конкуренцию региональных условий хозяйствования [10]. Протекание регионализации проявляется в образовании целого ряда региональных интеграционных международных организаций

(Европейский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, Организация Восточно-карибских государств и многие другие).

Регионализация относится к основной группе внешнегосударственных (межгосударственных) процессов трансформации форм государственного устройства, поскольку этот процесс проявляет себя в большинстве регионов мира, его влияние так или иначе сказывается на всей международной арене и протекает данный процесс между государствами, в их взаимосвязи, соответственно, процесс нужно относить к внешнегосударственным. Процесс регионализации по своей радикальности необходимо относить к латентным процессам, а по сферам общественного воздействия, этот процесс относится к группе политико-правовых. Это связано с тем, что данный процесс не может протекать внезапно, резко, одномоментно. *Региональная интеграция* – это планомерный процесс, занимающий десятилетия работы между дипломатами стран-участниц тех или иных региональных объединений. Влияние регионализации на политико-правовую сферу обществ стран-членов выражается в заключении ряда международных договоров и других интеграционных документов на полях форумов и иных встреч стран-членов международных организаций, при этом решения делегатов от всех государств-участников, как правило, облекаются в форму международных документов, что и характеризует особое влияние регионализации на политико-правовую сферу развития мирового сообщества. Регионализация, как процесс трансформации форм государственного устройства, оказывает влияние на суб- и макрорегиональном уровне развития межгосударственной интеграции и подразумевает увеличение роли региональных организаций во всемирном политическом процессе. Соответственно, регионализация влияет на форму государственного устройства в ключе усиления интеграции в рамках конкретного суб- и макрорегиона, что в дальнейшем может способствовать образованию новых государств со своими моделями государственного устройства в определенном регионе политической карте мира.

Далее рассмотрим еще один из основных внешнегосударственных процессов трансформации форм государственного устройства – *глобализацию*. *Глобализация* (от лат. *globus* – шар) – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [11, с. 11]. Процесс глобализации протекает во всем политико-правовом пространстве современного мира, что отражается в активизации деятельности универсальных международных организаций (ООН, в целом, и система отраслевых международных организаций при ООН (Международный валютный фонд, Международная финансовая корпорация,

Международный банк реконструкции и развития и другие), в исторической ретроспективе – Лига Наций).

Глобализация – это внешнегосударственный процесс трансформации форм государственного устройства, который относится к группе основных, поскольку его влияние сосредоточено во внешнем взаимодействии государств в планетарном масштабе и затрагивает максимальное количество субъектов в международных интеграционных процессах. Такое влияние глобализации носит массовый и всепроникающий характер ввиду становления системы интернационального информационного пространства на основе развития новейших информационно-коммуникационных компьютерных технологий [12, с. 16]. Соответственно, этот процесс необходимо относить к группе основных внешних трансформаторов политико-правового пространства. Глобализация по своей радикальности относится к латентным процессам, а по сферам общественного воздействия, относится к группе политико-правовых, данная градация наиболее объективно отражает политико-правовую действительность, поскольку процесс глобализации не протекает стремительно, этот процесс развивается столетиями, планомерно, начиная, как минимум, свое развитие с XV века (начало периода Великих географических открытий в истории человечества). Однако, мнения на счет отправной точки активизации процесса глобализации у ученых могут разниться, отсчет начала активизации данного процесса с зарождением эпохи Великих географических открытий – это сугубо позиция авторов представленного исследования. Политико-правовой характер глобализации обусловлен стандартизацией и унификацией законодательства в государствах, которые участвуют в международных интеграционных объединениях универсального характера, и характеризуется установлением внутри объединений единых стандартов правового регулирования в области экономики, политики, технологий и в др. сферах. Соответственно, эти единые стандарты влекут за собой унификацию норм и их имплементацию в национальные нормативно-правовые базы стран-участниц таких объединений. На трансформацию форм государственного устройства влияние глобализации оказывается не напрямую, а опосредованно, мягко. Вследствие увеличения степени интеграции государств они чаще вступают в универсальные международные объединения, включаясь в процесс унификации и имплементации внутри конкретного объединения. Подобные формы межгосударственных объединений, в будущем, могут интегрироваться до такой степени, что начнут образовывать единое государство, которое станет обладать собственной формой государственного устройства, соответственно, федеративной или унитарной, а возможно и новым видом, возникнувшим вследствие эволюции государственно-правовой реальности (теория «всемирного государства», «мирового правительства»).

Факультативная группа внешнегосударственных процессов трансформации форм государственного устройства представлена такими ее видами: *аннексия, оккупация, фузия и межгосударственных ирредентизм* (был рассмотрен ранее, вместе с внутригосударственным ирредентизмом). Проанализируем государственно-правовую характеристику процесса *аннексии*.

Аннексия (лат. *annexio* от лат. *annexis* – присоединенный) определяется в российской юридической литературе как насильственное присоединение государством всей территории другого государства или ее части в одностороннем порядке. Западные юристы дают аналогичное определение аннексии [13, с. 42]. В недалекой исторической ретроспективе можно привести несколько примеров аннексий: присоединение Австрии к Германии (аншлюс) в 1938 г.; аннексирование территории Кувейта Ираком в 1990 г.; Израильская аннексия Восточного Иерусалима, до этого находившегося под контролем Иордании (1967 г.), а затем и сирийских Голанских высот (1981 г.) и другие. Аннексия, как процесс трансформации форм государственного устройства, влияет на него непосредственно, поскольку государство может либо полностью прекратить свое существование (как в случае с аншлюсом Австрии) и войти в состав другого, в виде административно-территориальной единицы, либо потерять часть своей территории (как в случае с Израильской аннексией Восточного Иерусалима и Голанских высот), и, соответственно, потерять свои административно-территориальные единицы, тем самым, де-факто (а иногда и де-юре) трансформировав государственное устройство.

Как уже было выше упомянуто, процессы аннексии относятся к факультативной группе внешнегосударственных процессов трансформации форм государственного устройства, поскольку данные процессы не носят массового характера на современной политической карте мира, являются довольно эпизодичными и согласно нормам современного международного права, аннексия является одним из видов агрессии и влечет наступление международно-правовой ответственности. Аннексия относится к внешнегосударственным процессам, поскольку она протекает между несколькими государствами (обычно двумя) на мировой политической арене. По радикальности процесса аннексию можно отнести к радикальным процессам, что связано с характером ее протекания, обычно она осуществляется в довольно коротких хронологических рамках, а по сфере общественного влияния данный процесс следует относить к военно-политическим, поскольку почти всегда аннексия сопровождается вооруженным конфликтом на аннексированной территории.

Схожим с процессом аннексии по своим политико-правовым характеристикам является процесс *оккупации*. Под *военной оккупацией* понимают временное занятие вооруженными силами одного государства территории (части территории) другого государства и установление власти военной администрации на оккупированной территории [14, с. 91]. Примерами оккупаций могут служить: оккупация Нацистской Германией территории ряда

европейских стран (Польша, Норвегия, Дания, Франция, часть Союза Советских Социалистических Республик (Украина, Беларусь, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия), Бельгия, Нидерланды и другие); оккупация Турцией территории Северного Кипра (самопровозглашенная Турецкая Республика Северного Кипра); оккупация северо-восточной территории Китайской республики войсками Японской империи (государство Маньчжоу-Го) и другие. *Оккупация и аннексия схожие по многим критериям процессы, однако, у них есть ряд существенных отличий:*

- оккупант не присоединяет захваченную территорию к своему государству, но, удерживает контроль над ней, как правило, не претендуя на суверенитет над захваченными территориями (контролирует де-факто);
- в публичном международном праве режим военной оккупации регламентирован, в отличие от аннексии территории;
- аннексия территории всегда враждебна по отношению к государству, под суверенитетом которого, находится аннексированная территория, в отличие от оккупации, которая не обязательно является враждебной (оккупация Исландии США по соглашению с Исландией);
- режим военной оккупации, как мы можем наблюдать из примера представленного выше, может обладать правомерностью, в отличие от режима аннексии территории.

Оккупация является факультативным внешнегосударственным процессом трансформации форм государственного устройства, во многом ее характеристика совпадает с характеристикой аннексии, поскольку политико-правовая природа данных явлений очень схожа, как уже было упомянуто выше. Факультативность процесса обуславливается его второстепенной ролью в трансформации форм государственного устройства, государство-оккупант, как правило, не стремится провозгласить суверенитет над оккупированными территориями, однако, де-факто, государственное устройство страны, подверженной оккупации, деформируется, поскольку такое государство теряет контроль над частью своих территорий. Также факультативность данного процесса можно объяснить достаточно редким применением данного правового режима над территориями на современной мировой политической арене, оккупации осуждаются мировым сообществом. Оккупация относится к внешнегосударственным процессам, поскольку этот процесс – отражение взаимоотношений минимум двух субъектов международного права: *государства-оккупанта и государства-жертвы*. Процесс оккупации относится к радикальным процессам, ввиду характера его протекания: он протекает резко, обычно в короткий срок, а по сфере общественного воздействия этот процесс относится, как и процесс аннексии, к военно-политическим. Отнесение аннексии и оккупации к военно-политическим процессам весьма справедливо, ведь и то, и другое явление, по своей сути, заключается в военном отчуждении

части территории от одного государства, под суверенитетом которого находится территория (государство-жертва), под фактический контроль другого государства (государства-оккупанта, государства-агрессора). Влияние оккупации на форму государственного устройства оказывается непосредственное, государство-жертва оккупации может либо вовсе на время прекратить свое существование или же фактически лишиться какой-либо административно-территориальной единицы.

Последним процессом-трансформатором, который будет подвергнут анализу в данной работе, является *фузия* государств. *Фузией* признается слияние государств, в результате которого появляется новое государство [15, с. 61]. Как правило, государства, которые соединяются в процессе фузии, населены преимущественно одним этносом. Примерами фузий в недавней истории могут служить объединение следующих государств: объединение Федеративной Республики Германия (Западная Германия) и Германской Демократической Республики (Восточная Германия) в 1990 году; объединение Республики Вьетнам (Южный Вьетнам) и Демократической Республики Вьетнам (Северный Вьетнам) в 1976 году; соединение Народной Демократической Республики Йемен (Южный Йемен) и Йеменской Арабской Республики (Северный Йемен) в 1990 году и другие. Влияние фузии на форму государственного устройства является первостепенным, поскольку оба государства, которые объединяются, перестают существовать в прежних границах, их устройство меняется фундаментально, страны могут менять форму государственного устройства (с федеративной на унитарную или, наоборот, – с унитарной на федеративную), при этом состав и количество административно-территориальных единиц при фузии подлежит реформированию.

Фузия относится к факультативным внешнегосударственным процессам трансформации форм государственного устройства, поскольку данное явление достаточно редко происходит в мировом политико-правовом пространстве, и оно не играет определяющей роли в трансформации форм государственного устройства на современном этапе государствогенеза. Определение процесса фузии государств как внешнегосударственного отвечает политико-правовым реалиям, поскольку при фузии государств объединяются два государства, соответственно, данный процесс протекает на межгосударственном уровне, а не на внутринациональном. Фузию по своей радикальности следует относить к радикальным процессам-трансформаторам, она протекает достаточно быстро и явно, государственное устройство стран меняется коренным образом. По сфере общественного влияния фузия относится к политико-правовым процессам, поскольку именно в данной сфере ощущается наибольшее ее влияние, фузия резко трансформирует государственно-правовую реальность для двух объединяющихся государств.

Подводя итог данному исследованию, необходимо отметить, что процессы трансформации форм государственного устройства – это

политико-правовые явления, которые тем или иным образом изменяют форму государственного устройства. На современном этапе государствогенеза такими процессами-трансформаторами являются: регионализм, федерализация, регионализация, глобализация, ирредентизм (внутригосударственный и межгосударственный), сепаратизм, сецессия, аннексия, оккупация и фузия. В представленном исследовании авторами были подвергнуты политико-правовому анализу все процессы, перечисленные выше, была дана их детальная классификация и характеристика. Процессы трансформации форм государственного устройства можно классифицировать по различным критериям, такими критериями выступают: значимость процесса на современном этапе государствогенеза (основные / первостепенные и факультативные / второстепенные процессы); радикальность процесса (радикальные и латентные процессы); направленность процесса (внутригосударственные/внутринациональные и внешнегосударственные / межгосударственные процессы); сфера общественного влияния или же воздействия (военно-политические, социально-политические и политико-правовые процессы).

Список источников

1. Рост численности членов ООН с 1945 года / Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/member-states/growth-united-nations-membership-1945-present/index.html> (дата обращения: 25.02.2022). – Загл. с экрана.
2. Слизовский, В. А. Трансформация форм государственного устройства современных стран: проблема влияния внутригосударственных процессов / В. А. Слизовский // Актуальные вопросы права и государственного строительства. – 2021. – Вып. XXV. – С. 216–217.
3. Аброськина, Е. В. Понятие регионализма / Е. В. Аброськина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 73–75.
4. Чиркин, В. Е. Государствоведение: учебник / В. Е. Чиркин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрист, 2000. – 384 с.
5. Ившина, И. Н. Виды федерализации как процесса учреждения федеративной государственности / И. Н. Ившина // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 144–153.
6. Мустафин, А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений / А. А. Мустафин. – Ангарск: АГТА, 2012. – 168 с.
7. Анастасов, А. И. Регионализм и сепаратизм: общее и особенное / А. И. Анастасов // Постсоветский материк. – 2021. – № 1(29). – С. 21–31.
8. Попов, Ф. А. Сецессионизм как угроза безопасности / Ф. А. Попов // Восточная аналитика. – 2011. – № 2. – С. 84–93.
9. Слизовский, В. А. Трансформация форм государственного устройства современных стран: проблема влияния внешнегосударственных процессов / В. А. Слизовский // Социально-экономические, идеологические и политические аспекты развития государства и права: история и современность. – 2021. – Вып. 4. – С. 36–37.

10. Дергачев, В. А. Геополитика: Русская геополитическая энциклопедия / Институт геополитики профессора Дергачева. – 2010–2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html> (дата обращения: 25.02.2022). – Загл. с экрана.
11. Гридин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л. Е. Гридин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31. 12. Кириленко, В. П. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев / / Управленческое консультирование. – 2016. – № 3. – С. 14–23. 13. Васильева, Н. И. Аннексия и сецессия в контексте международного права и мировой политики: теория и исторический опыт / Н. И. Васильева // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. – № 2. – С. 41–54.
14. Толочко, О. Н. Международно-правовой режим военной оккупации / О. Н. Толочко // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 4 Правазнаўства. – 2009. – № 2(84). – С. 91–95.
15. Спиридонов, Л. И. Теория государства и права: учебник / Л. И. Спиридонов. – М.: Проспект, 1996. – 304 с.

Поступила в редакцию 30.03.2022 г.

CHARACTERISTICS OF THE PROCESSES INFLUENCING THE TRANSFORMATION OF THE FORMS OF GOVERNMENT AT THE PRESENT STAGE OF STATE GENESIS

In this paper, the main processes that influence the transformation of the forms of state structure of modern countries are analyzed, both domestic and foreign (interstate) political and legal transformers were considered.

Keywords: form of government, transformation, federalization, regionalism, globalization, regionalization, irredentism, separatism, secession, annexation, occupation, fusion.

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Stepanova Yulia

Senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: julias.stepanova@yandex.ru

Слизовский Всеволод Андреевич

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

Slizovskiy Vsevolod

Student Faculty of Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

УДК 343.35

Тимошенко Н. А.
Кулик И. С.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

В работе проведено исследование проблемных аспектов объективной стороны служебного подлога, как уголовно-наказуемого деяния, посягающего на нормальное функционирование органов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Установлено, что востребованность однозначного подхода к толкованию статьи, посвященной служебному подлогу на данном этапе развития личности, общества и государства достигла высокого уровня, что связывается с возможностью ослабления или нейтрализации коррупциогенных факторов. Игнорирование проблемных вопросов, существующих на данном этапе, связанных с толкованием и применением нормы, касающейся служебного подлога, может приводить правоприменителей к неоднозначному решению. Как итог – ущерб авторитету государства в целом.

Ключевые слова: документ, служебный подлог, преступность, объективная сторона, коррупция, должностное лицо.

Современные учения о подлоге документов, как одного из противоправных деяний, берут свое начало из римского права, где данное понятие и было выработано. Определение «подлога» берет свое начало от латинского слова «fraus», которое переводится как «подделка документов», а синонимичным словом является «фальсификация» [1, с. 638]. Отсюда целесообразно сделать вывод о том, что сущностью подлога являются определенные коррозионные вопросы в обществе и государстве в целом, связанные с искажением истины с целью ввести кого-либо в заблуждение.

Служебный подлог рассматривается учеными и практиками, как социальное явление, которое по своей сущности служит одной из предпосылок совершения коррупционных преступлений и связывается это в первую очередь с продажностью должностных лиц, а также государственных и муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами.

Применительно к сегодняшним реалиям, служебный подлог является «первой ступенью» к совершению преступлений, закрепленных в главе 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее по тексту – УК

ДНР) (злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, нецелевое расходование бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов).

Предметом служебного подлога является официальный документ, то есть документ, принимаемый органами государственной власти, носящий обязательный, информационный или рекомендательный характер. Любой официальный документ должен оформляться в установленном законом порядке, иметь свою форму и реквизиты. При этом важно учитывать, что официальный документ не только предоставляет права, возлагает обязанности, влечет юридические последствия или освобождает от них, но также может удостоверяет факты и события, имеющие юридическое значения и влекущие определенные юридические последствия. Самый яркий пример – постановление о возбуждении уголовного дела, искажая действительное содержание которого, субъект преступного посягательства желает улучшить статистику показателей раскрываемости преступлений.

Документ же представляет собой материальный объект, в котором зафиксированы сведения о каких-либо происшедших или предполагаемых фактах. Термин «документ» происходит от латинского слова «documentum» и обозначает доказательство чего-нибудь, свидетельство [2, с. 86]. Исходя из этого целесообразно сделать вывод, что любой документ должен быть зафиксирован на материальном носителе определенной информации и иметь юридическое значение, заключающееся в предоставлении права или освобождении от обязанности.

Помимо этого, для признания документа действительным, он должен содержать в себе обязательные сведения, именуемые реквизитами (от лат. *requisitum* – необходимое, обязательное, требуемое), отсутствие которых, в установленных законом случаях, ведет к недействительности или спорности данного документа. К таким сведениям необходимо отнести наиболее утвердившиеся и часто встречаемые: наименование, название и адрес предприятия, организации или учреждения, составившего документ, дата составления, основания и содержание, номер, подписи, оттиски печатей и штампов.

Объективной стороной любого состава преступления, предусмотренного действующим УК ДНР, является внешнее выражение преступного поведения индивида, выражающееся в общественно-опасном деянии, влекущем либо не влекущем общественно-опасные последствия.

Исходя из содержания статьи 346 УК ДНР объективная сторона служебного подлога может быть осуществлена субъектом преступного поведения благодаря выполнению одного из двух альтернативных действий:

- внесение в официальные документы заведомо ложных сведений;
- внесение в официальные документы исправлений, искажающих действительное содержание.

Данный состав преступления, по своей конструкции, является формальным, то есть предусматривает наступление уголовной ответственности с момента внесения в официальный документ ложной информации или исправлений, ибо использование готового подложного документа статьей 346 УК ДНР не охватывается. Имеет место только в том случае, когда внесенные в документ заведомо ложные сведения связаны со служебными функциями (обязанностями) лица.

Несмотря на множественность мнений в юридической литературе, наиболее часто встречаемым и соответствующим действительности является мнение, согласно которому подлог принято делить на интеллектуальный и материальный.

Интеллектуальный подлог заключается во внесении в официальный документ, правильно изготовленный по своей форме с надлежащими реквизитами, информации, искажающей действительность. Материальный подлог выражается в изменении содержания официального документа путем внесения в него заведомо ложных сведений или составлению поддельного документа благодаря частичной или полной подделке. Искажение содержания официального документа может быть осуществлено, к примеру, путем дописки и исправления записей, изменения информационной нагрузки и содержания, травления и смывания текста или подчистки, которая заключается в уничтожении всевозможными способами подлинного содержания или реквизитов с возможностью их замены на ложные, не соответствующие действительности [3, с. 16].

Дописка представляет собой способ изменения изначального содержания документа благодаря внесению в рукописный текст ранее отсутствующих отдельных письменных знаков, новых слов или фраз. Дописка всегда производится в отношении цифровых или буквенных записей. Исходя из анализа судебной практики, наиболее часто встречается при искажении истинного содержания процессуальных документов, издаваемых в рамках конкретного уголовного дела. Признаки дописки, к числу которых необходимо отнести, к примеру, неравномерность промежутков между словами, буквами внутри слов, строками, искажение разгона и размера почерка в определенной части документа и прочее, распознаются в процессе технико-криминалистического и почерковедческого исследования.

Исправлением же является способ корректирования изначального документа путем изменения одних письменных обозначений (цифровых и буквенных записей) на другие. Как правило, производится исправление близких по конфигурации цифр и букв. Признаками могут служить слабовидимые различия в интенсивности красителей штрихов в цифрах, буквах и словах, а также дефект бумаги.

При травлении используются химические реактивы (щелочи и кислоты), которые вступая в реакцию с красителями обесцвечивают определенную

часть текста. Признаками травления являются: появление матовых участков, изменение определенной части бумаги, появление мелких трещин, хрупкость и шероховатость бумаги.

Материальный подлог, в отличие от интеллектуального, может быть установлен благодаря технико-криминалистическому исследованию документов.

В связи с этим, считается целесообразным затронуть вопрос отнесения к преступлению, предусмотренному статьей 346 УК ДНР, действий лиц по изготовлению полностью поддельного документа, ведь в юридической литературе до сих пор не сложилось единого мнения касательно этого. Исходя из диспозиции статьи, посвященной служебному подлогу, внести заведомо ложные сведения, а равно исправления, искажающие действительность, возможно лишь в уже существующий в нашей реальности документ, который на момент его подлога субъектом преступления, уже имеет статус официального. Однако так ли это на самом деле? Если обращаться к буквальному толкованию статьи закона и исходить из ее лексического содержания – возможно, ведь в диспозиции статьи употребляется лишь термин «внесение», но никак не «составление» или «изготовление». С другой стороны, исходя из юридической практики, ложные сведения могут быть внесены во время создания документа, поскольку процесс создания (подготовки, составления) заключается во внесении определенных сведений. В связи с этим, считается целесообразным наличие разъяснения постановления Пленума ВС ДНР по данному вопросу, чтобы отпала необходимость в изложении статьи 346 УК ДНР в новой редакции.

Так, следователь М. был осужден за служебный подлог. М. вынес постановление о приостановлении производству по делу в связи с тяжелым заболеванием обвиняемого, заведомо осознавая, что предоставленная справка являлась фиктивной. Однако это следователя М. не остановило и позднее, за денежное вознаграждение, он вынес постановление о прекращении дела, по которому следствие приостановлено на основании подделанного свидетельства о смерти, которое было переданному М. лично обвиняемым [4].

В связи с этим, также немаловажным и вызывающим интерес в контексте проводимого исследования является вопрос, имеющий весомое практическое значение и касается он самой процедуры подготовки официального документа, при которой документ подготавливается несколькими лицами (например, одно должностное лицо составляет, а другое утверждает своей подписью). Исходя из анализа объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 346 УК ДНР, действия лица, направленные лишь на утверждение официального документа, который содержит в себе сведения, являющиеся недостоверными – невозможно рассматривать как служебный подлог в чистом виде, несмотря на зачастую весомое юридическое значение.

Связывается это в первую очередь с тем, что отсутствует признак объективной стороны служебного подлога, выражающийся во внесении в

официальный документ сведений, не соответствующих действительности. Исходя из вышеизложенного, целесообразно сделать вывод о том, что действия лица, уполномоченного на утверждение официального документа, даже осознавая подложность такого документа, не могут квалифицироваться как служебный подлог, ибо вышеуказанным лицом вносится вполне достоверная информация – его подпись. Однако это не означает, что лицо не будет нести никакой ответственности за свои действия. Подобные деяния, при наличии необходимых условий, могут расцениваться как злоупотребление должностными полномочиями или соучастие в служебном подлоге.

Если же субъект ставит на официальном документе поддельную подпись утверждающего лица, тем самым внося заведомо ложную информацию, то его деяния, несомненно, подпадают под признаки объективной стороны служебного подлога.

Несмотря на очевидность формы совершения служебного подлога, заключающуюся исключительно в активном действии, вызывает интерес мнения ряда ученых, считающих, что служебный подлог может быть выражен в пассивной форме. Так, к примеру, Г. В. Журавлева считает, что служебный подлог может совершаться в форме бездействия, когда субъект преступления «утаивает те обстоятельства, которые законодательством признаны обязательными» [5, с. 91]. Р. Б. Семенов же утверждает, что пассивная форма служебного подлога заключается в «умолчании об истине, когда лицо не вписывает в документ информацию, соответствующую действительности» [6, с. 125].

Однако два вышеуказанных мнения представляют лишь познавательный интерес и не могут быть признаны, ибо диспозиция статьи 346 УК ДНР содержит в себе указание исключительно на общественно-опасное действие с отсутствием возможности совершения данного состава преступления в форме бездействия.

Исходя из вышеизложенного, считается целесообразным сделать вывод о том, что игнорирование проблемных вопросов, существующих на данном этапе, связанных с толкованием и применением нормы, касающейся служебного подлога, может приводить правоприменителей к неоднозначному решению. Как итог – ущерб авторитету государства в целом.

Список источников

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. – 800 с.
2. Шепитько, В. Ю. Криминалистика: курс лекций / В. Ю. Шепитько. – Харьков, 2003. – 352 с.
3. Романова, В. В. Служебный подлог: учебное пособие / В. В. Романова. – Санкт-Петербург, 2017. – 56 с.

4. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 13 июля 2006 г. Дело № 11-о06-47 / Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2021). – Загл. с экрана.
5. Журавлева, Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог / Г. В. Журавлева. – М., 2006. – 189 с.
6. Семенов, Р. Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов / Р. Б. Семенов. – М., 2005. – 186 с.

Поступила в редакцию 13.11.2021 г.

ON THE OBJECTIVE SIDE OF FORGERY

In this paper the study of problematic aspects of the objective aspect of forgery in office, as a criminal offence encroaching on the normal functioning of public authorities, public service and service in local government. It was found that the demand for an unambiguous approach to the interpretation of the article, devoted to official forgery at this stage of development of personality, society and state has reached a high level, which is associated with the possibility of weakening or neutralization of corruptive factors. Ignoring the problematic issues at this stage associated with the interpretation and application of the norms relating to forgery may lead law enforcement to an ambiguous decision. As a result – damage to the credibility of the state as a whole.

Keywords: document, forgery, criminality, objective side, corruption, official.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкой национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DRP, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Кулик Иван Сергеевич
студент юридического факультета
ГОУ ВПО «донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kulik2313@mail.ru

Kulik Ivan
Student Faculty of Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: kulik2313@mail

УДК 347.342.349

Фартушнова А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье ставится задача оценки соответствия действующего гражданского законодательства Российской Федерации объективной необходимости обеспечения защиты граждан в сфере информационных технологий в условиях современной цифровизации и в условиях использования высокоскоростных средств связи, а также оценки практики применения действующего законодательства в соответствующей сфере, в том числе, при реализации гражданских правоотношений. Анализируются стратегии национальной безопасности, исходя из понятия «информации», как ценности. Объясняется необходимость соответствия развития внутригосударственной правовой среды в сфере информационной безопасности в Российской Федерации одновременному формированию межгосударственных правовых основ.

Ключевые слова: информация, безопасность, Интернет, связь, государство, право, большие данные.

«Предупрежден – значит, вооружен» – широко известная пословица, которая в условиях современности приобретает новое острое значение. Всю историю человечества информация представляла из себя особую ценность. Информация может выступать инструментом в образовании, обеспечивать устойчивое развитие экономик, позволять сохранять культурные, духовно-нравственные, исторические ценности народов мира и т.д. Но вместе с тем, в мире существует и деструктивная информация, которая, способна наносить в той или иной степени вред как отдельно взятым лицам и государствам, так и всему человечеству в целом. Обеспечение информационной безопасности в любом обществе – одна из приоритетных задач органов публичной власти соответствующей страны. А в современном мире с развитием цифровых технологий и совершенствованием глобальной сети «Интернет» отдельную ветвь информационной безопасности составляет кибербезопасность. В условиях глобализации и широко развитой инфраструктуры информационно-коммуникационных систем, когда ничем не регламентирована обязанность привязки таких систем связи к тому или иному государству (праву), вопрос информационной безопасности стоит наиболее остро.

© Фартушнова А., 2022

Под информационной безопасностью подразумевается как процесс обеспечения сохранности информации, ее целостности и достоверности, так и процесс обеспечения безопасности от деструктивной информации, информации заведомо ложной, наносящей либо способной нанести тот или иной вред.

Собственно, информация – это некое сообщение с определенным наполнением. Это достаточно широкое понятие. К информации можно относить, также, и точные фото- и видеоизображения, авторскую графику и прочее. Чем больше информация способна к идентификации, тем наибольшую ценность она из себя представляет, одновременно, являясь объектом злоупотреблений правом и откровенных правонарушений.

Легендарное высказывание немецкого банкира еврейского происхождения и гражданина Великобритании Натана Майер Ротшильда: «Кто владеет информацией – владеет миром» – хрестоматийно: на дезинформации о, якобы, победе Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года семейство Ротшильдов сделало состояние, начав незамедлительно продавать свои облигации на бирже, что явилось триггером для всех остальных, доведя, тем самым, стоимость на облигации практически до нулевой, в то время как финансовые помощники самого Ротшильда параллельно скупали все акции по бросовым ценам; и когда, только спустя три дня – 21 июня 1815 года стало общеизвестно, что в сражении при Ватерлоо 18 июня Наполеон был разбит, стало понятно, что Н.Ротшильд заработал на биржевой игре, основанной на лжеинформации, огромные деньги: не менее 40 млн.фунтов стерлингов.

В современном мире, с активным развитием цифровых технологий, когда стало легкодоступно общение людей по всему миру по высокоскоростным каналам связи, стало также легко передавать любую информацию практически мгновенно миллионам людей.

Из истории нам известно, что первыми людьми, заселявшими территорию Северной Америки были выходцы из Азии, спустя, приблизительно, 30 тысяч лет, ставшие предками коренных индейцев. В X веке в Америку совершали походы древнескандинавские викинги. А в 1492 году испанский мореплаватель итальянского происхождения Христофор Колумб, благодаря своим морским экспедициям, «открыл» Америку остальному миру, положив начало Великим географическим открытиям.

Далее, в 1776 году из населенных и образованных к тому времени на территории Северной Америки 13-ти британских колоний, заявив о своей независимости, были образованы Соединенные Штаты Америки (США). И уже спустя только 169 лет, в 1945 году США стали называться первой ядерной державой – страной, разрабатывавшей, изготовившей и испытывавшей ядерное оружие. Практически незамедлительно – с 1946 года США встали в состояние

противостояния Союзу Советских Социалистических Республик (СССР). С того времени на планете Земля установился ядерный паритет между государствами-сверхдержавами.

Власть – это возможность навязывать свою волю другим, в том числе вопреки их желаниям. Такую возможность на протяжении всей истории человечества мало кто упускал. Ядерный паритет, установившийся в мире с середины 1940-ых годов, является, своего рода, «раздражителем» жаждущих власти. Понимание невозможности вступать в глобальный ядерный конфликт на общей планете, в то же самое время, когда ядерный потенциал – единственный и наиважнейший «аргумент» против нападения недружественных стран, многие «воспаленные» властные умы заставляет жить «навзрыд».

Почти параллельно с производством ядерного оружия, в конце 1930-ых годов в Германии создаются первые гражданские электронно-вычислительные машины (ЭВМ); дальнейшее развитие информационных технологий становится неумолимым. В 1962 году благодаря Джозефу Ликлайдеру, в свет выходит первая детально проработанная концепция компьютерной сети, и уже в 1969 году в Санта-Барбаре Штата Калифорния США появляется первая (локальная) компьютерная сеть «ARPANET», которая в последующем стала очень активно расти и использоваться.

К настоящему времени число пользователей уже глобальной сети «Интернет» достигает свыше половины всех людей планеты Земля.

Одновременно с развитием высокоскоростных массового использования информационных технологий, глобальной цифровизации представителям США становится кристально ясно, что все это – просто кладезь на пути к власти над мировым сообществом на Земле и за ее воображаемыми пределами. В отличие от России, США с 1970-ых годов активно вкладываются в развитие информационных технологий, в вовлечение в сферу компьютеризации и программирования максимального числа подчиняемых США лиц со всего мира (граждан США и иных заинтересованных лиц).

В 1957 году СССР был запущен первый искусственный спутник Земли «Спутник-1», наблюдая за сигналом от которого, США смогли проанализировать прямую взаимосвязь удаленности спутника от Земли с частотой сигнала. И в 1973 году уже на среднюю околоземную орбиту США запускают собственные спутники – современные GPS, которые позволяют выявлять местонахождение практически в любой точки нашей планеты и околоземного космического пространства. [3]

Все это и последующее активное развитие информационных технологий с рядом привилегий, позволило США, даже в условиях, казалось бы, лидирующего положения СССР и в дальнейшем – России в доступном человечеству космосе, наращивать все бoльший приоритет в областях глобального на мировом уровне владения и распоряжения информацией.

Даже в настоящее время в США существует масса программ обучения полностью бесплатных для любого лица по всему миру. Это является неоспоримым преимуществом в вовлечении в цифровую инфраструктуру молодых и любых заинтересованных умов, способных совершенствовать уже существующие наработки и достижения. В то время как в России получение качественного образования в сфере информационных технологий, до сих пор остается платным, что, логично, отталкивает массу людей от спроса на такое обучение и, как следствие, существенно тормозит и развитие информационных технологий в Российской Федерации на обывательском (но зачастую крайне полезном стране) уровне. Хотя, объективно, не стоит больших финансовых вложений даже не создание, а просто, например, организация внеурочных занятий для детей в каждой школе нашей страны, где есть компьютерный класс и доступ к сети «Интернет». Ничего более этого и преподавателя – студента соответствующего технического ВУЗа, для которого такая подработка и практика тоже не будет лишней – не требуется для обучения детей, начиная с 8-летнего возраста, основам алгоритмизации и программирования и актуальному уровню программных разработок на современных языках программирования. Не говоря о реальных возможностях бесплатного, но и, одновременно, качественного (что важно!) дистанционного обучения.

Таким образом, США, стремясь преодолеть ядерный паритет, не один десяток лет позволяя свободно развиваться в сфере информационных технологий всем заинтересованным лицам, достаточно легко достигают своих целей в массовом распоряжении информацией, шагнув далеко вперед привычных СМИ.

Одновременно с тем, что в Российской Федерации само развитие информационных технологий не является легкодоступным, в первую очередь, для всех граждан Российской Федерации, и право в нашей стране значительно отстает от цифровых достижений человечества.

Помимо узконаправленной технологичной грамотности людей, в современном обществе на государственном уровне уже давно должна массово культивироваться цифровая грамотность: «цифровая гигиена», «цифровая этика» и тому подобное.

В реальности, языки программирования имеют некое сходство с любыми другими иностранными языками. Однако, тотальное непонимание даже основ современного программирования (одновременно, в условиях уже глобальной цифровизации и все большего «обучения» искусственного интеллекта), основ несложной для среднестатистического, имеющего среднее образование человека алгоритмизации, неизбежно навлекает на любого мало-мальски грамотного программиста и/или системного администратора неоправданно излишне завышенное превосходство над другими людьми и специалистами

любой другой сферы деятельности. Априори приходится считать, что то, что бы не делал программист, – заведомо верное. Просто потому, что альтернативы этому у людей нет. В свою очередь, такой программист, не обладая, например, высокой нравственной культурой, резонно, будет считать себя «выше» других в любом коллективе. И как следствие, «цифровая этика» таким программистом и задается. И иной этики поведения в цифровом пространстве не рассматривается. Результатом этого общество внутри страны получает суициды среди детей после общения в социальных сетях, жертв мошенников после общения посредством телекоммуникационных средств связи, антивластные настроения слабых умов и т.д.

И должной защиты граждан государством посредством адекватных современным технологиям нормативно-правовых актов тоже, можно сказать, нет. Не говоря уже о практике применения.

С 2006 года, к примеру, в Российской Федерации существует закон «О персональных данных». [1] В 2006 году этот закон не был объективно нацелен на защиту персональных данных (ПД) в условиях цифровизации. Общими «мазками» и сегодня в закон внесены положения о трансграничной передаче и тому подобное. Реальной защиты ПД граждан Российской Федерацией не осуществляется. Например, де-юре законом предусмотрена возможность обрабатывать ПД только с соответствующего согласия субъекта. Однако, повсеместно (в поликлиниках, в гостиницах и пр.) такие согласия (максимально на всё) «штампуются» операторами, и под условием отказа в предоставлении оператором той или иной помощи, услуги соответствующие согласия по формам операторов просто подписываются юридически неподкованными гражданами. В «шаблоны» согласий операторов сплошь и рядом включены слова о праве обработки ПД оператором, в то время, как такая обработка, в силу закона, включает в себя, в том числе, передачу и распространение (неограниченному кругу третьих лиц). Вместе с тем, например, в некоторых гостиницах вход и вовсе осуществляется по отпечаткам подушечек пальцев. И выходит, что все согласия на то заведомо получены.

Однако, реально ПД граждан попадают в распоряжение огромного числа лиц, начиная от системных администраторов и даже не заканчивая руководителями конкретной организации (ведь согласие «получено» и на распространение ПД). Контроль за этим никто, в действительности, не осуществляет до тех пор, пока нет соответствующего «штучного» заявления более юридически подкованного человека. Но и с заявлением, крайне сложно привлечь хоть к какой-то ответственности. Не говоря уже о том, что в современной истории известна масса случаев утечек данных людей от операторов связи, из банков и других, но громких судебных процессов по привлечению к серьезной ответственности, превышающей

простое дисциплинарное взыскание, современной истории в России не известно.

Сравнивая с США, как локомотивом информационных технологий к настоящему времени, можно отметить, что правовая система и в них оставляет желать лучшего. Так, к примеру, известны судебные дела о дипфейках, проигранные пострадавшими – лицами, в отношении которых дипфейки создавались.

Принимая во внимание тот факт, что «Интернет» потому и называется «глобальной сетью», что способен охватить все страны мира, и понимая, что грамотная и высокопрофессиональная цифровизация в здоровых условиях в обществе – очень важный ресурс, Российской Федерации имеет смысл, не дожидаясь какого-то специального случая, а основываясь на уже положительно себя зарекомендовавших на практике нормах международного права, формировать и внутри страны соответствующие нормативно-правовые акты (и их кодифицировать), новые международные правовые положения в области цифровизации, развития и обучения искусственного интеллекта, космического пространства с его одновременным использованием с сетью «Интернет» и тому подобное, и просто предлагать на принципе свободы присоединения подключаться к разрабатываемым и актуализируемым правилам поведения в «межгосударственной цифровой среде» без обязательной привязки к экономическим и иным интеграциям. Заинтересованные лица, наверняка, найдутся и будут пополняться.

Человечество уже достигло понимания того, что стало очень легко в считанные секунды с конкретными целями дезинформировать людей. Среди огромного количества информации крайне сложно простому человеку выделять достоверную. Чтобы Интернет-среда не стала надгосударственной структурой, а программисты, которые не компетентны больше ни в чем, кроме программирования, не оказались выше власти в России, уже сегодня необходимо, со взрослым пониманием того, что Земля – наш единственный общий дом, выстраивать всеобщие цифровые правила поведения с целью благоприятной жизни на нашей планете. Основываясь на адекватные правила поведения, нужно формировать национальные частно-государственные цифровые ресурсы с высокими степенями защиты граждан и предоставлением гражданам возможности получать исчерпывающую и достоверную информацию из гарантированных государством источников. Необходимы государственные, прежде всего, инструменты, позволяющие любому гражданину Российской Федерации оперативно находить достоверную информацию среди огромного числа «информационного сора» в цифровой среде. И такие инструменты должны быть разработаны, отталкиваясь, исключительно, от интересов граждан Российской Федерации, и основываясь на безопасности страны и ее сильного суверенитета.

Так, к примеру, в Российской Федерации Роскомнадзор просто заблокирован сайт: www.flibusta.is – по причине того, что на данном ресурсе нарушаются авторские права. Однако, по всему миру этими нарушениями авторских прав свободно пользуются. И тот, кто использует данный сайт, не имея, например, возможности приобрести за деньги хорошую книгу, может позволить себе бесплатно такую книгу скачать с сайта. [4] Нарушение авторских прав не должно, благодаря органам публичной власти, становиться тяжелой ношей для пользователей – исключительно граждан Российской же Федерации. Однако, Роскомнадзор пошел по простому пути. Лишив тем самым, граждан Российской Федерации, по истине, хорошего и качественного источника потребления большого количества хорошей литературы.

Большой минус, когда информации в отношении одного и того же объекта слишком много – выделить достоверную становится крайне сложно. Но не менее плох и недостаток информации, а иногда и опасен. Отсутствие в обществе доступной и достаточной информации, отвечающей ежедневным потребностям человека (как, например, хорошая, качественная литература: будь то «История государства Российского» Н.М.Карамзина либо художественные произведения классиков и так далее) – благодатная почва для наполнения заинтересованными лицами незаполненных умов именно дезинформацией, формирующей во времени соответствующее сознание и поведение людей.

Крайне необходимо на легкодоступном уровне обучать всех граждан Российской Федерации культуре цифрового общения, «цифровой этике» и цифровой грамотности в целом. Имеет большой смысл государству уделить этому должное внимание и выделять необходимые и достаточные денежные средства для этих целей на постоянной основе, а также осуществлять бдительный контроль за информационной безопасностью граждан своей страны. 12 апреля 2021 года Президент Российской Федерации очень правильно определил вектор российской политики в условиях информационной безопасности на международном уровне, как совокупность мер по формированию международной информационной безопасности, исходя из интересов Российской Федерации, направленный на продвижение российских правовых инициатив в области международной информационной безопасности. [2]

Список литературы

1. О персональных данных: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 года № 152-ФЗ (с изм. и доп.): Принят Государственной Думой 08.07.2006 года, одобрен Советом Федерации 14.07.2006 года / Правовая электронная база «КонсультантПлюс» с доступом по онлайн-паролю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7BOaPETwbvjO2CVN&cacheid=D4668D0EF0C210BF3B02>

EE8EFF064AF3&mode=splus&rnd=iD4uLQ&base=LAW&n=389193# iJ2TQETYjqSAh2bk (дата обращения: 13.08.2022). – Загл. с экрана.

2. Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 года № 213 / Правовая электронная база «КонсультантПлюс» с доступом по онлайн-паролю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=7BOaPETwbvjO2CVN&cacheid=6EBB66CC8BED971160FD B44A0208E4&mode=splus&rnd=iD4uLQ&base=LAW&n=381999#fxfnQET2R6QtlyTq> (дата обращения 14.08.2022). – Загл. с экрана.

3. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/GPS> (дата обращения: 13.08.2022).

4. Интернет-статья / Сайт CNews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2016-06-01_vlasti_zablokirovali_setevuyu_biblioteku_flibusta (дата обращения: 13.08.2022). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 01.09.2022 года

INFORMATION SECURITY IN CIVIL LAW

The article aims to assess the compliance of the current civil legislation of the Russian Federation with the objective need to ensure the protection of citizens in the field of information technology in the context of modern digitalization and in the conditions of the use of high-speed communications, as well as to assess the practice of applying the current legislation in the relevant area, including in the implementation of civil legal relations. National security strategies are analyzed based on the concept of «information» as a value. It explains the need for the development of the domestic legal environment in the field of information security in the Russian Federation to be consistent with the simultaneous formation of interstate legal foundations.

Keywords: information, security, Internet, communications, government, law, big data.

Фартушнова Александра
юрисконсульт ООО «Отель»
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: fartushnova.alex@yandex.ru

Fartushnova Aleksandra
corporate lawyer, LLC «Hotel»
Russian Federation, Saint Petersburg
E-mail: fartushnova.alex@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

 – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

 – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

 – Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2022. – № 1

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 29.06.2021 г.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 14,98.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.